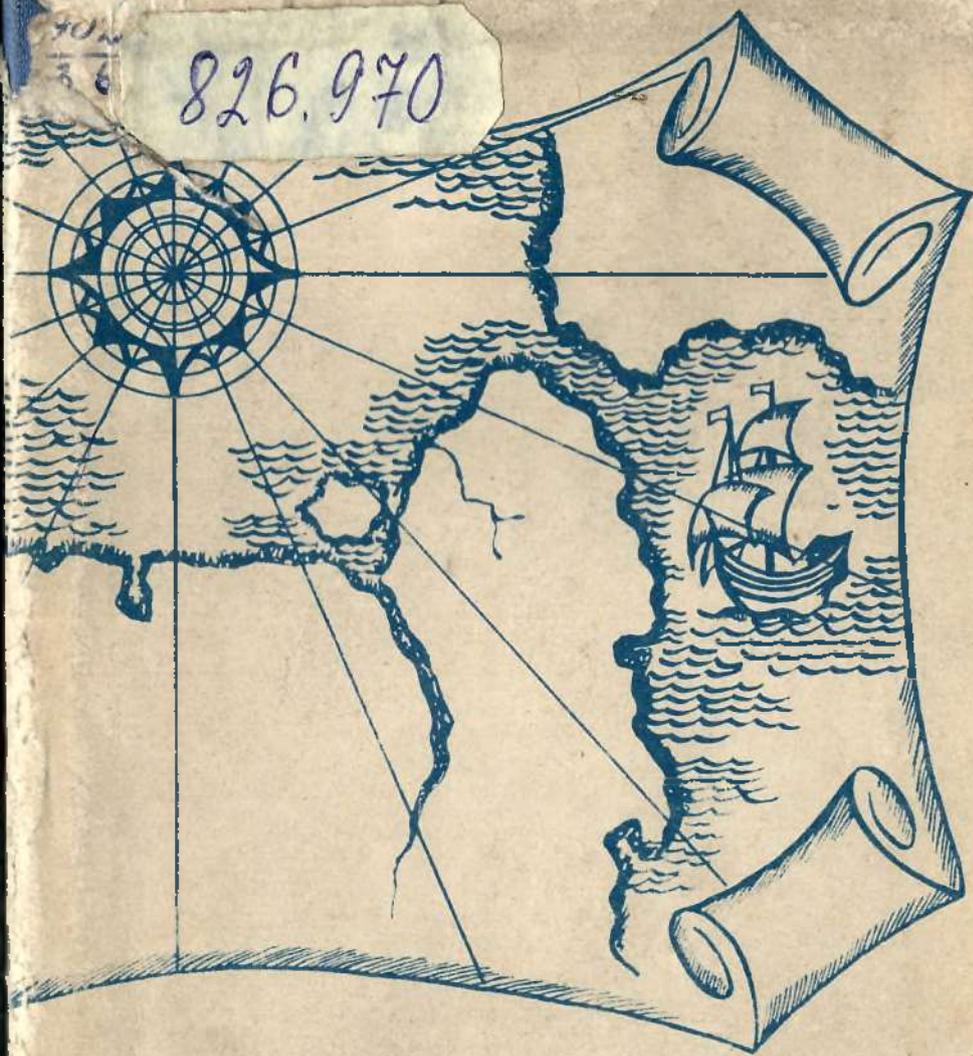
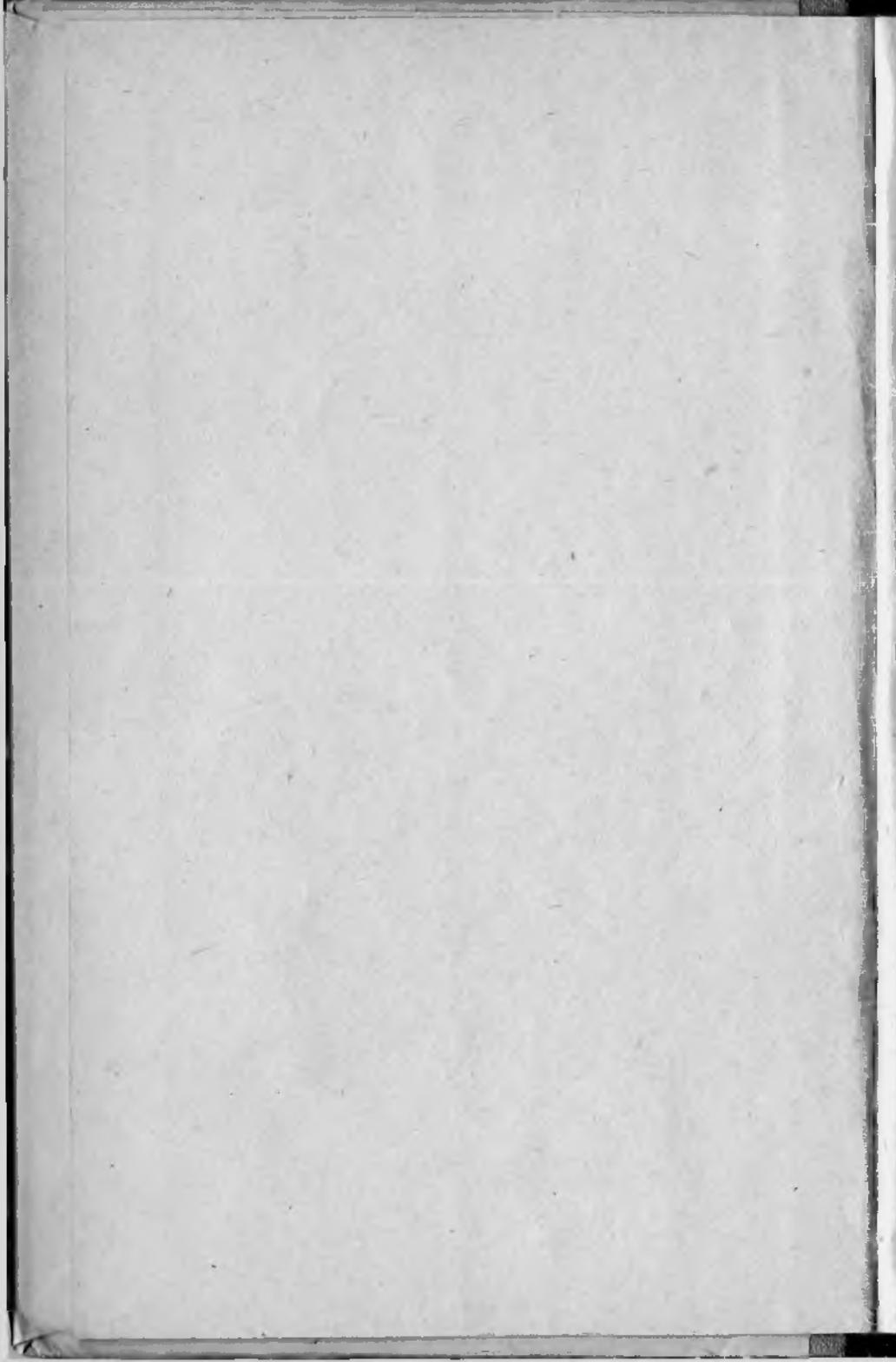

40
56
826.970

СИБИРЬ
В ИЗВЕСТИЯХ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
И УЧЕНЫХ **XVIII** ВЕКА

**ВОСТОЧНО-
СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1968**

902.2
3.63

Э. П. ЗИННЕР

СИБИРЬ

В ИЗВЕСТИЯХ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
И УЧЕНЫХ XVIII ВЕКА

ИРКУТСКАЯ
областная библиотека

ИРКУТСКИЙ
обязательный экземпляр

016978

КХ

предшествующих столетий не только количеством, но и качеством. Они не только научно более основательны и глубоки, соответствуют состоянию естественных наук эпохи просветительства, в них не только значительно меньше материала легендарного, но прежде всего видно, что характерный для предшествующих столетий эмпирический характер подбора материала и фактов (при котором, естественно, грань между сказочным, фантастическим и достоверным стирается) сменяется систематизацией, основанной на совершенно новой философской, социологической и исторической концепциях. Путешественник XV—XVII веков фиксировал — порой в причудливой, случайной последовательности или, вернее, непоследовательности — все, что видел или, чаще, слышал, не заботясь особенно о строгой исторической и логической связи, пренебрегая отсутствующими звеньями. Не случайно один из биографов Н. Витсена заявляет, что единственным принципом группировки многочисленных сведений о Сибири в труде голландского ученого, очевидно, был принцип последовательности поступления тех или иных материалов¹. Отсюда множество повторений, беспорядочное расположение известий об одном и том же предмете в различных частях книги.

Иное дело в материалах XVIII века. Ученый-просветитель собирает факты уже в определенной системе, руководствуясь, в частности, учениями Гоббса, Локка, Гарингтона, Гучисона, Монтескье, Вольтера, Руссо, Дидро об «естественном состоянии человечества», об «естественном праве». Принцип всеохватывающего энциклопедизма, присущий всему научному познанию эпохи Просвещения, находит место и в многочисленных известиях западных путешественников о Сибири². Хаотичность изложения материала в труде Витсена сменяется уже у Страленберга стремлением систематизировать материал

¹ И. И. Тыжнов, Обзор иностранных известий о Сибири второй половины XVII века, «Сибирский сборник». Спб., 1887, стр. 134—135.

² Travels from St. Petersburg in Russia, to divers parts of Asia in two volumes, by John Bell, of Anternony, vol. 1, 1763, p. 244—245.

Имеется русский перевод «Белевы путешествия чрез Россию и разные азиатские страны; а именно: в Исфаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь». Перевел с французского М. Попов, ч. 1—II, Спб., 1776.

в виде «словаря», в виде своеобразной «сибирской энциклопедии».

В соответствии с общим направлением просветительской научной мысли расширяется и кругозор исследователя, диапазон его интересов. Увлечение отдельными экзотическими, чаще всего легендарного происхождения, подробностями сменяется вниманием к реальным общественным и хозяйственным отношениям.

Новый взгляд на факты и новый принцип их обобщения заставлял путешественников XVIII века смотреть на сибирскую жизнь иначе, чем их предшественники. Сибирь, казавшаяся когда-то многим страной жестокой природы, населенной фантастическими существами, в восприятии ученого-просветителя становится бурно развивающейся и процветающей страной, которая не так уж отличается от других вполне цивилизованных стран земного шара или имеет даже перед ними многие преимущества: жители здесь еще не развращены цивилизацией и по своим моральным качествам, своей неиспорченностью и естественностью, честностью и трудолюбием превосходят людей Запада, где царствуют основанные на обмане и насилии, на эгоизме бурно развивающиеся капиталистические общественные отношения. О добрых правах сибиряков много говорят Страленберг и Зиверс, а Джон Белл увидел вдоль берегов Ангары много цветущих поселений и с удовольствием созерцал спокойный и красивый пейзаж, поражающий его взор гармоничной сменой рощ и холмов, обилием хорошо отстроенных домов и довольным видом поселян.

Приведенные в книге сообщения и известия чрезвычайно пестры и многообразны. Здесь имеются рассказы голландца Витсена и англичанина Перри, записи, сделанные шведскими военнопленными Врехом, Ренатом, Страленбергом, путевые дневники путешественников-дипломатов Унферцагта и Ланге, известия иностранцев — участников российских академических экспедиций Мессершмидта, Гмелина, Зиверса, а также оригинальные сообщения французского астронома-аристократа Шапа д'Отроша, прусского пост-директора Вагнера, сосланного в Сибирь во время Семилетней войны, или отнюдь не добровольно пожаловавшего сюда драматурга и политического авантюриста Коцебу и многих других авторов. Все это — люди очень разных житейских, философ-

ских и политических взглядов, люди очень разной судьбы. Иные из них смотрят на открывающиеся их взору картины сибирской жизни с любознательностью и дружелюбием, стараясь добросовестно и объективно оценить все то новое и необычное для них, что так трудно укладывалось в сознании, отягощенном грузом западных условностей и традиционных предрассудков. Порой прибывший с Запада путешественник восхищается мастерством умельцев-бурят, покрывающих чудесными узорами металлические предметы, с восторгом рассказывает о трудолюбии, честности, неспорченности нравов обитателей Сибири, и тут же с непонятным упрямством твердит о склонности сибиряков к «лени» — в его представлении истинным трудом является только труд землепашца, распаивающего где-нибудь в Англии или Голландии свой крошечный земельный участок, мирно почивающего вечерами у камелька и слушающего в воскресные красивые и такие непонятные слова пастора, полный же напряженнейших усилий и неожиданностей труд кожевника-скотовода кажется ему лишь «баловством», а не трудом. Просветительская ненависть к произволу царской администрации, к взяточничеству и бюрократизму у просвещенного Гмелина мирно уживается в его сознании с типично немецким верноподданическим чувством смирения — ему кажется, что доведенных нуждой и произволом до отчаяния восставших бурят следовало бы слегка проучить розгами и это было бы прежде всего полезно для них самих — они же дети, а жестокий труд 8—10-летних малышей на сибирских рудниках является для них благодеянием, ибо отвлекает от детских шалостей!

Конечно, для сосланных в Сибирь шведских военнопленных или для Вагнера и Коцебу Сибирь представляется мрачной силой, поломавшей все их жизненное благополучие, в их словах часто звучат нотки раздражения и враждебности, они вечно недовольны, вечно брюзжат. Галантный и легкомысленный Шап д'Отрош, воспитаник парижских великосветских салонов, рисует картины сибирской жизни с присущей истинному парижанину фривольностью. Но даже в таких очень односторонних и поверхностных, а то и искаженных суждениях порой сверкают искры подлинности и объективности — действительность оказывается сильнее предубеж-

дений. И сколько саморазоблачительной силы в узко-лобом немецком националистическом чванстве «добропорядочного» обывателя Вагнера, который с презрением говорит о «дикости» сибиряков и одновременно не брезгует тем, чтобы спекулировать на их наивности и легковерии, выставляя себя для всеобщего и отнюдь не бесплатного обозрения в виде «чудовищного зверя» где-нибудь в провинциальном зверинце. Как бледно на таком фоне звучат его высокопарные фразы о цивилизации!

Некоторые из имеющихся в книге материалов уже упоминались в специальной исторической литературе¹, но впервые приводятся в полном виде. Часть материалов впервые вводится в научный обиход, как, например, интересные записки Ренье о бурятах.

Из многочисленных и многотомных трудов иностранцев — участников академических экспедиций не приводятся материалы, ранее опубликованные в русской печати (труды Миллера, Георги, Палласа, Штеллера) или изданные в последнее время за рубежом (например, дневники Мессершмидта². Исключение сделано для «Путешествия по Сибири» Гмелина³, изданного в Геттингене и не переведенного на русский язык.

Как уже отмечалось выше, приведенные в книге материалы не равноценны, но многие из них, несомненно, могут быть полезны при изучении истории Сибири как уточнение и дополнение к имеющимся в русских исторических документах сведениям. Они содержат любопытные бытовые зарисовки и детали, нашедшие впоследствии широкое отражение в художественной литературе XVIII века (у Галлера, Геллерта, Вольтера, Руссо, Дефо и других авторов). Сам факт значительного расширения диапазона европейской литературы Просвещения, усиление в ней интереса к «экзотическим», в том числе «сибирским» материалам — явление само по себе примечательное, и оно заслуживает изучения.

¹ См. А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, выт. I, XVII век, М., 1960; вып. II, XVIII век (первая половина), М., 1965; В. Г. Мирзоев, Историография Сибири, XVIII век, Кемерово, 1963.

² D. G. Messerschmidt Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727, Teil I, Akademie-Verlag, Berlin, 1962; Jenseits des Steinernen Tores. Entdeckungsexpeditionen deutscher Forscher durch Sibirien im 18. und 19. Jahrhundert, Berlin, 1963.

³ D. Johann Georg Gmelins, ... Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743, B. I—IV, Göttingen, 1751—1752.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗВЕСТИЯ НИКОЛАЯ ВИТСЕНА О СИБИРИ

Многочисленные сведения о Сибири, собранные стараниями русских и зарубежных ученых и путешественников XVII века, были обобщены в книге амстердамского бургомистра Николая Витсена «Северная и Восточная Татария»¹.

Выдающийся ученый и государственный деятель Нидерландской республики Николай Корнелизон Витсен (1641—1717)², еще с молодости испытывавший большой интерес к землеведению и, в частности, к мало известным странам севера и востока, по личной просьбе был прикомандирован к свите нидерландского посланника Якова Бореля, с которым отправился летом 1664 года в Москву, откуда вернулся на родину через год (летом 1665 года)³.

В некоторых работах о Витсене высказывается предположение, что он прожил в России около трех лет и не ограничился пребыванием в столице Московского государства — совершил путешествие к берегам Ледовитого океана и Каспийскому морю, ездил по Волге и побывал в Казани⁴. А. Н. Пылин по этому поводу пишет: «Витсен... отправился в Россию... и провел здесь несколько лет. Он проехал Россию до берегов Каспийского моря и на севере до границ Сибири»⁵. А И. И. Тыжнов утверждает, что Витсен был в Москве с 1664 года в продолжении трех лет и «в это время объездил почти все страны, входившие тогда в состав Московского государства. Так, он был на берегах Каспийского моря и,

как видно из одного места его сочинения о России, изданного им впоследствии, он доезжал до границ Сибири и был на реке Чусовой»⁶. Это предположение основано, очевидно, на недоразумении; Витсен в упоминаемом здесь отрывке, как и во многих других случаях, пересказывает письменное сообщение одного из своих многочисленных корреспондентов и сохраняет форму рассказа от первого лица⁷.

Предположение о длительном пребывании Н. Витсена в России и его путешествиях по стране основано прежде всего на том умозаключении, что он практически не мог собрать в течение одного года материал, заполнивший впоследствии два больших тома его сочинения. Но следует учесть, что Витсен имел доступ ко многим историческим документам и имел возможность лично беседовать со многими лицами, посетившими восточные окраины России, а после своего возвращения на родину поддерживал регулярную переписку с многочисленными русскими корреспондентами. Сам Витсен в письме президенту Королевского общества в Лондоне Роберту Соутвелу 29 ноября 1680 года писал: «Почти 28 лет назад я ездил в Россию, и так как я находился там только ради своего любопытства, то вошел в сношения не только с русскими, но и с татарами всех родов. Там я впервые получил сведения о положении Московии и отдаленных стран. И с тех пор я не прекращал добывать сведения разными способами и нашел путь пересылки и получения писем из самых северных и северо-восточных частей света, ибо держал постоянную переписку с Москвой, Грузией, Исфаганом, Польшей и Константинополем. Я получал ежегодно письма из Пекина, главного города Китая. Я собрал томы журналов и реестров, в которых были названия гор, рек, городов, а также большое число рисунков, которые были сделаны по моему указанию, в них изображены те земли, о которых я упоминал. Именно на основе этого фонда, который я собираю много лет, сравнивая и проверяя все материалы и продолжая непрерывно их собирать, составлена карта Татарию»⁸. В автобиографических записках о своем пребывании в России⁹ Витсен сообщает, что, будучи в Москве, он пользовался расположением и дружбою патриарха Никона, видел разноплеменные народы северных и восточных областей Московского государства: самоедов, татар и персиян, собирал различные сведе-

ния для составления карты Сибири, чертил виды городов и т. д.¹⁰

В Голландии, как указывалось выше, Витсен продолжал получать от своих русских корреспондентов различные материалы, от думного дьяка Андрея Андреевича Винюса, например, — картографические и иллюстративные¹¹, а от «некоего господина, проживающего в Архангельске», — «описание самоедов Новой Земли», из Соликамска — сведения о путях из Сибири, из Тобольска — сообщения «относительно русского христианства в Китае», целый ряд сообщений из Селенгинска, Мангазеи и т. д. В статье, анонимно опубликованной в 1674 году в «Сообщениях Лондонского Королевского Общества», Витсен называет среди своих корреспондентов некоего «московского живописца», являющегося, по мнению академика М. П. Алексеева, придворным живописцем царя Алексея Михайловича Станиславом Антоновичем Лопуцким, зачисленным на службу в 1656 году и прослужившим в этой должности до смерти в октябре 1669 года¹². Витсен посетил Москву в то время, когда Лопуцкий уже занимал должность придворного живописца. Весьма вероятно, что Лопуцкий сообщил Витсену некоторые картографические материалы, к которым имел доступ по роду своей службы¹³. Известно также, что Витсен лично встречался с Петром I, беседовал с ним подолгу и даже получал от него посылки с различными редкостями¹⁴. К тому же Витсен широко пользовался материалами, опубликованными его предшественниками — иностранными путешественниками Спафарием, Ю. Крижаничем, А. Брандом, Аврилём, Исбрандом Идесом и другими. Располагая такими сведениями, он опубликовал (анонимно) в начале 1674 года в «Отчетах Лондонского Королевского Общества»¹⁵ заметку о Новой Земле и о морских путях к Оби и далее на восток¹⁶, издал на голландском языке отчет о путешествии Исбранда Идеса в Китай и на немецком языке отчет о путешествии Байкова (в 1687 г.), а в 1692 году опубликовал карту северной и восточной частей Азии и Европы¹⁸ и издал свой капитальный труд «Северная и Восточная Татария».

Книга Витсена представляет собою огромное собрание географических, этнографических и лингвистических сведений: она охватывает все страны, которые в то время были известны под общим названием Татария — от берегов Каспийского моря, Волги, Камы к востоку до берегов

Тихого океана. Витсен работал над своей книгой 25 лет и еще 5 лет — над дополнениями и исправлениями второго издания. Таким образом была создана своеобразная энциклопедия, точнее географическая и этнографическая хрестоматия, материал которой, как уже говорилось, был расположен довольно хаотично¹⁹. Г. Ф. Миллер в свое время пытался классифицировать отрывочные и разбросанные по всему труду Витсена сведения по тематическому принципу, а также составил указатель²⁰, перевел собранные воедино известия Витсена²¹ о калмыках²², о русско-китайских переговорах 1689 года²³. Работа Миллера учтена и частично использована и в нашем кратком описании «Северной и Восточной Татарии»²⁴.

В обращении к читателю Н. Витсен кратко сообщает, из каких источников он почерпнул изложенные в книге известия, приводит материалы из сообщений иезуита Мартина (17)*, нидерландского иезуита Филиппа Куплета и некоторых анонимных авторов, а также выдержки из журнала нидерландского посольства 1686 года и другие сведения, касающиеся Японии и Кореи (42).

Подробно описывает Витсен Даурию (63), сообщает обстоятельные сведения о городе Албазине (63, 112, 663, 868, 894). Детали об осаде Албазина расплывлены по многим разделам книги (64, 65, 86, 115, 635, 662, 663, 652, 860, 861, 862, 866, 311).

Витсен также подробно характеризует реку Амур (73 и след.), приводит список даурских слов (68—73), сообщает ряд сведений о бурятах (103) и гиляках (106), описывает бурятские костюмы (104) и тунгусские похоронные обряды (81), рассказывает о нерчинских серебряных рудниках (83—85), дает описание Илимска:

«Местечко Илимской или Илим, к северу от моря Байкала, расположено в окружении каменных утесов в глубокой впадине между двумя высокими горами, так что солнце поздно всходит и рано заходит за высокие вершины, и зимой только один час светит солнце²⁵.

За пределами крепости, называемой городом, имеется еще много домов, где живут процветающие купцы; солдаты, численностью приблизительно в сто человек, кое-как скудно перебиваются. Здесь зимой очень холодно, и

* Здесь, как и везде ниже, в скобках указаны страницы цитируемых произведений.

тогда никто не прокладывает дороги из страха перед бродячими мугалами.

Шестьдесят русских солдат, стоящие в гарнизоне Илимма, несколько лет тому назад убили своего начальника и подняли мятеж; чтобы убежать и ускользнуть от гнева их царских величеств, они поехали вниз по Амуру, разграбили местечко или городок, думая скрыться от их царских величеств, но подвластные русским китайцы преследовали их по пятам и убили двадцать человек. Остальные на маленьком судне, наполовину закрытом, поплыли по Амуру до моря, пожелали возвратиться, но застряли, потом повернули на север и прибыли за пять недель в Якутск на Лене. Тамошний предводитель поймал их, двоих оставил у себя, остальных послал в Москву. Верховодил Гаврила Фролов» (111).

Последующие разделы книги Витсена посвящены главным образом Китаю и Японии (на основании известий иезуитов).

Во втором томе труда, описав подробно Грузию, Мингрелию, Черкассию, Крым, Астрахань, сообщив множество сведений о нравах и обычаях нагайских татар, черемисов, мордвы, киргизов, башкир, остяков и тунгусов, Витсен целый раздел посвящает собственно Сибири, говорит о происхождении названия страны (732), природных богатствах, растительности, животном царстве. Наибольший интерес здесь представляют сведения о заселении Сибири.

Около ста лет тому назад, сообщает Витсен, жил один храбрый казак, родом из Муромы (Moergmits). Отправился он с шайкой на грабеж на реку Волгу и разбил несколько стругов, принадлежавших царю, и вот на всех местах по этому случаю было отдано приказание преследовать Ермака и изловить его. Но он с преданными товарищами бежал по реке Каме на реку Чусовую, где в 500—600 верстах выше Казани есть остров, принадлежащий знатному русскому купцу Дашиле Строганову, у которого на этом острове был поставлен так называемый «Строгановский городок», ныне, впрочем, опустевший. Этот Строганов, ничего не зная о прежних разбоях Ермака или, быть может, делая из нужды доброе дело, в страхе перед разбойниками дал им все необходимое, чтобы попытать счастья в Сибири. Он снабдил их военными припасами, оружием и прочим. Отсюда Ермак отправился по реке Тагге на стругах до реки Туры, в место,

называемое Япанчино, населенное татарами, которых он прогнал. Тогда Ермак с шайкой проследовал дальше, и пришли они к городу Тюмени и взяли его. Затем по реке Тоболу они прибыли к резиденции князя страны — городу Тобольску и также завоевали его. 50 миль по Иртышу преследовал Ермак обессиленного князя, далее в погоню за ним отправил 300 человек из своего войска, а сам с 200 оставался на месте около шести недель. Но из посланных немногие избежали татарских рук, так что вскоре и сам Ермак с оставшимся войском в 200 человек вынужден был скрыться на лодках и однажды, загнанный в воду, был убит. Уцелевшие из его войска около 40 человек отправились в Москву, чтобы объяснить царю Ивану эти происшествия и попросить о помощи. Тот немедленно отрядил 600 человек, которые и отправились с остатками ермаковой шайки, заняли завоеванные прежде места и победили окрестных татар, и русские утвердились в новой стране (734).

Второе известие о покорении Сибири, приведенное Витсенем, прежде всего касается рода Строгановых.

«Предком богатых мужиков (Военн) Строгановых был выходец из Золотой Орды, расположенной недалеко от Астрахани; происходил он из княжеского рода. Влекомый к христианству, он пришел на Русь, где и был крещен по греческому обряду, а затем с женой и дочерью стал подданным царя. Строгановы, живя на Руси, были для татар причиной беспокойства, и в одну из войн с Ордой царь послал этого Строганова воевать, и татары случайно взяли его в плен, умертвили и нестрогали тело. Отсюда он и получил свое прозвище, которое унаследовал и сын, родившийся вскоре после гибели отца. Этот Строганов, как утверждают некоторые, принес на Русь искусство счета.

Строгановы были первыми людьми, открывшими Сибирь. Они оказали Ермаку Тимофеевичу помощь оружием и запасами. С реки Чусовой он прибыл на судах и, лишенный возможности продвинуться дальше реки Утки, перетащил суда по земле и пешком прибыл в Сибирь, где после многих стычек достиг реки Тобола и продолжал путь по этой реке. Но ночью он подвергся нападению и, намереваясь скрыться на свои лодки, по неостачастью упал в воду и пошел ко дну как камень, ибо был в тяжелом панцире. Тело его не могли найти. Оставшиеся в живых его товарищи по той же дороге возврати-

лись домой, а сокровища свои должны были скрыть в одной каменной горе; гора эта крута и высока, имеет на своей вершине пещеру, как я сам видел, и эту гору до сих пор называют Ермаковой. Некоторые русские, с которыми я говорил об этом, по моему приглашению спускались по веревке в пещеру, с опасностью для жизни, разрывали там землю, но после долгих поисков ничего не нашли, кроме старого оружия, ружья, пики и других вещей самой малой ценности. На реке Чусовой находятся городки, принадлежащие Строгановым: Нижнее Усолье и Верхнее Усолье. Здесь грузят много соли, которая идет в Нижний Новгород, а оттуда расходится по Руси. В 25 верст отсюда стоит городок Камассина, по левой стороне от него в 20 верстах лежит упомянутая Ермакова гора. В окрестностях на 30—40 верст живут вогуличи, имеющие там жилища. В 6 или 7 верстах отсюда лежат суда этого Ермака, хотя, правда, уже попорченные. Река в этом месте течет между каменными берегами, русло ее также каменистое и образует много водопадов.

Русские, живущие в этой стране, еще до сего времени молятся на этого Ермака, смотря на его дело как на святое...» (736).

Третье известие о покорении Сибири, приведенное в труде Витсена, гласит: «В 1572 году по р. Христ в царствование царя Ивана Васильевича некоторые вольные казаки, а среди них и атаман Ермак Тимофеевич, убежали с Дона и тайно прибыли на реку Волгу, где они сделали много зла русскому царству, грабя всяких людей, а некоторых даже и убивали. Реку Волгу они держали как бы в заключении, не позволяя никому пройти из Астрахани с грузовыми судами. Многие русские люди начали соединяться с этим низовским (Nisotsche) войском.

В 1573 году его царское величество собрал много войска, сухопутного и речного, и послал против этих казаков. Но последние, не дожидаясь его, лишь только об этом прослышали, немедленно отправились в место, расположенное выше в 60 верстах от города Казани, покоря подданных царя казанского Симеона — черемис, мордву, вотяков, башкир и иных живущих по этой реке и по реке Вятке татар. Все эти народности в высшей степени просты, не знают огнестрельного оружия. Ермак с легкостью покорил их и привел под власть его царского

величества, взял у них заложников и дань мехами. Города Рыбный (Ribnau), Чертов городок (Zortof Gorodock), Елабуга (Alabucha), Сарапул (Sagarul), Оса (Osu) были завоеваны. Продолжая путь по этой реке, он достиг того места, где жил Строганов.

Этот человек был уроженцем Новгорода. Когда незадолго перед этим царь Иван Васильевич пошел с большим войском, чтобы наказать новгородцев за восстание и сопротивление, этот Строганов с доброй частью своих сокровищ и со всем домом убежал за Пермь, Устят, мимо города Кайгородка и поселился в этих местах, видя богатство страны.

Хотя Ермак был Строганову не особенно приятен, однако он держал его у себя, так как был человек весьма богатый. Он рассказал ему между прочим о делах Сибирского царства, это-де край весьма богатый, в нем-де много пушных зверей, а люди там совсем не храбрые, что главный город находится на расстоянии четырех тысяч верст, граница же удалена на 500 верст, что теперь самое удобное время для того, чтобы оказать услугу царю Ивану и получить от него прощение, а он-де со своей стороны желает ему содействовать в этом деле и снабдит его всем необходимым.

Атаману Ермаку и его товарищам все эти речи пришлись по сердцу, когда все было приготовлено для похода, они отправились. Сначала плыли они по реке Утке, а река эта протекает через леса, луга, степи; она берет свое начало из Верхотурских гор и впадает в большую реку Каму...

У этих Верхотурских утесов, около источников реки Утки, Ермак в 1574 году оставался до первого зимнего пути. Потом он бросил свои суда и, сделавши лыжи и нарты (Lischen en Narten), перешел через каменную Верхотурскую гряду, направляясь к истокам Ницы (Nice). Реки Ница, То, Werkatunsche (Верхотурка?), Тобол, Obdar (Обдора), Pelin (Пелым?), Исеть и многие другие — все выходят из названных гор и впадают в большую реку Обь, а Обь впадает в океан или Сибирское Мангазейское холодное море (Siberische Mangaseische Koude Zee), откуда город Мангазея получил свое название.

Город этот стоит на реке Мангазее, изливающейся в море. От устья Мангазеи мимо Пустозерска или Печо-

ры можно в две или три недели доехать до Архангельска...

Между Верхотурьем и Тоболом живут по большей части данщики, люди сибирского царя Кучума. Атаман всех их привел в подданство его царского величества, увещевая их не изменять ему, беря заложников и дань мехами. По реке Нице, Исети, Pelinsk, Тавде он достиг города Тюмени. После упорного штурма город был взят.

В это время царь Кучум услышал, что атаман берет его города и приводит их в послушание его царскому величеству. Так как Тюмень удалена от главного города Тобольска только на 180 верст, то он был весьма поражен и отправил своего любимого советника мурзу Канчея (Mursa Kantschey) с войском, чтобы не позволить атаману двинуться дальше и даже, если это окажется возможным, отнять завоеванные города. Но в пяти верстах от той же Тюмени атаман прогнал этого мурзу со всем его войском, сам мурза попал в плен и лишь немногие уцелевшие принесли Кучуму известие о поражении.

Царь Кучум был еще более уstraшен такой неудачей и, посоветовавшись со своими приближенными, решил разослать по всему царству гонцов с золочеными стрелами, приказывая, чтобы все его подданные, от мала до велика, без всякого промедления явились к нему на защиту отечества от сильного неприятеля, который намерен покорить их чужой власти. Он прибавил, что все ослушники будут казнены. Тогда подданные с большим рвением начали собираться к нему вместе с женами и детьми, вследствие чего около него составилось большое полчище, и он несколько прибодрился. Высылаемые ежедневно гонцы для проводывания неприятеля донесли, что атаман идет прямо на него.

Услышав это, Кучум отправил свою жену Симбулу с детьми на лошадях и верблюдах дальше в глубь страны, в свое увеселительное место Насбалак, где теперь находится большая деревня.

Между тем Ермак, спустившись по реке Тоболу, доплыл до Тобольска, главного города, находящегося в недалеком расстоянии на реке Иртыше, где в него впадает Тобол, и на реке Курдюмке. Он стоит на высокой горе и окружен деревянной стеной*). Но атаман распо-

* Примечание Витсена: «Теперь эта стена каменная».

ложился на расстоянии семи верст от города на месте, где теперь деревня под названием Хискина (Khiskina). Здесь он заночевал.

На другой день перед восходом солнца, когда эти люди по своему обычаю еще спали (так как они вечером сидят долго, а утром встают поздно), атаман прорвался через это место и на судах поплыл прямо к городу Тобольску, подвергая себя явной гибели. Утром, когда взошло солнце, царь Кучум увидел своего неприятеля прямо перед городом, куда он и вывел свое войско. Атаман, видя такое множество народа на берегу и еще больше того на верху горы, приказал зарядить ружья одними пыжами, дабы придать врагам больше смелости. С величайшим криком бросились татары на казаков, последние же, держась в сомкнутом строю, стреляли одними только пыжами, вследствие чего никто из врагов не был убит, и это обстоятельство придало им еще больше храбрости. Казаки, наконец, должны были отступить к судам, где оставался атаман, и поехать по Иртышу две версты вплоть до того места, где в него впадает Тобол.

Здесь он оставался двое суток, приказав казакам держать наготове свое оружие, зарядив его четырехугольными кусками железа и пулями, такими зарядами, какие только может выдержать оружие. Затем он обратился к ним с речью, сказал, чтобы они подумали о всем том зле, которое они причинили его царскому величеству Ивану Васильевичу и всему христианству, пролив столь много невинной крови; что они должны теперь мужественно сражаться и разбить этих неверных. Со слезами на глазах слушали казаки своего атамана, все отвечали ему, что готовы повиноваться ему, атаману, во всем, что он прикажет. Тогда атаман со своими судами и 600 человеками снова стал на прежнее место перед Тобольском.

Кучум, увидав своих врагов перед городом во второй раз, также собрал своих подданных и говорил им такую речь: «Мои храбрые герои, любезные и испытанные воины! Нападайте без боязни и малодушия на этих нечистых собак казаков; их оружие не может нам принести вреда, ибо наши боги защищают нас. Стойте храбро, что бы ни случилось, и я вас одарю». Эти люди разных национальностей и религий, услышав такую речь от своего повелителя, с великой радостью бросились из города, призывая друг друга к мужеству. В городе остался только

царь Кучум с некоторыми приближенными, чтобы с высоты смотреть на битву. Кучумовцы с криком бросились на казаков, многие с воплями «Магомет с нами!» и всякий с уверенностью, что идет за свою веру.

Атаман приказал стрелять только одной половине казаков, а другая должна была только заряжать ружья; в последний раз он ободрил их, называл братьями, уговаривал не бояться этой толпы неверных, ибо с нами, говорил он, бог.

Битва началась со второго часа и продолжалась до вечера. Это было 21 мая 1574 года. Наконец, атаман Ермак Тимофеевич победил своих неприятелей и многих взял живыми в плен. Казаки вслед за бегущим неприятелем вошли в город. Кучум, видя великое поражение своих войск, убежал к своей жене и детям, находившимся на расстоянии в 20 верст от города. В городе Тобольске лежали две большие литые железные пушки, длиной в 6 футов, стрелявшие ядрами в 40 фунтов. Кучум приказал во время битвы зарядить их и стрелять в неприятеля, но из них не могли сделать ни одного выстрела, поэтому с проклятиями он велел сбросить их вниз в Иртыш. Атаман оставался в городе около шести недель. Лучших из жителей он взял в заложники, на окрестные народы наложил дань — по десяти соболей на каждого охотника. В то же время он позволил вытащить из реки одну из пушек и снова привезти в город, где она и стоит до настоящего времени.

Из Тобольска послал Ермак одного из лучших своих товарищей по имени Гроза Иванович вместе с пятью другими к царю с просьбой о помиловании; с ним послана была и собранная дань — 60 сороков соболей, 50 бобров, 20 черных лисиц и трое из самых знатных пленников; он просил также послать кого-нибудь начальником в Тобольск, чтобы принять и защищать город...» (379).

«Когда посол Гроза Иванович со своими товарищами и пленниками явился в Москву, то пал в ноги царю и просил о забвении всех прежних злодейств ради тех тяжелых трудов, которые были приняты ими за его величество. Они поднесли дань и просили послать кого-либо из воевод в Тобольск.

Всеми этими известиями царь был так обрадован, что со всем духовенством отблагодарил бога и великую апостольскую церковь за новое приобретение и роздал мно-

го милостынь, а атаману Ермаку Тимофеевичу и его товарищам простил все их прежние разбои и допустил их к целованию своей руки. Отправляя их в обратный путь, он послал подарки всем казакам, каждому особо; Ермаку послал он плащ из шелковой материи, вышитый золотыми цветами с бархатными украшениями и двойной дукат, а каждому казаку сукна на платье, бархату на шапку и золотую копейку. При этом было послано письмо с золотой печатью, в котором он, прощая их прежние злодеяния, выразил желание, чтобы они и в будущем продолжали свою верную службу, что зимой он пошлет к ним начальника, а теперь пусть пока управляет Сибирью Ермак.

Осенью того же года Гроза прибыл из Москвы в Тобольск, привезя с собой почетные дары и письмо царя. Атаман с казаками весьма тому обрадовались и молили бога, чтобы он дал его царскому величеству здоровья и продолжительную жизнь.

Когда атаман получил это письмо с помилованием и подарки, он решил преследовать Кучума; в Тобольске он оставил Грозу Ивановича с 60 казаками, а в других местах — атамана с 30 казаками.

Когда царь Иван Васильевич отправлял казаков из Москвы к Ермаку, то дал Грозе открытую грамоту с большой висячей печатью, которой дозволялось всем, кто имел желание, ехать в Сибирь, в Тобольск или другие завоеванные места, беспрепятственно туда отправляться с женами и детьми; было приказано давать таким людям о свободный пропуск. И в тот же год с Грозой добровольно переселилось в Сибирь 500 человек со своими семьями, а из Вологды его царское величество повелел перевести в Сибирь епископа, десять священников с женами и детьми; для них были назначены вольные подводы и каждому было специально дано 20 рублей.

Установив порядок во всех завоеванных пунктах, Ермак с 600 казаками отправился на судах по реке Иртышу до речки Сибири, которая на расстоянии в 15 верст от города впадает в Иртыш, где еще держался царь Кучум, пребывая в большом страхе. Не доезжая полторы версты до этого места, он остановился с казаками в поле, чтобы переночевать, приказав, по старому своему обычаю, поставить кругом стражу. В полночь два казака, стоявшие на страже, были схвачены осторожно подкравшимися татарами Кучума. В лагере поднялась су-

матуха, а затем неприятель напал на казаков. Атаман, спавший в палатке посредине лагеря, услышав крики, выбежал и стал сзывать своих товарищей, но ничего не успел сделать и направился к судам. Здесь, чтобы скорее достигнуть своей лодки, он спрыгнул с высокого берега, но, сделав слишком длинный прыжок через три лодки, попал в воду на глубоком месте и, имея на себе два панциря, а сверх того еще железные нарукавники, как камень погрузился на дно и самым жалким образом погиб. Из людей Кучума в этой свалке остались на месте брат его жены, мурза Булат и 65 простых людей» (740).

«Так казаки потеряли своего предводителя Ермака Тимофеевича. После этой битвы они возвратились в Тобольск, взяв, впрочем, пять человек пленными.

Как только казаки удалились, Кучум приказал рыбакам искать тело утонувшего Ермака, обещав тому, кто его найдет, столько серебра, сколько весит тело. «Я, — говорил он, — должен найти его, разрубить на мелкие куски и съесть его сам вместе со своим семейством, как притеснителя моего царства...

После смерти Ермака казаки выбрали на его место Грозу Ивановича. Этот в 1575 году, совершив по своему обычаю службу в церкви, с 1000 казаками отправился по реке Иртышу и дошел до места Абалака, где еще держался Кучум. Последний выслал против него своего шурина Ики Ирку (Iki Irku) с 540 человеками, но атаман прогнал его, взяв 20 человек в плен. Царь Кучум, видя, что его народ как бы тает, убежал с женой и детьми к калмыцкому хану Абдар-Тайше, который приходился ему дядей. Этот Кучум имел семь жен и двадцать пять наложниц; от первых он имел пять, от последних двенадцать сыновей.

Надеясь возвратить себе царство, сыновья и сам Кучум много раз нападали на русских, но с божьей помощью всегда были разбиваемы.

После смерти атамана Ермака Тимофеевича атаман Гроза Иванович со своими казаками отправился по реке Иртышу до Оби, а потом по этой реке спустился до Березова, который теперь представляет из себя городок; отсюда он дошел до океана. На все народы, жившие по берегам этой реки, он наложил дань; построив городок Березов, он поместил в него заложников, взятых с окрестных народцев, с условием менять их каждые полгода.

Знатнейших же взял в Тобольск. Этот поход совершил он за полгода, привел в подданство не только эти народы, но и те, которые живут по берегам Обдоры, Сосвы, Конды, Мрассы и по другим рекам» (740).

Таковы основные сведения, приводимые Витсенем. Другие разрозненные известия о покорении Сибири, содержащиеся в различных частях «Северной и Восточной Татарии», самостоятельного значения не имеют и заимствованы главным образом из путешествия Адама Бранда.

И. И. Тыжнов полагает, что приведенные Витсенем материалы получены им от Виниуса. «В таком случае,— пишет Тыжнов,— необходимо предположить, что они были записаны около того времени, т. е. приблизительно в 70—80 годах XVII столетия. По своему характеру они являются с чертами позднейшего происхождения, и в них следует различать две стороны: одна сторона — чисто фактическая, описывающая события, другая — позднейшего образования, происхождения легендарного. Эта последняя видна в некоторых подробностях чисто эпического свойства, в речах действующих лиц, вообще в драматизации рассказа»²⁸. Сопоставляя сведения Витсена с Ремезовской летописью, Тыжнов обнаруживает между ними некоторое сходство (например, о пассивном участии Строгановых в покорении Сибири), хотя в целом ряде случаев между Ремезовым и Витсенем имеются расхождения в датировке: у Витсена — 1572—1574 годы, у Ремезова — 1571—1587 годы, Ермак встречается с мурзой Канчеем прежде, чем добраться до Кучума, битва под деревней Chiskina напоминает битву под Чувашевым, Тобольск заменяет у Витсена Искер и т. д. Очевидно, основа событий подверглась значительному изменению в народных преданиях, хотя уцелевшие обломки говорят именно в пользу достоверности Ремезовской летописи, в которую вошло также немало татарских и русских преданий²⁹.

Значительный интерес в труде Витсена представляют сведения о сибирских городах и поселениях и их обитателях. Он подробно описывает, например, город Верхотурье: «Первый город, который встречается в Сибири, когда прибываешь с запада, есть Верхотурье (Vergaturia или Wirgatura). Он укреплен деревянной крепостью и имеет по всем четырем углам ворота. В его окрестностях живут языческие народы, называемые вогулами, кото-

рые платят дань его императорскому величеству соболями. Названный город лежит на высоком каменном утесе, вдоль него течет река Тура и еще другая ее протока, имеющая свои истоки в каменных горах. Вокруг города расположены деревни, густо населенные русскими и аборигенами. Там часто применяется смертная казнь, подвешивают виновных за левую ногу и расстреливают стрелами.

Верхотурье — красивый великолепный город. Здесь живут многие самостоятельные купцы, предки которых там были в ссылке. Они торгуют полотном и шелком и различными европейскими и индийскими товарами и вывозят их на запад до Архангельска, на восток до Лены. Коренные обитатели страны в большинстве случаев приняли русский образ жизни как в одежде, языке, так и в жилье, но не все в богослужении, поскольку многие из них еще остались язычниками. В этом городе и в окружающей его местности содержатся его императорского величества солдаты в большом количестве. Здесь же имеются стапели, на которых строят суда, следующие через всю Сибирь и даже до Ледовитого океана и до Новой Земли. Здесь стоят большие суда, о которых узнали из Нидерландов, похожие на голландские буйзы (суда для ловли сельди)... Недалеко от города Верхотурья находится большой русский монастырь» (758).

О городе Березове Витсен пишет: «Березов — русская крепость, расположенная... недалеко от устья реки Оби, на 68 градусе, недалеко от моря. Здесь летом находится русский караул в 50 человек, который зимой из-за большого холода вынужден отправляться на юг. Отсюда едут в Архангельск чаще всего вдоль рек и по морям, но лодки, на которых совершают это путешествие, время от времени приходится тащить по земле, исключая случаев, когда живут на морском побережье у острова Долгого или у Печоры, если идти до берега Двины, и таким образом доходят до Архангельска» (729).

О городе Тобольске мы находим в книге Витсена следующие сведения: «Столица Сибири — Тобол — имела прежде деревянную крепость, сейчас она сделана из камня. Только русские живут в пределах крепости, чужеземцы держатся у берега, в предместье. Там ведут большую торговлю с татарами. Этот город Тобол лежит у соединения рек Тобола и Иртыша, которые оба впадают в реку Обь. Пониже этого города можно было недавно

видеть около ста вновь поселившихся русских семейств. Здесь живет главный наместник Сибири.

В монастыре, расположенном у реки Иртыша, близко у города, рядом с местечком Покровским обитает архиепископ.

Благодаря похвальным стараниям начальника Черкасского в Тобольске основаны две школы.

В городе Тоболе поддерживают разные ремесла и таковых больше, чем в любом другом городе Сибири» (752).

«В городе Тоболе очень холодно, я разговаривал с человеком, который в праздник Вознесения ехал на санях...

Крепость города Тобола представляет из себя удобный четырехугольник: внутри города стоит монастырь, имеющий трое ворот с высокими сторожевыми башнями, а крепость имеет их четыре. Вокруг этого места растут тюльпаны, майоран и другие благоухающие растения в диком состоянии» (753).

«В Тоболе 10 тысяч хороших домов.

Место жительства митрополита в Тоболе окружено каменной стеной; он — духовная глава всей Сибири и Даурии. В этом городе находится сейчас более 30 тысяч человек, способных носить оружие» (754).

«В этот город Тобол собирают все сокровища его императорского величества, состоящие из пушнины, и раз в год их отправляют в Москву; называют их ясаком, и высший или всеобщий начальник посылает своих слуг в самые восточные владения, чтобы его собирать...» (754).

«Русские крестьяне в Сибири благонравнее, чем крестьяне в России, учат своих детей читать и писать, говорят также более возвышенной и приятной славянской речью, чем привыкли говорить московские крестьяне, причиной чего, очевидно, является то, что они происходят от ссыльных из русских городов, лучше воспитаны, чем простонародье в Московии. Обычно они хорошо обеспечены оружием, так что, когда язычники-разбойники пытаются их обидеть, они закрываются в своих домах и из ружей стреляют через окна и с легкостью изгоняют их» (754—755).

О городе Иркутске Витсен пишет: «Город Иркутской, расположенный приблизительно в восьми милях от берега Байкальского моря, построен несколько лет тому назад; он снабжен крепкими деревянными башнями; окру-

жающее его предместье весьма велико, мяса и рыбы можно достать в изобилии; вокруг этого города до самого Верхоленика в избытке растет рожь, земля там очень плодородна, и многие москвиты поселились здесь... Малая река по названию Иркут впадает здесь в Ангару, вблизи расположен монастырь. Осенью эта местность подвержена землетрясениям» (657—658).

«В городе в укреплении находится дом начальника, а также оружейная палата и ратуша; караул содержится в крепости, но солдаты живут за ее пределами, в стороне имеется слобода или предместье, здесь примерно четыреста пятьдесят домов*) для горожан, солдат, золотых дел мастеров, портных и других ремесленников, имеется в породе церковь, и в предместье выстроены четыре церкви, 800 солдат временами составляют гарнизон, отсюда их направляют и рассылают в другие небольшие населенные лунки, одеваются здесь в китайскую, монгольскую и русскую одежду, но, когда ходят в церковь, все одеваются по-русски. Крепость имеет пять деревянных ворот, очень высоких с двойными стенами из земли... Бойницы внизу устроены под орудия, наверху под ручное оружие...» (679).

Трудно дать даже приблизительное представление о всем богатстве материала в труде Витсена. Достаточно сказать, что составленные Миллером указатели к первому и второму изданию, а также указатель к изданию книги Витсена 1785 года (составленный, очевидно, Р. Боддертом, автором предисловия) содержат тысячи наименований о населяющих Сибирь и Приуралье народах, их нравах и обычаях, о рудных и растительных богатствах страны, ее животном царстве, о древностях Сибири и т. д. Кроме приведенных описаний городов и населенных мест Сибири, мы находим такие же описания рек Амура (73 и сл.), Оби (731 и сл.), Ямыш-озера (805), Байкала (681), Нерчинска (79—80), Илимска (111), Верхоленика, Балаганска, Селенгинска (114), крепости Удинской (214), план Енисейска (666), Красноярска (666), Березова (728), Нарыма (728), Тангутской земли (319). Подробные сведения о торговых путях между Россией и Китаем дает Витсен на стр. 754—755, 833, 855, 856—857, 792, 309, 312 и других.

* В другой части своей книги Витсен, ссылаясь на Ф. Авриля, сообщает, что в 1690 году в Иркутске было 2000 домов.

Витсен приводит также множество сведений о животном мире Сибири (784), рыбах (787), птицах (788), пушных зверях, о соболе и его промысле (886, 792, 784—785). «Нельзя найти страну, — пишет Витсен, — дающую больше и лучшего качества пушнину, чем Сибирь. Соболей ловят и стреляют не только его императорского величества соболятники, но и все вокруг расположенные татарские народы, которым это разрешено и которые ими платят десятину. Ни один воевода, чиновник или купец, даже человек знатного рода не может купить соболей...» (792) «Некий английский посланник по имени Клоршера (Klorscher) был в 1588 году в Москве и сообщил, что в том году, когда он был там, в казну его императорского величества поступило восемнадцать тысяч шестьсот сорок соболей, но сейчас говорят, что Сибирь дает пушнины стоимостью в двести тысяч рублей и больше...» (784—785).

Описывая жизнь сибирских и уральских народностей — вогулов, татар и остяков, — Витсен сообщает, что «все эти народы, находящиеся под властью его императорского величества Московии, должны ежегодно добывать значительную дань соболями, которые все они без исключения должны купить, если сами не убили, на свои деньги и сдавать их. Это происходит следующим образом: когда кому-нибудь исполнилось десять лет, он в первый год должен доставить его императорскому величеству два соболя, на второй год — три, на третий — четыре, и так каждый год на один больше, до двадцатого года, когда он доходит до двенадцати соболей, каковое количество остается на все годы до пятидесяти лет, когда это количество постепенно, в соответствии с приростом лет, убавляется.

Поскольку мы заговорили о соболях, скажем и кое-что о соболином промысле, о чем еще очень мало писали, сколько я сам узнал и слышал. Соболя, похожие на черные блестящие кошки с тем лишь отличием, что их волос длиннее и мягче, лучше всего ловятся в ноябре или декабре до 18 мая; пойманные в первые два месяца прочнее и лучше намного, чем пойманные в последний месяц. Ибо в мае (Louw-maend) солнце становится уже теплее и приближается, что приводит к тому, что волосы выпадают и соболий мех становится негодным. Их разыскивают особо прирученными собаками. Когда соболя, как привыкли, прячутся в кустах, в порослях, за скрытые

чурбаны или бревна, вокруг них натягивают сети, а, словив, убивают дубинами. Если соболю удалось удрать из сети и подняться на деревья или убежать, стоящие рядом собаки лают на них, и охотники убивают их деревянными тулыми стрелами и палочками, собаки приносят мертвых соболей охотникам...» (886).

Из растений Сибири Витсен особенно интересуется теми, которые являются предметом торговли (ревень — 825, 790 и сл., мухомор — 788, бадьян — 792). Он сообщает, что «большое количество ревеня отправляют через Сибирь в Москву и оттуда рассылают во все места мира; ежегодно в казну его величества попадает от этой торговли свыше 4000 дукатов» (825).

Подробные сведения дает Витсен о населяющих Сибирь народностях: бурятах (103), тильяках (106), монголах (210), остяках (630 и сл.), тунгусах (644, 663—664), самоедах (887 и сл.), вогулах. О последних Витсен пишет: «Вогуличи или вагольские татары, обитающие близ реки Чусовой и в окрестностях этой местности, являются грубыми язычниками маленького роста, но большой силы со сравнительно большой головой, и имеют они особый язык. Все их богослужение, как правило, состоит в том, что они один раз в год приносят жертву; они собираются всей областью в лесу и режут от каждого вида одно животное, среди которых считают самыми благородными лошадей и козлов, потом обдирают жертву, подвешивают на дерево или насаживают на жердь, падают перед ним ниц и молятся; мясо съедают они совместно. И это все богослужение на целый год» (733). Витсен пишет также о похоронных обрядах тунгусов (81) и вогулов (733), бурят (103), интересуется языком этих народов, дает словарь калмыцкого языка (297), список даурских слов (68—73), перевод молитвы «Отче наш» на тунгусский язык (654), а также некоторые сведения о якутском языке (677).

Большой интерес представляют сообщения Витсена о рудных месторождениях Сибири и Урала и их разработке: «Азамил (Арамил) есть место у реки Исети, где много железной руды и магнитного камня находят, особенно в восьми милях от города...» (766). О железных рудниках Верхотурья и их богатстве Витсен пишет: «Они дают хорошее, очень мягкое железо, так что из него можно отливать хорошие пушки и мортиры... Металлическая пушка в 400 фунтов, стоящая в Москве 500 гульденов

на одну только плату за работу, того же веса здесь обходится не дороже 80 гульденов.

Кроме магнитной руды у Верхотурья, по соседству имеются еще различные обыкновенные железные рудники, где железо хорошего качества лежит в земле по колена и жилы простираются в длину в триста или четырехста сажень. Сделали пробу на 60 и 70 фунтов железа, оно того же качества, как и шведское. Хлеба, мяса и рыбы в этой местности можно купить выгодно, как и во многих местах Сибири, за один стюйвер*) можно купить столько хлеба и рыбы, сколько человек за день может съесть...

В пробе магнитного камня или железной руды, присланной мне из Верхотурья, найденной в 12 милях от города, я нашел на 100 фунтов 45 фунтов железа и два лота серебра стоимостью в три гульдена...

Жилы этой магнитной руды находят в горах шириной в 9 локтей и в 3 локтя высотой, или толщиной.

В году 1700 недалеко от города Верхотурья был открыт новый железный рудник, дающий очень хорошее железо...» (759).

«Десятого марта 1704 года мне прислали из Сибири — Верхотурья некоторую руду, которая обнаружила при пробе, что на 100 фунтов приходится три лота серебра стоимостью в 4 гульдена и 14 стюйверов, так что рудник разрабатывается с большой прибылью. Вблизи него построены две деревни в 140 домов.

Из Нерчинска доставили другую руду, которая на 100 фунтов дала два с половиной лота серебра стоимостью в три гульдена и 16 стюйверов, не говоря о восьми лотах свинца стоимостью в 4 гульдена» (825).

«И еще мне прислали минерал из Томска, давший два с половиной лота серебра стоимостью в три гульдена и 16 стюйверов.

Из Чусовой доставили медную руду, которая по проведенному мною испытанию дала серебра полтора лота стоимостью в 2 гульдена 7 стюйверов и меди стоимостью в 20 гульденов, что вместе составляет 22 гульдена и 7 стюйверов» (826).

«Недалеко от главного города Тобольска, говорят, имеется рудник слюды, еще называемой русским стеклом, где находят куски ее длинной и шириной в локоть...

* Бывшая нидерландская монета, 1/20 гульдена, 1/60 талера.

Река Чусовая недалеко от Соликамска имеет быстрое течение и весной подымается так высоко, что выходит из берегов и затопляет местность. Маленький город, называемый Нижним, лежит у этой реки, там много алебастровых гор или меловых, или гипсовых» (760).

«Между Томском и Кузнецком, говорят, добывают ртуть» (771).

«Недалеко от озера Байкал находят драгоценный камень, имеющий красивый зеленый цвет и хороший блеск, но он не очень твердый» (681).

Еще В. Радлов обратил внимание на сообщения Витсена о сибирских древностях и поместил отрывки такого характера в своих «Сибирских древностях»³⁰. Действительно, эти сведения содержат множество совершенно неизвестных до этого времени подробностей о памятниках сибирской старины: «В 1688 году боярин Федор Алексеевич Головин, воевода Сибирский и оберкригс-комиссар его царского величества Петра Алексеевича, совершил путешествие по Сибири в восточном направлении. Спустившись по реке Иртышу, прибыл он ко впадению ее в большую реку Обь на место, называемое Самаровским или Самаровым ямом. Несколько выше этого места река имеет весьма быстрое течение и, как это часто бывает, в протекающую между скалами реку обрываются большие глыбы земли и падают вниз под напором нагоняемой воды. Так и тут огромная глыба каменной земли упала с вышележащих гор в реку на низовой берег и рассыпалась. Вместе с землей упал гроб или деревянный ящик с костями давно умершего человека, с остатками серебряных залястьев, серебряным ожерельем, какое носили древние язычники, и серебряным сосудом, который вышеупомянутый боярин в 1698 году в бытность свою во главе чрезвычайного московского посольства в нашем государстве оставил мне на память. По свидетельству многих писателей, древние язычники воображали, что утварь, которую они помещали в могилу с покойником, должна была служить умершим на том свете... На дне этого сосуда посредине видна большая нагая мужская фигура с щитом в левой руке, а с боку, несколько позади ее, другая стоящая фигура, которая видна лишь наполовину и, кажется, держит в руке стрелу или какую-то связку; вокруг видны горы и места, поодаль, маленькие человеческие фигуры, одетые в пеструю мохнатую одежду, да несколько животных, а

именно олени. Все это, однако, до того стерлось и затемнилось вследствие наложенной сверху позолоты, что без увеличительного стекла ничего нельзя разобрать. Сосуд совершенно круглый, в виде полушара, весом около 25 гульденов серебра, величиной в поперечине в полпяди... Означенный боярин велел его вызолотить по причине редкости работы и места, где он его нашел. К сосуду приделано колечко очень изящной работы. Находящаяся на сосуде фигура изображает, должно быть, покойника, в могиле которого он был найден. Заслуживает внимания, когда и кем этот серебряный сосуд (подобных ему было найдено в некоторых могилах в этой же местности большое количество) мог быть сделан, так как в этой области в настоящее время туземцам неизвестно искусство изготовления серебряных вещей. Могила оказалась на 8 футов под землей, когда она упала в воду реки...

Недавно в Сибири, неподалеку от Верхотурья нашли золотую фигурку в деревянном вместилище под большим холмом, где по всем приметам погребены были разные покойники, от которых сохранились только костяки... Фигура изображает птицу вроде курицы или индюка с распущенными крыльями и головою мужчины с распущенными вьющимися волосами и острым носом... Как это изображение туда попало и кем занесено, неизвестно; по-видимому, оно скорее имеет сходство с изображениями, находимыми при мумиях в древних египетских усыпальницах...

Другой идол, присланный мне из Сибири, размером в два пальца ширины из чеканного золота также вынут из древней могилы, где были найдены человеческие кости, под курганом или большим холмом. Он изображает стоящего четвероногого зверя вроде тигра или льва с человеческой головой и двумя распущенными крыльями. Внутри фигура полая, ноги внизу просверлены» (748—749).

«Кроме того, там (т. е. в Сибири.—Э. З.) было еще найдено и прислано мне оттуда зеркало из стали, имеющее в диаметре одну пядь; обратная сторона его украшена изображениями и старинными буквами, другая сторона гладко отполирована, как японские и китайские зеркала, еще поныне изготавливаемые из особого состава стали... Недалеко от Тобола встречаются под горами особого рода весьма древние могилы, в которых, кроме костей покойников, находили металлическую утварь из

серебра, меди и железа. Г. Салтыков из такого серебра велел сделать себе саблю на память об этом замечательном обстоятельстве... Говорят, что в Сибири в некоторых местах можно увидеть пришедшие в упадок старые стены и развалины бывших там, по-видимому, городов и что иногда там находили разные памятники. Из последних явствует, что в более древнее время страну эту населяли народы более высокого развития, нежели ныне, потому что теперь подобных построек там вовсе не знают. Сибиряки говорят, что народы, когда-то соорудившие эти города и постройки, совсем выселились отсюда по направлению к юго-востоку» (750).

«В Сибири недалеко от Верхотурья на утесе найдено несколько изображений и надписей из неизвестных букв. Об этих надписях, по преданию старейших людей тамошнего населения, полагают, что они находились в том месте до покорения страны (что случилось более ста лет тому назад), так как никаких известий, когда и кем изображения были сделаны, нет. Цвета они буро-желтого, имеют семь пядей в вышину и шесть пядей в глубину, находятся на горе на гладком камне, который возвышается над водою на полторы сажени, где, вероятно, жившие в былое время по соседству вогулы и другие язычники имели обыкновение приносить жертвы. Скала шириной в семь, глубиной в 18 сажений и приблизительно такой же высоты. Река, протекающая рядом, называется Irgiet (вероятно, Ирбит? — Э. З.), а ближайшая деревня Писанец; равным образом и скала поблизости этого места носит название «Писанный камень» (759).

Все эти сведения о Сибири, представляющие лишь ничтожную часть собранных Н. Витсенем, характеризуют, однако, его «Северную и Восточную Татарию» как уникальный по обилию материалов и многогранности памятник географической литературы. Но при всех его несомненных достоинствах книга представляет все же уже пройденный этап в развитии научного познания мира того времени, является характерным образцом метафизического универсализма предшествующего столетия, далекого от философских и историографических исканий эпохи Просветительства с их всеохватывающим стремлением к познанию глубоко скрытых всеобщих закономерностей развития природы и человеческого общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Noord en Oost Tartaryen, behzende eene Beschryving van verscheidene Gewesten, in de Noorder en Oestelykste Deelen van Asien en Europa, zedert naauw keurig onderzoek van veele Jaaren, en eigen onderwin dig outworpen, beschreven, geteekent, en in 't licht gegeven, door M^r. Nicolaas Witsen. Burgemeester te Amsterdam, etc. etc. etc. Eerste en tweede deelen, Tweede Druk, Nieuwe uitgaaff verrykt met eene inleiding tot het Werk, en met eene meenigte Afbeeldingen versiert. Te Amsterdam, by M. Schalekamp. MDCCCLXXXV.

Первое издание книги вышло в свет в 1692 году, второе — в 1705 году и третье, идентичное с ним — в 1785 году. При ссылке на последнее издание в скобках указываются страницы.

² О Николае Витсене см.: П. П. Пекарский, Наука и литература при Петре Великом, т. I, СПб., 1862, стр. 517—521; И. И. Тыжнов, Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVII века, «Сибирский сборник, Приложение к «Восточному обозрению» 1887 г., СПб., 1887, стр. 101 и след.; В. Радлов, Сибирские древности, т. I, вып. I, СПб., 1888, стр. 4—5; вып. 3, СПб., 1907, стр. 127—134; А. Н. Пыпин, История русской этнографии, т. IV, СПб., 1892, стр. 212—214; М. П. Алексеев, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, 2-е издание, Иркутск, 1941, стр. 426—438; А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. I, XVII век, М.-Л., 1960, стр. 88—95.

³ М. П. Алексеев, Ук. соч., стр. 427.

⁴ См., например, П. Х., Древнейшие виды Казанского Кремля, Известия Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета, 1906, т. XXII, вып. 2, стр. 146—148; Н. Ф. Катанов, Голландский путешественник Ник. Витсен и труды его о России и Азии, там же, 1901, т. XVII, вып. 4, стр. 248—249.

⁵ А. Н. Пыпин, Ук. соч., стр. 213.

⁶ Noord en Oost Tartaryen, II, 736: „Jermakowa gora... als 200. ik zefs gezien hebbe“. См. также Müller, Samml. Rus. Geschichte. Bd. 1, 200.

⁷ Насколько устойчива легенда о путешествиях Витсена по России, показывает помещенная в газете «Восточно-Сибирская правда» (№ 47 от 23 февраля 1961 г.) статья, где сотрудники Иркутского краеведческого музея снабдили воспроизведенный здесь витсеновский чертеж города Иркутска текстом: «В конце XVII века Иркутск посетил голландский путешественник Н. Витсен. Здесь он составил чертеж нашего города, который впоследствии опубликовал в книге «Северная и Восточная Татария», изданной им в Амстердаме в 1692 году».

⁸ Цит. по книге: А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. I, стр. 93—94.

⁹ Академик М. П. Алексеев установил, что эти записки хранятся в Парижской Национальной Библиотеке. Полностью они не изданы и поныне, но краткий отчет о них дал Ключевер в статье: „Over het vorbligt van Nicolas Witsen te Moscou“ в „Verlagen en Mededeelingen der Koninklijke Academie von Wetenschappen“, Letterkunde III reeks, XI (отдельный оттиск, Амстердам, 1894). См. М. П. Алексеев, Ук. соч., стр. 427.

¹⁰ А. Брикнер в рецензии на книгу биографа Витсена Гебхарда писал: «Трудно представить себе точное и полное понятие о тех источниках, которыми пользовался Витсен во время своего пребывания в Москве при сборании данных о России и Азии. Нет сомнения в том, что близкое знакомство с патриархом Никоном могло быть для Витсена весьма полезно при достижении его научных целей. Широкое образование Никола и обширные его связи могли доставить Витсену значительные выгоды. Далее, он сам указывает на свое знакомство с представителями разных народов, находившихся в Москве. Расспрашивая самоедов, татар и пр. о состоянии их родины, о нравах и обычаях народов, обитавших на севере и востоке, и тщательно записывая их рассказы о географии и этнографии разных стран, он мог оказать науке существенную услугу. Далее, мы знаем, что Витсен находился в сношениях с разными лицами, проживавшими в России и отличавшимися замечательными сведениями; таковы были, например, резидент Генеральных Штатов Келлер, далее, известный промышленник, администратор и дипломат Виниус и пр. При таких связях человеку, многосторонне образованному, преданному науке, легко было собрать богатый материал для изучения северных и восточных стран, мало известных современникам Витсена». ЖМНП, 1883, № 4, стр. 322—323.

¹¹ См. М. П. Алексеев, Ук. произв., стр. 429. И. И. Тыжнов по этому поводу замечает: «С последним (т. е. Виниусом. — Э. З.) он поддерживал связь и после отъезда из Москвы и получал от него этнографические материалы и для себя, и для Лейбница». И. И. Тыжнов, Ук. соч., стр. 128.

¹² См. М. Н. Алексеев, Один из русских корреспондентов Ник. Витсена. К истории поисков морского пути в Китай и Индию в XVII веке, сборник «Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научной общественной деятельности», Л., 1934, стр. 51—60.

¹³ М. П. Алексеев, Цит. соч., стр. 431—432.

¹⁴ И. И. Тыжнов, Цит. соч., стр. 128—131. В 1705 году, например, Петр послал Витсену одежду и описание труда неизвестного человека, прибывшего волнами к берегу Ледовитого океана, с просьбой определить его национальность. См. также П. П. Пекарокий, Цит. соч., т. I, стр. 6—9, 517—521.

¹⁵ „Philosophical Transactions“, vol. IX for the year 1674, № 101 p. 3—4.

¹⁶ Полный перевод этой статьи с обширными комментариями дан в книге М. П. Алексеева «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей», стр. 426—438.

¹⁷ И. И. Тыжнов, Цит. соч., стр. 132.

¹⁸ „Nieuwe Lantkaarte van het Noorder en Ooster deel van Adia en Europa, streknessde van Nowa Zemla tot China Aldus geteekent, Beschreven, in Kaart gebragten uyt gegeven Sedert een nauwkeurjg on deer zeek als van meer als twintig Jaren, door Nicolaas Witsen Anno 1687.

Подробные сведения об этой карте см.: А. И. Андреев, Цит. соч., стр. 88 и след.

¹⁹ См. G. F. Müller, Samml. Rus. Geschichte, I, S. 217.

И. И. Тыжнов, анализируя раздел книги Витсена «Siberia» (с 737 страницы второго тома, изд. 1705 г.), пришел к выводу, что книга Витсена является записью самых различных, порой мало связанных известий: «Очевидно, он старался дать все известия, какие только мог

достать или вычитал из путешествий и т. п., так что я на этом разделе образился отчасти характер его труда — некоторая бессистемность, происшедшая, может быть, вследствие расположения материала по мере того, как он его получал». И. И. Тыжнов, Цит. соч., стр. 134—135.

²⁰ Samml. Rus. Geschichte, Bd. I, Th. III, St. Pet. 1733, S. 222 f.

²¹ Samml. Rus. Geschichte, Bd. I Th. IV, 1734, S. 315—326.

²² Samml. Rus. Geschichte, Bd. I, Th V, 1735, S. 420—437.

²³ Samml. Rus. Geschichte, Bd. I, Th. VI, 1735, S. 495—516.

²⁴ Ни переводы отдельных отрывков труда Витсена на немецкий язык (Миллер), ни опубликованные В. Радловым на русском языке фрагменты не могут дать даже приблизительное представление о труде Витсена в целом. Приходится сожалеть, что труд этот до сих пор не издан на русском языке (хотя имеется рукопись перевода, сделанного В. Г. Тризмапом. См. А. Н. Андреев, Цит. соч., вып. I, стр. 95).

²⁵ Участник посольства Измайлова в Пекин немец Георг Иоганн Унферцагт в своем путевом дневнике (запись от 29 марта 1720 года) пишет об Илимске: «Илимск, правда, называется городом, но не что иное как местечко, и построен из-за язычников, чтобы вытребовать дань, которую они дают пушьяной. Он лежит на правом берегу реки Илим между двумя высокими горами, так что зимой солнце туда не заглядывает». G. J. Unverzagt, Die Gesandtschaft Ihrer Kayserl Majest. von Gross Russland an den Chinesischen Kayser, welche Anno 1719 aus St. Petersburg nach der sinesischen Haupt=und Residentz=Stadt Peking abgefertigt worden... Lübeck, 1727, S. 37.

²⁶ См. И. И. Тыжнов, Цит. соч. Переводы Тыжнова частично нами использованы.

²⁷ На основании этого сообщения, как указано, был сделан вывод о пребывании Витсена на Урале.

²⁸ И. И. Тыжнов, Цит. соч., стр. 144.

²⁹ Там же, стр. 145.

³⁰ В. Радлов, Сибирские древности, т. I, вып. I, СПб., 1888, стр. 3—5. Перевод Э. И. Ваншейдта, который здесь воспроизведен с незначительными стилистическими исправлениями.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИЗВЕСТИЯ ИНОСТРАНЦЕВ-ДИПЛОМАТОВ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ (Перри, Белл, Унферцагт)

Петровские преобразования, охватившие в последние годы XVII и в первую четверть XVIII столетия существенные стороны всего общественно-политического строя и уклада России, привели к значительным изменениям в международных отношениях, способствовали установлению новых и многочисленных дипломатических, политических, научных и общекультурных связей между страной и ее западными соседями. Иностранные известия о Сибири становятся теперь не только более многочисленными, но и расширяется круг проблем и интересов, затронутых в них. Авторы выступают теперь уже не как одиночки, преследующие узко ограниченные личные и уже поэтому разрозненные цели, а как представители групп, объединенных определенными коллективными политическими, философскими и научными соображениями.

Уже говорилось, что западноевропейские путешественники, посетившие Сибирь в первой половине XVIII века,—люди самых различных толков. Во-первых, большую группу составляют дипломаты, приглашенные русским правительством на службу, в частности, для участия в русских посольствах в Китай (Белл, Унферцагт). Во-вторых, шведские офицеры, оказавшиеся в результате Северной войны в русском плену и сосланные в Сибирь (Врех, Ренат, Страленберг и др.). В-третьих, иностранцы-участники больших академических экспедиций, организованных Петром I и его преемниками для изуче-

ния восточных окраин России (Мессершмидт, Миллер, Паллас, Гмелин, Георги, Штеллер, Зиверс).

Рассмотрим сначала сообщения о Сибири, сделанные представителями первой группы, книгу Перри «Положение России под нынешним царем»¹, два тома записок Джона Белла² и отчет о посольстве 1719 года Георга Иоганна Унферцагта³.

В предисловии к книге Джон Перри сообщает, что в 1698 году он был представлен Петру I в Англии, позже принят на царскую службу графом Головиным, сопровождал царя в Голландию. За годовое жалованье в 300 фунтов стерлингов он должен был строить Волго-Донской канал, соорудить на речке Лавке, впадающей в Дон, и на Камышинке, впадающей в Волгу, систему шлюзов, сделать эти речки судоходными.

Канал рыли три года, но, как известно, работа эта не увенчалась успехом⁴. Перри получил только половину необходимого количества рабочих, не хватало материалов и инструмента. Поражение у Нарвы приостановило строительство, и на исходе 1701 года Перри получил приказ прекратить работу⁵. Перри переехал в Воронеж, где должен был строить сухой док и другие сооружения, но и эти работы до конца не довел.

После победы у Полтавы Перри выполнял отдельные дипломатические поручения, ему, в частности, было велено исследовать возможность прохода судов у Новой Земли в Татарское море. В связи с этим он собирал различные материалы о Сибири и ее обитателях, часть которых воспроизводит в книге. Некоторые из этих известий, полученных из расспросов жителей Архангельска, представляют определенный географический и этнографический интерес. Так, например, об образе жизни населяющих север Европы и Азии народностей («самоедов») Перри пишет:

«Здесь я должен вернуться к тому, чтобы дать некоторый отчет о тех людях, которые населяют полосу земли, примыкающую к Новой Земле и простирающуюся от границ Архангельска до Татарского моря. Русские оскорбительно называют их самоедами (или людьми, которые друг друга едят), но причина сему очень несправедлива, ибо они живут мирно и в добрососедских отношениях, как и все другие люди, хотя в Архангельске и известно, что по причине своей необходимости они едят иногда внутренности зверей, приобретенные у мясников,

и самую дурную пищу. Они торгуют с Архангельском пушниной, шкурами и деревянными изделиями, которые поставляют для торгового флота... Это люди с крупными смуглыми лицами, широкими скулами и коротким носом, похожие на некоторых восточных татар и, как меня информировали во время написания этих сообщений, они похожи на людей, живущих на северной стороне у северо-восточного прохода. Они не пахут и не сеют, ибо страна слишком студена для прорастания каких-либо злаков, а также никогда не имеют достаточно корма и травы для скота. Живут они в основном охотой на оленей и медведей и других диких зверей, добывают птиц, едят сушеные коренья вместо хлеба; немногие из них, живущие вблизи границ Архангельска, покупают немного зерна у русских, которые научили их есть хлеб (63).

... Я беседовал с некоторыми из так называемых самоедов, которые мне рассказали, что среди них нет ни устоявшихся форм религии, ни духовного сословия, а получают они правила жизни от тех своих старейшин, которые живут праведной жизнью и справедливо действуют; они подчиняются их решению в случае споров, выбирая такие лица с общего согласия. Они считают, что существует бог, управляющий солнцем и звездами и награждающий их здоровьем и долголетием согласно праведности и справедливости поведения по отношению друг к другу.

Страна изобилует оленями, которые питаются разнообразностью растущего на земле мха и деревьями в лесу, от чего к зиме они жиреют. Это особенный вид оленей, которых бог и природа, по-видимому, преднамеренно в изобилии создали для этой студеной страны, и они полезны туземцам во многих отношениях. По росту олени не так уж отличаются от наших ланей, но более чем в два раза толще, с сильными пропорциональными их туловищу ногами, с широкими, тонкими и плоскими копытами, которые так широко расходятся, что они бегают по поверхности мерзлого снега, не проваливаясь, и это не задерживает быстроту бега. Туземцы пользуются ими вместо лошадей, запрягая в сани в зимнее время во всех случаях необходимости; сани делают тонкими и легкими, чтобы они шли по поверхности снега. Русские со своими санями и лошадьми, когда на земле лежит толстый слой снега, не могут проехать, как эти люди, там, где нет укатанной дороги или обычного пути. Туземцы имеют так-

же в случае необходимости длинные плотные куски досок, которые крепко привязывают к своим ногам, с помощью которых они могут бегать по поверхности снега, не проваливаясь.

Упомянутые олени используются туземцами также для одежды и являются для них обычной пищей. Шкуры представляют из себя густой и теплый мех, в который туземцы одеваются, предохраняя себя от суровости зимы. Их рубашки сделаны из шкур молодых оленей, будучи надеты на тело, они мягки и теплее полотна. Верхняя одежда и шапки (шерстью внутрь и наружу) сделаны целиком из одного куска, так что стужа и ветер не дует им в шею, и приделан клапан (покрывало), снизу пристегиваемый и спускающийся при необходимости на лицо, с отверстием для глаз и носа, чтобы дышать и видеть, когда погода жестока. Обувь или башмаки также сделаны из двойного меха, сшитого со стороны мездры, чтобы лучше защищала от мороза, который длится девять или десять месяцев в году, а в самых северных частях вовсе два или три месяца не появляется солнце. Однако эти люди довольны своей жизнью; многие из них, побывавшие в России и приглашенные там оставаться, редко не желают возвращаться, живут и умирают там, где родились. Так бог каждой нации назначил быть довольной своим жребием.

Суровой зимой живут они в хижинах или пещерах, вырытых в земле, где малый огонь дает им тепло. Способ постройки таких хижин, практикуемый и русскими, когда им случается перезимовать или останавливаться в пути на месте, где нет домов, заключается в следующем: выбирают сухую насыпь или возвышенное место, где выкапывают яму порядочной глубины, обкладывают стены и перекрывают верх различными расщепленными брусками или бревнами, что полагается под руки, а затем утрамбовывают стены и перекрывают верх землей изрядной толщины, делают скамейки и настилы по бокам для спанья людей и в середине разводят хороший огонь. В отверстие в крыше выходит дым, когда приходится разводить костер, а когда огонь выгорает, закрывают отдушину или дымоход, и эти пещеры или хижины долгое время держат тепло.

Подобные хижины русские делают в своих войсках и лагерях для рабочих, когда ненадолго остаются на одном месте; но когда они предназначают их на всю зиму

или на продолжительный срок, не делают очага в середине, а в дальнем углу ставят печь, в которой и готовят пищу и при случае пекут свой хлеб. Когда печь закрыта и дымовая труба заткнута, нагретые стенки печи держат пещеру в таком тепле, сколько лишь желают; с малым количеством дров печь топится один, самое большее два раза в день. Обыкновенно делают они также сени или навесы при входе в эти пещеры, чтобы преградить путь стуже, здесь держат дрова и разные вещи; когда русские попадают в места, где земля промерзла, они сначала разводят огонь, чтобы оттаял грунт соизмеримо величине хижины.

Если бы английские моряки, ранее отправленные на поиски прохода в Китай и захваченные морозами, вынужденные перезимовать на Новой Земле и умершие на следующий год на своих кораблях с меланхолическим посланием, написанном в каюте и найденном там, об их гибели в ужасной стуже и испытанных ими страданиях, если бы, говорю я, они, как только убедились, что застряли во льдах, имея затем достаточно времени и видя, что жестокость зимы не убавляется, немедленно послали бы людей к суше, какую только удалось бы обнаружить, и в случае, если бы не нашли дорог и признаков присутствия туземцев, которые могли бы им оказать помощь (которых они, действительно, на той отдаленной северной земле могли и не встретить), если бы они построили себе такие хижины в земле, они легко могли доставить свою провизию с кораблей и укрыться в хижинах, и во время умеренных морозов и при свете луны (играющей там при отсутствии солнца немалую роль), имели бы возможность охотиться со своими ружьями, убили оленей и прожили зиму в сохранности и с удовольствием, а весной, когда появилось солнце и лед начал бы таять, могли снова вернуться к своим кораблям.

Некоторые люди, с которыми я толковал по этому вопросу, возражали мне, говоря, что было бы страшно для людей оставлять свои корабли и вверять свою жизнь на всю зиму земле, где они подвергаются постоянной опасности быть растерзанными медведями и волками. Мнения и рассказы такого толка, распространяемые по этому поводу, целиком легкомысленны, и на них не следует обращать внимания, ибо бог распорядился, чтобы такие хищники всегда боялись и убегали от человека, являющегося повелителем всех живых существ, и, несом-

ненно, они никогда не восстают против человека, если только на них не нападешь первым и они не могут спастись бегством, или в весеннее время года, когда у них детеныши и они добывают им пищу. Но, кроме этого, известно, что медведи зимой спокойно лежат и сосут свои лапы, и никто не может чувствовать себя в опасности, находясь в вышеупомянутых пещерах. Русские, хотя эти места полны волков и медведей, проезжают без страха по лесам именно в зимнее время, когда можно путешествовать днем и ночью на санях; редко, а то и никогда не слышно о случаях, чтобы на человека напали и растерзали его дикие звери...» (64—69).

Джон Перри приводит и некоторые сообщения исторического характера — о завоевании Сибири, — содержащие отдельные небезыңтересные детали. Заслуживают внимания и те места сочинения, где говорится о природных богатствах страны, ее промышленности, торговых путях и т. п.

«Страна Сибирь является местом, куда царь ссылает навечно главных преступников и правонарушителей. Она была завоевана русскими во времена Ивана Васильевича (Evan Bassilavitz), простирается по ширине в некоторых местах на 4 или 5 градусов широты и 50 градусов широты на юг, с Троицкого монастыря, лежащего на реке Тунгуске на 66 градусов северной широты, а в долготу от берегов реки Оби до истоков реки Аргуни, отстоящей на несколько дней пути от знаменитой китайской стены, которая, согласно отцу Лекомпту, была построена 1800 лет тому назад для защиты от нападений пограничных татар, которые, несмотря на это, все же 70 лет спустя стали хозяевами страны, ханами Великой Татарии, являющиеся и ныне императорами Китая.

Завоевание Сибири было совершено под руководством некоего Строганова (Strugenoff), русского купца, который владел обширным флотом глубокосидящих судов (каковые русские употребляют до сего времени), некоторые грузоподъемностью до 1000 больших тонн. Их постоянно используют на реке Волге, транспортируя зерно, соль, рыбу и некоторые другие товары разного рода. Купец имел не только свои фабрики во всех больших городах по самой Волге, но также в разных местах, расположенных на восточных реках, впадающих в Волгу, распространил свои деловые связи вплоть до жителей пограничных с Обью областей, обменивая свои товары

па богатую пушнину Сибири, черных лисиц, соболей, тигров, куниц, бобров и т. п. Он поощрял туземцев, и его интересы и умение хорошо обращаться с людьми в этих местах заставили его составить план завоевания Сибири. Строганов добыл у царя войска, среди них несколько донских казаков, и меньше чем за два года полностью завоевал страну. Король был убит в этом деле, а сыновья со многими пленниками были доставлены в Москву. Потомок этой фамилии (известный под титулом сибирского царевича или принца) теперь живет в Москве, где он владеет поместьем, содержащим четыре или пять деревень, пожалованных ему для доставления средств к существованию в соответствии его персоне, и живет он в хорошем уважении со стороны царя и знати.

Царство Сибирь и относящиеся к ней провинции считаются восьмой частью владений царя (разделенных на провинции шесть лет тому назад) и приносит значительный доход в царскую казну, сверх того поддерживает гарнизоны в стране и постоянно посылает рекрутов в царскую армию, в частности, Сибирский Тобольский полк, как из пехоты, так и из драгун состоящий, считающийся не хуже других имеющихся у царя полков, за исключением гвардии, куда люди набираются из всех полков.

Кроме этих преимуществ и дальнейшей перспективы расширения царских завоеваний до самого Татарского моря, где везде имеется богатейшая пушнина, по пути в эту страну русские ныне путешествуют по отличной дороге до самого Китая. Они ежегодно отправляют большие купеческие караваны, которые возят туда главным образом богатую сибирскую пушнину, черных лисиц, соболей, тигров, горностаев и т. п., и разные мелкие товары, привозимые из Архангельска, и доставляют из Китая чай в больших банках, камку, а также вид полотна, смешанный с хлопчатником, называемый русскими китайкой, окрашенный иногда в красный, иногда в синий и другие цвета, каковую охотно носят русские женщины. Привозят также из Китая жемчуг и золото в слитках. Кроме того, русские добывают жемчуг в некоторых восточных реках, граничащих с китайскими владениями; между ними и Тобольском на пути в Китай они построили много городов и местечек, где содержат гарнизоны. Недавно сообщил мне господин Салтыков, здешний царский резидент, что в то время, когда я приехал из Рос-

сни, от губернатора Сибири поступило сообщение на имя царя, что русские пашли в реке, текущей из юго-восточной части этой провинции и впадающей в Каспийское море, значительное количество золотого песку, который, как полагают, даст хорошую прибыль. Имеются также различные железодельные заводы в Сибири, и железо, которое оттуда доставляют, такого отличного качества, что продают его на одну треть дороже другого железа в России. Есть также и род слоновой кости, доставляемый оттуда — бивни земневодного существа, называемого бегемотом, каковую обычно находят на реке Ламе и около озер в этих местах. И русские обитатели, и туземцы Сибири поддерживают постоянное общение и доброе согласие с монголами, братскими, тунгусами, богдоями и узбекскими татарами, населяющими юг Сибири до самых границ Китая» (78—81).

Тематически разнообразнее, чем записки Джона Перри, дневники англичанина Джона Белла Антермонского, располагавшего более богатыми источниками и, главное, большим запасом непосредственных наблюдений.

В предисловии к книге Белл рассказывает, что с малолетства имел чрезвычайную охоту к путешествиям и, получив рекомендательные письма к доктору Орешкину (Areskine) — первому врачу и тайному советнику Петра I — в июле 1714 года из Лондона на корабле «Благополучный» под начальством капитана Эмерсона отплыл в Россию. По ходатайству Орешкина он стал членом посольства Артемия Петровича Волянского к персидскому софи, позже был принят на службу в коллегию иностранных дел и в 1718 году принял участие в посольстве капитана лейбгвардии Льва Васильевича Измайлова в Китай, куда выехал в июле 1719 года⁶.

Если Перри интересовался главным образом этнографией и оп, как и многие его предшественники в XVII веке, еще находился в плену «экзотических» представлений о Сибири как о стране необычной и несравнимой с другими странами, то Белл пытается осмыслить обильно поступившие в его распоряжение сведения в духе просветительской философии XVIII века, обращая главное внимание не на отдельные «экзотические» детали, а на иные предметы: развитие сибирских городов, состояние промышленности, природные богатства страны и перспективы их разработки. В этом отношении книга Белла в некоторой степени предваряет научные отчеты

участников академических экспедиций Гмеллина, Миллера, Мессершмидта, положившие наряду с русскими отчетами начало научному изучению Сибири.

О Соликамске Белл пишет: «Город Соль-Камская, главный в Великой Перми, при реке Усолке, которая впадает в Каму в полмили от города, собою очень велик и многолюден и главный в провинции сего имени, которая причислена ныне к Сибирской губернии. Он весьма приятно расположен по восточному берегу реки Камы. Сия река очень знаменита в сей стране света. Истоком своим она исходит из севера и принимает в себя реку Парму, Сылпу, Колпу и множество других речек, которые совокупно составляют большую реку, величиной почти равную Волге, в которую впадает она около шестидесяти верст ниже Казани и теряет там свое имя.

Соль-Камская славится своими варницами. Они принадлежат барону Строганову и были пожалованы его предкам в 1558 году царем Иоаном Васильевичем. Он их привел в столь хороший порядок, что может снабжать солью не только всю Россию, но даже отправлять ее в чужестранные государства. Соль эта черновата, но все же в своем роде изрядна.

Вот каким образом ее приготавливают. Копают в земле колодцы до тех пор, пока не дойдут до соляного камня, который в этих местах лежит в некоторой глубине от поверхности земли, как и уголь в других странах. Как только колодец окончен, он наполняется водою. Оставляют ее так на некоторое время, чтобы насыщалась она достаточным количеством соли, после чего достают ее насосами и другими орудиями и наполняют ею большие железные сковороды, в которых варят ее до тех пор, пока она не получит достаточной густоты и таким образом вода выпреет, а соль остается на дне.

Вот еще другой способ разделения соляной воды от пресной, он столько достоин любопытства, что о нем нельзя умолчать. Вода в окрестных реках смешивается с соляною водою, которая вытекает из источников, имеющих свое начало в соляном камне, мною упомянутом, или пробивается сквозь оный. Жители стараются отыскать те места, где эти источники соединяются с рекою явно или скрытно. Отыскав их, делают сруб от пятнадцати до двадцати футов мерою в четвероугольнике и такой вышины, чтобы достать до речного дна и чтобы некоторая часть его была бы выше речной поверхности. Когда

лед на реке делается крепким, погружают сплю махину в воду, пониже того места, где находится источник соляной воды, и вколачивают кругом сваи, чтобы быстрина или лед не сдвинули сруб. В продолжении зимы вынимают воду, ил или песок, которые находятся в махине, и погружают ее час от часу глубже до тех пор, пока дойдет она до самого дна реки и не останется более сообщения между пресною и соляною водою. Тогда сруб наполняется последнею и соль вываривается из нее объявленным мною образом» (т. I, стр. 166—167).

Белл приводит также любопытные данные о рудных и минеральных богатствах Урала. О месторождении асбеста, например, он пишет: «В окрестностях Соликамска находят камень асбест, из которого делается несгораемое полотно, которое, когда оно загрязнится, бросают в огонь, где из него вся чернота выгорает, и оно само ничем не повредится. Древние знали сей род полотна и употребляли его на разные надобности.

Случаю обязаны открытием этого чудесного камня. Вот как это сделалось. Некий охотник, желая выстрелить в попавшегося ему зверька и не имея, чем припыжить заряд, увидел в лесу большой камень, покрытый некоторым родом пуха, который походил на сделанный из ветоши. Взяв его и скатав, он припыжил им свое ружье, но как он удивился, когда увидел, выстрелив из ружья, что порох не произвел никакого действия на пыж! Сей случай возбудил его любопытство так, что он, разведив огонь, бросил туда асбест, но вынув его оттуда, нашел нередимым. Сие его так страшило, что подумал он, дьявол вселился в сей камень. Возвратясь домой, рассказал он случившееся с ним попу своего прихода, который и сам тому удивился и захотел проделать этот опыт и повторял это столь часто, что тайна вышла, наконец, наружу» (т. I, стр. 170).

Белл приводит также некоторые сведения о покорении Сибири, взятые, очевидно, из общеизвестных источников, но содержащие некоторые небезынтересные подробности, основанные, несомненно, на местных преданиях: «В начале прошедшего столетия некоторый донский казак, называемый Ермак Тимофеевич, был принужден оставить свою землю и, не ведая, чем себя прокормить, присоединил к себе нескольких разбойников и начал грабительствовать по большим дорогам. В короткое время стал он весьма славным и сильным, ибо грабил он толь-

ко богатых и, по необыкновенному великодушию людей его ремесла, наделял бедняков. Не умерщвлял он и не ранил ни одного человека, разве защищая только самого себя. Сей поступок приобрел ему такое прославление, что все празднующиеся не имущие звашия люди вступили к нему в сообщество, с охотою подчиняя себя власти столь великодушного и неустрашимого начальника. Напоследок сделался он столь страшным, что правители полуденных провинций послали несколько войск для его поимки. Узнав об этом, оставил он ту страну и, овладев несколькими стругами, находившимися на Волге, начал разбойничать на сей реке. Будучи слова тесним пойсками, пустился он в Каспийское море и удалился на Персидские пределы, где и прожил несколько времени под именем купца. Персы, проведав, кто он таков, принудили его удалиться. Возвратился он опять на Волгу, где поступал несколько невоздержнее против прежнего. Часто скрывался он в лесах и в деревнях, и так как у него не было недостатка в деньгах, то платил щедро за то, в чем была ему нужда. Между тем, предвидя, что нельзя ему долговременно укрыться со столь многочисленною шайкою, вознамерился он оставить Волгу и плыть до Камы, по которой тогда еще мало ездили как россияне, так и прочие народы. Надеялся он промыслить себе безопасные убежища во время зимы. И таким образом Ермак, предводитель двухсот человек, поплыл по Каме, но лед остановил их в некотором расстоянии от большого села, которое принадлежит ныне барону Строганову. Обыватели, убоясь их пришествия и находясь не в состоянии им противиться, принуждены были пустить их к себе и принять ласково. Ермак потребовал от них только съестных припасов для препровождения зимы, платя за то наличными деньгами и обещая выехать от них в начале весны. Вследствие этого ему разрешили препроводить зиму в этом удаленном месте, но при наступлении лета Ермак, боясь, как бы о нем не узнало правительство и размышляя о пути, куда ему отправиться, вознамерился перебраться через Верхотурские горы и пробираться в восточную сторону в надежде отыскать некую необитаемую страну или по крайней мере безопасное для себя убежище.

Прибыв на реку Туру и найдя ее пригодной для судоходства, построил он довольно число лодок для своего войска, поплыл вниз по реке и после трехдневного

плаванья увидел он многие деревни мусульманских татар, жители которых весьма удивились, увидя прибытие сих иностранцев, о которых никогда не слыхивали. Ермак, разведав о положении и правительстве той страны, продолжал свой путь до реки Тобола, где он нашел населенные города и обработанные земли. Татарский хан, устрасясь его прибытия, собрал многочисленное войско из конных и пеших, вооруженное луками, стрелами, копьями и другими подобными оружиями. Землепроходец наш имел с ними многие стычки, в которых любил многое их число огнестрельным своим оружием, какого татары еще не знали. Как же они испугались, увидев россиян с таковым оружием, как и мексиканские жители при вступлении испанцев в Америку, на которую во многом походит Сибирь.

Ермак, видя, что число его неприятелей умножалось по мере того, как он приближался к столице ханской, потеряв при этом многих из своих людей и большую часть из своих припасов, и не имея никакого убежища, где бы мог провести зиму, которая в сих местах бывает весьма долгой, решил возвратиться назад. И как только он двинулся на запад по рекам Тоболу и Туре, то татары не давали ему ни малейшего отдыха и непрестанно беспокоили его с берегов. Однако он с несколькими людьми и с превеликою добычею спасся и возвратился опять в то село, в котором провел прошедшую зиму. Жители оною, увидев его возвратившегося с богатыми мехами и другими драгоценностями, приняли его очень ласково. Ермак наградил их щедро и разделил свою добычу с теми, кто оказал ему такое гостеприимство в его бедности.

Странник наш стал тогда размышлять о неблагополучии своего состояния. Понял он, что пребывание его не останется долго неизвестным, что безрассудно было для него напасть снова на татар, не имея ни оружия, ни снарядов, и поэтому вознамерился он подвергнуть себя милосердию его царского величества в надежде испросить себе и своим соучастникам, предлагая государю завоеванные и отысканные им богатые страны. Сообщил он свое предложение двору через посредство одного приятеля, коим и не пренебрегли ввиду его важности. Одним словом, вскоре привезли Ермака в Москву, снабженного охранным свидетельством, где он и предложил все свое дело. Просил он прощения у его величества и требовал некоторые части войск, обещаясь дать в них

добрый отчет и приобрести славные завоевания. Царь пожаловал ему прощение вины, подтвердил задуманное им предприятие и распорядился снабдить его войсками. Оные дошли до Соликамска и провели там зиму, заготавливая все пужное для похода, к которому должны были приступить в следующую весну.

В продолжении сего времени Ермак поступал столь же благоразумно, как и неторопливо и явил знаки величия своего духа. Собрал он небольшое число оставшихся своих товарищей и составил из него такую часть войска, на которую мог надеяться во всяком случае.

Когда пришла пора, то войско поднялось в поход, и когда вступило в Сибирь, то увидели большие толпы вооруженных татар, готовившихся препятствовать им в пути, а также увидели множество на реке лодок, наполненных вооруженными людьми. Татарский хан сам находился на одной из них. Дело между ними продолжалось недолго и окончилось соответственно ожиданиям россиян. Не могу я оставить в молчании некоторые подробности последнего сражения. Во время преследования российскими войсками татар на реке Иртыше Ермак увидел судно, на котором сражался хан, приблизился к нему со своим отборным войском, чтобы с ними сцепиться. Тогда захотелось ему перескочить из своей лодки в другую, но при этом случае упал он в воду и утонул, к великому сожалению своих последователей. Таким образом погиб славный Ермак. Однако россияне одержали тогда полную победу, храбрый татарский хан и сам лишился жизни в этой схватке. Сын его и прочие родственники были отосланы в Москву, где царь принял их с честью и поступал с ними в соответствии с их саном. Ханскому сыну пожаловал он знатное владение в России, потомки его пользуются еще и ныне титулом сибирских царевичей; сей поступок несравненно благороднее и великодушнее того, каковой испытали от своих победителей государь мексиканский и перуанский» (т. 1, стр. 174—180).

В дневнике Белла содержится одно из самых подробных в тогдашней литературе описаний города Тобольска и его окрестностей: «Тобольск укреплен прочной каменной стеной, имеющей четырехугольные башни и бастионы на надлежащем расстоянии, и хорошо снабжен военными силами. Внутри города находится дворец губернатора, судебная палата, множество построенных из

камня церквей, в частности большой собор и дворец архиепископа. Со стен открывается обширный вид на прекрасную местность, особенно с юга. На западе местность также ровная и покрыта высокими рощами. Обитают там преимущественно русские различных профессий; многие из них купцы, и очень богатые от добычливой торговли, которую ведут они с пограничными областями Китая и многими местами своей страны.

Они живут в большинстве случаев на возвышенности. Под холмом в предместье вдоль берегов реки имеется множество широких улиц, названных Татарскими, заселенных потомками древних жителей этих мест. Здесь, как и в других местах, люди имеют счастье свободно выполнять обряды своей религии и одарены привилегиями торговли.

Они походят в своем облике, в религии, языке и манерах на татар Казани и Астрахани. Их дома очень чисты. Они весьма учтивы к чужестранцам и уважают чужестранцев, по сему случаю они имеют хорошую репутацию в своих коммерческих делах.

Помимо укреплений, ранее упомянутых, вокруг города вся возвышенность окружена рвом и палисадами⁷.

Когда мы находились в Тобольске, Сибирью управлял господин Петров Соловой (Mr. Petrof Solovoy), вице-губернатор, человек, хорошо знакомый с делами управления, капитан гвардии. Бывший губернатор князь Гагарин врал в немилость у его величества и был отозван, а его преемник князь Алексей Михайлович Черкасский, дворянин, вполне достойный такого высокого доверия, еще не прибыл...

В Тобольске всегда находится около пяти или шести тысяч регулярных войск, конных и пеших, а также некоторое количество нерегулярных. Эти войска в совокупности с естественной неприступностью места действительно предохраняют его от нападений соседних татар.

Леса и поля вокруг Тобольска населены дичью, соответствующей климату, как тетерева, глухари и рябчики, последние величиной в куропатку с очень белым и приятным мясом. Там имеется еще другой вид этих рябчиков с косматыми лапами, которые зимой становятся белыми, как голуби. Как и обычные куропатки, которые с наступлением зимы улетают в более теплый климат, вальдшнепы — рослая разновидность бекасов — улетают осенью после того, как выведут птенцов. Что касает-

ся водоплавающих птиц, то ни одна страна на всем свете не может представлять такое количество их разновидностей. Они также являются перелетными птицами...» (т. I, стр. 185—188).

Во время своей поездки по Сибири Белл подробно расспрашивал всех встречных жителей о фауне (189), породах деревьев Сибири (190), рыбах сибирских рек (191), интересовался состоянием земледелия, о котором пишет: «На юг от Тобольска почва плодородна, производится в большом количестве пшеница, рожь, ячмень, овес и другие хлебные злаки. Имеется также великое множество скота, зимой кормят его сеном. Одним словом, провизии всякого рода много и она чрезвычайно дешева» (191).

В Тобольске Белл получил интересные сведения о Семи Палатах (Семипалатинске): «После того, как Иртыш в своем течении на много миль прошел по холмистой, покрытой лесом местности, протекает он по прекрасной плодородной долине, населенной калмыками, и достигает здания, называемого Семью Палатами (Sedmy-Palaty), расположенного с правой стороны реки и спускающегося к ней. Очень удивительно видеть такое правильное сооружение в самой середине такого пустынного места. Некоторые из татар говорят, что оно построено Тамерланом, известным у татар под именем Темира-Ак-Сака (Temyr-Ak-Sak) или Хромого Темыра (Lame-Temyr), а еще иначе Джингис-Хана (Gingees-Chan). Строение, согласно наилучшей информации, какую я только мог получить, сделано из кирпича или камня, весьма совершенно, и сохранилось до сих пор. Оно состоит из семи помещений под одной крышей, откуда и название Семи дворцов. Некоторые из этих помещений заполнены свитками из лощеной бумаги, красиво написанными, на многих из них позолоченные письма. Некоторые из свитков черные, а большинство — белые. Язык, на котором они написаны, является языком тунгусов (Tongusts) или калмыков. Когда я был в Тобольске, я встретил на улице солдата со связкой этих бумаг в руке. Он предложил их мне купить, что я и сделал за умеренную цену. Я сохранил их до моего возвращения в Англию, где я роздал их своим друзьям, часть из них — ученому антиквару сэру Хансу Слоуну (Sir Hans Sloane), который высоко их ценил и отвел им место в своем знаменитом музее.

Два таких свитка были посланы по распоряжению Петра I в Парижскую Королевскую Академию. Академия прислала перевод, который я видел в комнате редкостей (кунсткамере) в Санкт-Петербурге. Один из них содержал поучение даме или священнику, а другой нечто вроде молитвы божеству. Насколько на это толкование можно положиться, я не могу установить. Татары считают всех их священными письменами, что показывает забота, с которой стараются их сохранить. Возможно, что они содержат любопытные обрывки древности, в частности древней истории. Выше Семи Палат, по ту сторону реки Иртыша на холмах и полянах без малейшего ухода растет наилучший в мире ревеня» (192—194).

На пути в Томск Белл видел множество могильных курганов: «Не доезжая восемь или десять дней пути до Томска на этой равнине находят много могил и захоронений древних героев, которые, вероятно, пали в бою. Эти могилы легко различимы по кучам земли и камня, возвышающимся над ними. Когда и между кем происходили эти битвы так далеко на севере, неизвестно. Меня информировали барабинские татары, что Тамерлан или Тимур-Ак-Сак, как они его кличут, имел много боевых стычек в этой стране с калмыками, которых он тщетно пытался победить. Много людей из Томска и других мест летом отправляются к этим могилам, раскапывают их и находят среди мертвых останков значительное количество золота, серебра, меди и различных драгоценных камней, а иногда и части рукояток мечей и доспехов. Они находят также седельные украшения и уздечки и другую конскую сбрую, а иногда и слоновую. И это было так: когда полководца или знатное лицо хоронили, все его вооружение, его любимых коней и слуг предавали земле в одной и той же могиле. Этот обычай господствует среди калмыков и других татар до сего времени и имеет, кажется, свои древние традиции. Из наличия множества могил явствует, что многие тысячи людей должны были пасть в этих местах, ибо люди продолжали копать их из-за сокровищ много лет и до сих пор находят таковые не истощенными. Они (могилы. — Э. З.), правда, порой действительно раскопаны и ограблены отрядами калмыков.

Я видел различные части вооружения и другие курьезные вещи, извлеченные из этих могил, в частности

вооруженного человека верхом на коне, отлитого из желтой меди, непонятного назначения и происхождения, а также фигурки животных, скота из чистого золота, разрезанные по середине, с небольшими дырками, как будто предназначенными для украшения колчанов или конской упряжи.

Когда мы были в Томске, один из этих гробоводителей рассказал мне, что однажды неожиданно наткнулся на сводчатый склеп, где нашли останки человека с луком, стрелами, копьем и другим вооружением, лежащим вместе на серебряной плите. Когда притронулись к телу, оно распалось в пыль. Ценность плиты и вооружения была весьма значительна» (209—211).

Из Томска посольство отправилось в Енисейск, откуда продолжили путь по реке Тунгуске, что дало Беллу возможность наблюдать жизнь тунгусов, о которых он рассказывает: «Тунгусы, именуемые так по названию реки, по берегам которой живут, — потомки древних обитателей Сибири и отличаются по языку, манерам, одежде, а также внешности и стану от всех остальных племен этих людей, с которыми я имел случай встретиться. У них нет домов, в которых постоянно живут, а кочуют они в свое удовольствие по лесам, вдоль берегов рек. Там, где они останавливаются, сооружают шалаши из реек, связанных сверху вместе, покрывают их кусками сшитой бересты березовой, оставляют наверху отверстие, через которое выходит дым. Очаг расположен посередине. Они весьма вежливы и стоворчливы и любят курить табак и пить водку. У своих шалашей тунгусы содержат добрые табуны оленей, которые составляют все их богатство.

Мужчины высокого роста и крепкие, храбрые и очень честные. Женщины среднего роста и очень добродетельны. Я видел много мужчин с овальными знаками вроде колец на лбу и щеках и иногда знаки, напоминающие ветви деревьев, идущие от угла глаз до рта. Они наносят их в детстве, прокалывая эти части лица иглой и натирают их древесным углем, после чего знаки остаются, пока жив человек.

Цвет лица у них смуглый. Лица их не такие плоские, как у калмыков, и выражение лица более открытое. До сих пор тунгусы не знают никакой письменности и преклоняются солнцу и луне. Среди них много шаманов, отличных от тех, которых я описал раньше. Я слышал о

таких, способность к гаданию которых намного превосходит то, что встречается в этих местах, но живут они далеко на севере. Они не привыкли спать в теплых помещениях, уходят в свои шалаши и лежат вокруг очага на шкурах диких зверей. Удивительно, как эти создания могут переносить очень свирепые морозы в этих местах.

Женщины одеваются в меховую одежду, достигающую до колен, схваченную вокруг туловища поясом. Эти пояса шириной около трех дюймов сделаны из оленьей кожи, престранно вышиты и украшены орнаментами, к ним с каждой стороны прикрепляются железные кольца, служащие для носки трубки курительной и других безделушек малой ценности. Их одежда также вышита на груди и спине. Их длинные черные волосы заплетены и уложены вокруг головы, сверху они надевают меховую шапочку. Ноги обуты в башмаки из звериных шкур, достигающие до колен, и схвачены вокруг лодыжек кожаными ремешками.

Одежда мужчин очень проста и удобна для передвижения. Она состоит из короткой куртки с узкими рукавами, сделанной из шкур животных мехом наружу. Шаровары и чулки из того же самого меха, оба из одного куска, плотно прилегают к телу. Сверх того они носят кусок меха, прикрывающий грудь и живот, свисающий с шеи на крепких ремнях, в большинстве случаев вышитый и украшенный узорами руками их жен. Вокруг головы они носят рюш (ruff) из беличьих хвостов для предохранения кончиков ушей от мороза. На макушке у них нет ничего, кроме прямых волос, свисающих длинной заплетенной прядью за щеками.

Вооружением тунгусов являются лук и стрелы разных сортов, соответствующие разному роду дичи, за которой они охотятся. Стрелы носят они в колчане на боку, а лук всегда в левой руке. Кроме этого у них имеется короткое копьё и маленький топорик. Снаряженные таким образом, они не боятся напасть на самых свирепых лесных обитателей, не исключая самых больших медведей, ибо они отважные люди и ловкие стрелки. Зимой, когда у тунгусов начинается сезон охоты на диких зверей, они передвигаются на так называемых лыжах, без которых невозможно пробираться по глубокому снегу. Они сделаны из тонкого куска легкого дерева длиной около пяти футов, шириной в пять или шесть дюймов, спереди заостренные, сзади прямоугольные. К середине их прикреп-

лен ремень, через который продевают ступню. На этих лыжах человек может безопасно ходить по самому глубокому снегу, ибо от веса человеческого тела они едва на дюйм погружаются в снег, но могут применяться только на равнинах. Есть и разновидность лыж для подъема на возвышенности, по низу которых приделана шкура тюленя, ворсом назад, ограничивающая скольжение лыж, так что можно подниматься на холмы с большой легкостью и, спускаясь, скользить вниз хорошим ходом.

Нация тунгусов была когда-то очень многочисленной, но за последнее время очень уменьшилась от оспы. Примечательно, что они ничего не знали об этом недуге, пока русские не появились среди них. Они так боятся этой болезни, что когда кто-нибудь ею поражен, остальные немедленно строят для больного маленький шалаш, оставляют там немного воды и пищи, а затем, забрав все вещи, уходят по наветренной стороне, каждый с глиняным горшком с горящими угольями. Они никогда снова не посещают больных, пока по их предположению опасность не миновала. Если кто-нибудь умрет, его крепкими прутьями привязывают к ветви дерева, чтобы предохранить от падения.

Когда тунгусы отправляются на охоту в лес, они не берут с собой провизии, а рассчитывают только на то, что в пути удастся добыть. Они едят мясо любых животных, не исключая медведя, лисцы или волка. Белки считаются деликатной пищей, а горностаи имеет такой резкий и отвратительный вкус и запах, что никто, кроме умирающих с голода, не может заставить себя есть его мясо. Когда тунгус убивает лося или оленя, он никогда не уйдет с этого места, пока не съест их, за исключением случая, когда он находится недалеко от семьи — тогда часть добычи доставляют домой. Тунгусы никогда не бывают без огня, имея всегда с собой трутницу. Если же по какой-то причине ее не окажется, зажигают они огонь трением друг о друга двух кусков дерева. Сырым они ничего не едят, кроме как в крайней нужде.

Соболя добывают иначе, чем других зверей. Меха его так нежны, что малейшая отметина от стрелы, малейшее нарушение ворса снижает стоимость шкурки. Охотники берут с собой только маленькую собаку и сеть. Когда охотник нашел след соболя на снегу, он идет за ним порой два или три дня, пока несчастный зверек, совсем

утомившись, не ищет убежища на высоком дереве, ибо умеет он лазить как кошка; тогда охотник раскладывает вокруг дерева сеть и разводит огонь; соболь, не способный выносить дым, немедленно спускается и попадает в сеть. Я слышал от одного из таких охотников, что они, жестоко мучимые голодом во время такого продолжительного преследования, берут две тонкие дощечки, одну из которых прикладывают к подложечной ямке, а другую к противоположной стороне, концы этих дощечек связывают веревкой, которую постепенно стягивают потуже, и это не дает им чувствовать голод.

Только я заметил, что тунгусы, вообще поклоняющиеся солнцу и луне, допускают иногда исключения из этого правила. Я встречал среди них смысленных людей, которые верили, что есть верховное существо, стоящее над тем и над другой (т. е. над солнцем и над луной.— Э. З.), сотворившее их и все на свете. Я также должен далее заметить, что из всех известий, услышанных и вычитанных о народностях Канады, больше всего на них походят тунгусы. Расстояние между ними не так велико, как обычно полагают» (225—231).

Со слов путешественников, с которыми встречался Белл, он рассказывает о способах передвижения в землях, лежащих на северо-востоке, за рекой Леной, в частности в Якутске: «Люди, отправляющиеся зимой отсюда в эти места, большею частью делают это в январе или феврале. Это очень долгое и трудное путешествие, и никто кроме тунгусов и других таких же закаленных людей не способен на такое дело. Русские часто заканчивают его в шесть недель. Обычным методом является следующий: пропутешествовав несколько дней в санях, куда дорога не становится непроходимой для лошадей, становятся на лыжи и тащат за собой по возможности легкие и небольшие нарты, содержащие провизию и другие необходимые вещи. Эти нарты являются разновидностью саней длиной около пяти футов и шириной в десять дюймов, которые человек может легко проташить по самому глубокому снегу. Ночью разводят большой костер и располагаются вокруг него спать в этих узких санях. Как только они отдохнули, снова становятся на лыжи. Этот способ передвижения продолжается около десяти дней, пока не прибывают в место, где добывают собак для себя и своих нарт. Собаки впрягаются парами, в большом или меньшем количестве в за-

висимости от груза, который должны перевозить. Хорошо приученные к этому делу, они мчатся единым духом, лая всю дорогу, и человек, лежащий в санях, при помощи веревки управляет собакой, которая ведет за собой остальных. Собак впрягают в сани при помощи мягкой веревки, обхватывающей их по середине живота и проходящей между двумя задними ногами. Я был удивлен грузом, который эти твари способны перетащить, но путешественники вынуждены возить с собой провизию как для себя, так и для собак. Эти бдительные животные знают время утренней кормежки и поднимают ужасный вой, пока они не накормлены, и не продолжают свой путь. Этот способ путешествия, я полагаю, выдержит не каждый организм; один вид его вполне удовлетворил мое любопытство.

Таким образом действуют эти люди на протяжении трех недель, пока не прибывают в определенную деревню на Лене, где, оставив собак, добывают себе лошадей, на которых едут до города Якутска. Это место получило название от речки, названной Якутом, которая впадает здесь в Лену» (235—237).

Характерно, что Белл, отдавая должное необычному и экзотическому в пейзаже Сибири, в жизненном укладе населяющих ее народов, нередко выражает неподдельное удовольствие и восхищение красотой природы. Описывая пейзаж Приангарья, Белл, например, замечает: «Вдоль берегов мы нашли много хорошо населенных деревень. Облик страны выглядел иначе, чем то, что мы видели на протяжении нескольких месяцев; сейчас мы созерцали красивую равнинную страну, открывающую прекрасный и пространный вид; временами пейзаж перемежается рощами и холмами. Северный берег реки преимущественно покрыт лесом. Местами там открытые пространства на берегах, где мы видели деревни и изобилие скота и провизии» (344).

15 марта 1720 года путешественники проехали мимо Балаганска, что дало Беллу повод для пространных известий о бурятах: «Место это расположено очень живописно и находится оно на плодородной равнине, имеет много пашен, а по соседству — леса.

Здесь мы обнаружили другое племя туземцев Сибири, отличающееся от всех тех, которые я раньше описал. Русские называют их братскими, но сами они называют себя бурятами. Они круглый год живут в шатрах, имеют

большие стада овец и множество коров и лошадей. Они кочуют с места на место, как этого требуют удобства пастбы. Их язык имеет большое сходство с языком калмыков, среди них имеются священники, способные читать и писать на этом языке. Что касается одежды и образа жизни, я не смог найти большого различия между ними и калмыками на Волге, отсюда заключаю, что они происходят от одних и тех же предков. Их лица, однако, не совсем такие плоские, как у калмыков, нос немного больше выдается и выражение лица более открытое.

Буряты крепкие и деятельные люди. Несмотря на то, что перед ними пример русских, пашущих и засевающих свои земли и превосходно живущих произведениями этих богатых и плодородных почв, они предпочитают оставаться в своих шатрах и ухаживать за стадами, от которых зависит их существование.

Главными упражнениями мужчин является охота и верховая езда. Они имеют верховых коней хорошей породы, и рогатый скот отличается крупными размерами. Овцы с широкими хвостами дают превосходную баранину. Буряты имеют также множество коз. Для всего этого скота они не запасаются кормом, а оставляют его пастись в чистом поле. Когда выпадает снег большой глубины, скот перегоняют на юг на возвышенные места, где лежит мало снега.

Вооружение бурят состоит из лука и стрел, копьев и сабель; всем этим они пользуются, сидя верхом на конях, ибо, как и у калмыков, не имеют пехоты. Они ловкие стрелки из лука и искусные наездники.

Эти люди раньше подчинялись монгольскому князю, но теперь живут весьма свободно под русским правлением. В настоящее время они составляют весьма многочисленный народ, простирающийся на восток и юг от озера Байкал, в основном считаются очень честными и искренними. Что касается одежды, то мужчины носят куртку, режу шубу из овчины, опоясанную вокруг талии, во все времена года; маленькую круглую шапку, отделанную мехом с помпоном (*rassel*) из красного шелка надевают на макушку, что вместе с парой кальсон и ботинками составляет всю одежду. Одежда женщин почти такая же, только их шубы пониже талии расходятся складками и свисают в виде юбки. Замужние женщины носят волосы в двух прядях, по одной на каждой стороне головы, пропущенные через два железные

кольца, чтобы они не распускались на груди, что походит на парик. Вокруг лба они носят обруч из полированного железа, соединенный сзади, а на голове круглую шапку, отделанную мехом и вышитую в их манере, чтобы отличалась от шапки мужчин. Девушки одеты таким же образом, только их черные, как вороное крыло, волосы заплетены в косы, висящие отдельными прядями вокруг головы; некоторые из них отличаются хорошим цветом лица. Как мужчины, так и женщины вежливы в поведении.

Религия бурят, кажется, та же, что у калмыков; является она явным язычеством грубейшего вида. Правда, они говорят о всемогущем и добром существе, которое сотворило все вещи, называемые Бурхуном, но представляют его себе в путаных, неправдоподобных, невразумительных понятиях относительно его природы и правления. Они имеют двух превосвященников, к которым относятся с величайшим уважением, одного из них они называют Далай-Ламой, другого — Кутухтой...

Посещая шатры бурят, я часто видел длинный шест, на котором висят рога, череп и шкура овцы. Расспрашивая о смысле этого явления, я узнал, что череп и шкура здесь принадлежат животному, убитому и принесенному в жертву богу, который покровительствует их стадам и гуртам. Я не смог обнаружить у них идолов, за исключением реликвий, полученных от священников, которым они были вручены Далай-Ламой. Таковые обычно висят в углу шатра, а порой надеты на шею в виде амулета, предохраняющего от несчастья» (245 — 248).

18 марта 1720 года Белл прибыл в Иркутск и записал. «Город Иркутский укреплен ровом и крепким палисадом с башнями на определенном расстоянии. Гарнизон состоит из регулярных войск и некоторого количества казаков или тамошней милиции. Город имеет около двух тысяч домов, и жители в изобилии снабжаются провизией всякого рода из окрестных деревень. Леса по соседству кишат различной дичью. Река дает осетров и много других пород рыб, но там нет стерлядей, ибо, как я понимаю, оные любят мутные реки, а вода в этом месте так прозрачна, что на глубине в две сажени можно видеть гальку на дне.

В Иркутске хороший рынок для пушнины всех сортов, а также для многих видов китайских товаров. Все эти

товары должны поступить в таможенную, за них платят пошлину в десять процентов, что дает значительный доход его величеству» (251—252)⁸.

10 апреля 1720 года Белл видел «знаменитого шамана — ламу или священника, который был доставлен издалека. Поскольку эти шаманы вызывают много толков в этой части света и, по мнению невежественного простонародья, одарены чудесной силой, я обязан дать некоторый отчет о поведении этого шамана, из чего можно заключить, что все это — обман.

Сопровождаемый многими предводителями племен, он был представлен послу комендантом (Ракитиным), который обращался с ним очень уважительно. Это был человек около тридцати лет от роду, степенного поведения и вида. После представления ему преподнесли чашку водки, которую он выпил, но отказался от последующих преподношений.

Немного побеседовав, он изъявил желание показать некоторые образцы своего искусства, но сказал, что не может это сделать в русском доме, поскольку здесь были изображения святых, которые препятствуют его успеху. Тогда представление было перенесено в бурятский шатер по соседству. Таким образом, мы вечером возвратились в назначенное место, где нашли шамана и много его спутников, сидящих вокруг маленького огня и курящих табак, но ни одной женщины среди них не было. Мы расположились в одном конце шатра, оставив другой ему и его спутникам. Просидев еще около половины часа, шаман, поджав под себя ноги, сел на пол вблизи тлеющих углей очага. Повернув лицо в сторону спутников, он взял в каждую руку по палке длиной около четырех футов и запел унылый мотив, время от времени ударяя палками; все его спутники присоединились хором. В течение этой части представления он поворачивался из стороны в сторону и изгибал свое туловище в таких положениях, пока в конце концов не довел себя до такой степени неистовства, что на губах появилась пена и глаза покраснели и остановились. Теперь шаман вскочил на ноги и пустился в пляс, как обезумевший, пока не затоптал огонь босыми своими ногами. Эти противоестественные телодвижения рассматриваются простолюдинами как божественные и, действительно, казалось, что он одержим каким-то демоном.

Достаточно утомленный пляской, шаман приблизился к выходу из шатра и нанес три сильных удара, которыми, как заверяли его спутники, он вызывает к себе демона, чтобы тот ответил на предложенные вопросы. Потом он вернулся и с большим самообладанием сел, говоря, что готов принимать задаваемые вопросы. Некоторые из нас задали множество вопросов; на все он ответил незамедлительно, но в таких двусмысленных выражениях, что никто эти ответы никуда не мог приложить. Потом шаман представлял различные ловкие фокусы вроде того, что ударял себя ножом и потом вынимал его изо рта, насквозь пронзал себя мечом и многие другие, слишком пустячные, чтобы о них упомянуть. Короче говоря, совершенно очевидно, что все эти шаманы — шайка плутов, которые производят сильное впечатление на невежественное и доверчивое простонародье» (254 — 255).

Достигнув берегов Байкала, Белл подробно описывает озеро: «15 мая было очень жарко, и мы выехали только после обеда, покидая Иркутск в сопровождении коменданта и тамошних офицеров. Мы проехали по северному берегу реки по прекрасным лесам и открытым полям, пока не прибыли около полуночи к рыбацкому поселку, где остановились на несколько часов и продолжили путь только ранним утром следующего дня.

В полдень мы достигли маленькой часовни, посвященной святому Николаю, где путники имеют обыкновение совершать молитвы, испрашивая счастливого плавания по озеру. У этого молитвенного дома имеется несколько рыбацких хижин. Там постоянно прислуживают два монаха, взимая маленькие подаяния от путешественников.

Здесь нашли мы ниже истока Ангары ожидающие нас лодки. Отсюда можно видеть озеро, стиснутое двумя высокими скалами, низвергающееся по огромным камням, преграждающим реку шириной, по моим расчетам, около одной английской мили. Все русло реки покрыто этими утесами от устья озера до часовни святого Николая на протяжении одной английской мили. Здесь нет прохода даже для маленьких лодок, за исключением одного места у восточного берега через узкую протоку между утесами и сушей. В самых мелких местах глубина везде достигает пяти или шести футов, достаточная, чтобы пропустить малые суда. Но если при наступлении

непогоды или других несчастных случаях лодка на свою беду пройдет мимо этого прохода и налетит на утесы, она неминуемо разлетится на куски, и весь экипаж погибнет. Вода, мчась вверх утесов, шумит, как морской прибой, так что в этих местах люди не слышат своего голоса.

Я не могу выразить охватывающий человека ужас при виде таких изумительных сцен природы в местах, подобных которым, я полагаю, нет равных на целом свете. Штурманы и матросы, плавающие по озеру, говорят о нем с большим почтением, называя священным морем, а окружающие его горы — священными горами и очень недовольны каждым, кто говорит о нем с неуважением или называет его озером. Рассказывают историю некоего штурмана, который всегда давал ему это название и строго был наказан за свое неуважение. Совершал осенью плавание, его и его экипаж швыряло от берега к берегу, пока они чуть не умерли с голоду, находясь в великом страхе погибнуть. В конце концов необходимость заставила этого безрассудного моряка подчиниться господствующему обычаю и умолять священное море и горы сжалиться над ним в такой беде. Мольбы его были услышаны, и он благополучно вернулся на берег, но в дальнейшем соблюдал обычай говорить об озере с величайшим почтением.

Вторая половина дня ушла на установку такелажа и подготовку парусников к плаванию по стремительному потоку.

17-го задул противный ветер, и штурман не захотел подвергнуться риску. Я и еще трое из нашей компании воспользовались этим обстоятельством, чтобы подняться на вершину гор, откуда открылся широкий вид на море и находящиеся южнее него земли по другую его сторону, а также на запад. Земля на южной стороне озера постепенно поднимается, теряясь в холмах, покрытых в большинстве случаев лесом; но на западном берегу там очень высокие горы, некоторые из которых покрыты глубоким снегом, что мы легко могли разглядеть, несмотря на далекое расстояние.

Озеро Байкал напротив устья Селенги простирается в ширину примерно на 50 английских миль, но в других местах достигает еще большей ширины, а в длину примерно 300 миль. Оно наполнено свежей водой, притекающей из Селенги и многих других рек с юга и из Верхней

Ангары с востока. Озеро имеет направление с юго-запада к северо-востоку и изобилует рифами и утесами. Там имеется только один большой остров, ближе к середине, называемый Ольхоном. Он ограничен на севере грядой высоких скал, простирающейся от одного конца до другого. Единственным истоком его является Ангара, по которой, хотя она и является естественным проходом, проложен искусственным путем фарватер. По моему мнению, нельзя себе представить более прекрасную картину природы, чем видно с вершины этих гор, что легко передают несовершенные и неполные наброски, нарисованные мною...

Байкал богат разными породами рыб, в частности осетрами и рыбой, называемой омулем, по форме и вкусу похожей на сельдь, но шире и больше. Озеро дает также большое количество тюленей, шкуры которых предпочитают по качеству шкурам тюленей, пойманных в морской воде. Я считаю, что и тюлени и рыба в Байкале первоначально прибыли из Северного океана, когда было еще открыто сообщение между ними, хотя расстояние и очень велико.

Тюленей ловят главным образом зимой большими сетями, спущенными под лед. Применяемый здесь метод состоит в том, что пробивают во льду лунки на определенном расстоянии друг от друга, так что рыбаки могут с помощью длинных шестов протянуть сеть от одной лунки к другой и так на всем расстоянии. Тюлени, не способные долго находиться подо льдом, в поисках воздуха разыскивают эти лунки для своего спасения и запутываются в сетях. Люди в самом деле делают много лунок при наступлении морозов. Таким манером они ловят зимой не только тюленей, но и всякую рыбу» (257—262).

25 мая посольство проехало Большую Заимку, и Белл записывает в своем путевом дневнике: «Климат по этой стороне Байкала более умеренный, чем на северной стороне. Земля дает богатые урожаи пшеницы, ржи, ячменя, овса, гречихи и гороха, кроме корнеплодов и других овощей. Жители, которые недавно начали разводить некоторые виды плодовых деревьев, убедились, что они успешно прививаются, поскольку зима коротка и снег лежит не более шести недель или двух месяцев. Берега выглядят очень приятно из-за разнообразного сочетания полей и лесов.

26-го мы достигли большого города Удинска, названного так от реки Уды, впадающей в Селенгу, на восточном берегу. Это место тоже находится в плодородной долине с высокими покрытыми лесами холмами на востоке.

В этих холмах находят различные богатые руды, в частности серебряные, в добыче которых сейчас занято много рабочих рук. Рудокопы говорят, что руда слишком тверда, но содержит, однако, значительное количество серебра. Меня информировали, что здесь находят жильные месторождения серебряной руды.

Поскольку эти работы начаты лишь недавно, не известно, что они могут быть доведены до большего усовершенствования при хорошем попечении, с небольшими затратами, ибо металл находится там близко к поверхности. Образцы этих руд были посланы в Санкт-Петербург, и мне сообщили, что его величество наняло немецких рудокопов произвести опыты с ними.

Как здесь, так и на Ангаре находят в большом изобилии железо на самой поверхности. Но поскольку расстояния слишком велики для вывоза, добыча его не стоит затрат труда. Для удовлетворения местных нужд кузнецы доставляют свои меха прямо к руднику и плавят столько железа, сколько им потребуется. Я видел это железо — оно превосходного качества, мягкое и хорошо поддается ковке.

Кроме названных, в местах этих имеются очень богатые медные рудники. Я видел кое-какие образцы руд с большим содержанием чистой меди в жилах. Я не сомневаюсь, что со временем и при новых открытиях эти рудники достигнут совершенства и составят большой доход для русской империи» (266—267).

Достигнув 28 мая реки Оронгой, Белл видел становище бурят, стада которых паслись по соседству, и пишет: «Наши лошади переплыли реку и, пока они обсыхали, мы зашли в один из бурятских шалашей. Гостеприимная хозяйка немедленно поставила на огонь котелок, чтобы сварить нам чай:стряпня довольно необычная, так что я не могу не описать ее. Поставив большой железный котел на огонь, она старательно вытерла его с помощью конского хвоста, висящего для этой надобности в одном из углов шалаша, залила водой, и, немного погодя, засыпала туда немного дешевого байхового чая (bohea tea), получаемого из Китая, и немного соли.

Незадолго до того, как вода закипела, она взяла большой латунный черпак и взболтнула чай, пока жидкость не стала совершенно бурой. Теперь сняла чай с огня и после того, как он немного остыл и стал прозрачным, перелила в другой котел. Котел, вытертый, как и раньше, конским хвостом, был снова поставлен на огонь. Хозяйка приготовила тесто из муки и свежего масла, висящего в мехе недалеко от конского хвоста, бросила в чайный котел и изжарила. На это тесто вылила чай, прибавила немного хороших густых сливок, взятых из чистого бараньего меха, висящего на колышке среди других вещей. Черпак снова минут на шесть пошел в дело, после чего чай был снят с огня, чтобы остыл. Хозяйка достала деревянные чашки, каждая в полпинты и предложила свой чай всей компании. Основным преимуществом этого чая является то, что он утоляет и голод и жажду» (269—270).

Во втором томе своего сочинения Белл в основном останавливается на вопросах, непосредственного отношения к Сибири не имеющих (в частности о торговле России с Китаем), и подробно описывает различные перипетии и дорожные приключения, случившиеся с посольством на обратном пути из Пекина в Москву (посольство покинуло столицу Китая 2 марта 1721 года, 8 апреля были в Селенгинске, а 19 прибыли в Иркутск, откуда выехали 7 июля). Значительную часть пути путешественники проделали по Ангаре. Белл пишет: «В следующий день (т. е. 10 июля 1721 года.—Э. З.) мы достигли большого порога, называемого Падуном из-за крутизны падения воды. По этому порогу мы проплыли благополучно, так как для наших судов уровень воды над скалами был достаточно высок. Следующий порог, по которому мы проплыли, названный из-за большой длины Долгим, считается более опасным, ибо, несмотря на длину и глубину прохода, он очень изогнут, извивается от одного берега к другому поворотами между скалами и большими камнями. Плывая по этому проходу, штурман сидит на носу судна, давая шапкой знаки своим людям у руля, каким путем плыть, ибо вода, мчась по скалам и большим камням, издает такой ужасный шум, что совершенно невозможно услышать малейший членораздельный звук. Кроме того, надо усиленно работать веслами, чтобы предохранить судно от поворотов в ту или иную сторону, ибо, если оно налетит на скалы, все това-

ры и люди погибнут; о таких несчастных случаях имеется множество примеров.

11 мая проплыли мы по другому порогу, называемому Шаманским, который считается самым опасным из всех — проход здесь очень узок и извилист. Кое-кто из нашей компании предпочел пройти пешком по берегу, чтобы не подвергнуть себя риску поплыть по воде, но они пожалели о своем решении, ибо были вынуждены карабкаться по скалам и пробираться по зарослям, где видели много змей и других ядовитых тварей. В нижнем конце порога мы причалили к берегу, чтобы взять их на борт, и подкрепили наших скитальцев.

Кроме этих трех больших порогов, там их еще много меньших размеров, называемых местным населением шиверами, но, поскольку мы проплыли по ним без малейшего страха, я не упоминаю о них...» (т. II, 131—132).

В посольстве 1719 года совместно с Беллом принял участие и немец Георг Иоганн Унферцагт, который в своем путевом дневнике записал сообщения, совпадающие в основном — за исключением некоторых дат и подробностей⁹ — с известиями Белла. Рассказ Унферцагта о достопримечательностях Сибири отличается большей сухостью и лаконичностью и изобилует статистическими данными, к которым Унферцагт испытывал определенную склонность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The State of Russia, under the Present Czar. In Relation to the several great and remarkable Things he has done, as to his Naval Preparations, the Regulating his Army, the Reforming his People, and Improvement of his Country. Particularly those Works on which the Author was employ'd, with the Reasons of his quitting the Czar's Service, after having been Fourteen Years in the Country. Also an Account of those Tartars, and other People who border on the Eastern and extreme Northern Parts of the Czar's Dominions, their Religion and Manner of Life; With many other Observations. To which is annex'd A more accurate Map of the Czar's Dominions, than has hitherto been extant. By Captain John Perry. London, 1698 and 1716.

Немецкое издание книги Джона Перри вышло в свет в Лейпциге в 1717 году.

² Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia in two volumes, by John Bell, of Antermony. Glasgow, 1763. Volume I. A Journey from St. Petersburg in Russia to Pekin in China

with Ambassy from his Imperial Majesty, Peter the First, to Kamhi, Emperor of China, in the Year 1719; Volume II. Containing the continuation of the journey between Mosco and China. To which is added a translation of the Journal of Mr. de Lange, resident of Russia at the court of Pekin, in the years 1721 ? 1722. A journey from Mosco to Derbent in Persia, in the year 1722. A journey from St. Petersburg to Constantinople, in the years and 1737 and 1738.

Имеется русский перевод: Белевы путешествия через Россию и разные азиатские земли; а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Перевел с французского Михайло Попов, часть первая, СПб., 1776; часть вторая, СПб., 1776.

³ Die Gesandtschaft Ihrer Kayserl. Majest. von Gross-Russland an den Chinesischen Kayser, welche Anno 1719 aus St. Petersburg nach der Sinesischen Haupt- und Residentz-Stadt Pekin abgefertigt worden. Bey deren Erzehlung die Sitten und Gebräuche der Chineser, Mongalen und anderer Tartarischer Völcker zugleich beschrieben und mit einigen Kupffer-Stücken vorgestellt werden von Georg Johann Unverzagt... Lübeck bey Johann Christian Schmidt, 1727.

Первое издание вышло в свет в Любеке в 1725 году. См. Б. Г. Курц, Цит. произв., стр. 68.

⁴ В 1696 году Петр I самолично отправился к устью Дона, осмотрел местность, произвел необходимые для составления проекта измерения. Под его личным наблюдением этот проект был составлен, он предусматривал соединение реки Камышинки (притока Волги) с притоком Дона речкой Иловлею. После получения одобрения проекта Парижской Академией было приступлено к строительству, технической стороной которого руководил Бренкель. Но последний после многих неудач ушел в 1698 году за границу, и на его место и был назначен Перри, представивший свой собственный проект: «На его (Бренкеля. — Э. З.) место в 1698 году был назначен французский авантюрист, капитан Перри, который по сделанным изысканиям нашел направление Бренкеля неудобным и составил новый проект соединения посредством Ивановского озера... Петр Великий утвердил новый проект и в конце 1699 года работы были вновь начаты». Майковский, К вопросу о соединении Волги с Доном, «Инженер», Журнал Министерства путей сообщения, 1885, кн. 4-я, стр. 75.

⁵ См. Bell, v. I, p.p. 34—35.

⁶ См. В. Krieger, Die ersten hundert Jahren russisch-chinesischer Politik, Berlin, 1904, S. 30—37; Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях, Днепропетровск, 1929, стр. 68.

⁷ Аналогичное описание Тобольска дает и Унферцagt: «Город Тобольск является столицей всей Сибири и резиденцией генерал-губернатора, довольно хорошо застроен, имеет свыше 8000 домов, 28 церквей и монастырей, расположенных частично в низине, частично на горе высотой в 370 сажень; он находится в 2800 верстах или 52 милях от города Тюмени, в устье реки Тобол, где она впадает в реку Иртыш.

Дом губернатора находится на горе, так же приказ или ратуша, монастырь, резиденция архиепископа и торговые ряды. Все эти здания сложены из камня. Внизу у подножия горы живет архимандрит или епископ в монастыре по названию Знаменский». G. J. Unverzagt, Op. cit., S. 29—30.

⁸ Унферцагт пишет об Иркутске: «Этот город лежит недалеко от Байкальского озера, на правом берегу реки Ангара, каковая имеет очень быстрое течение и редко замерзает, даже в очень морозную зиму. Он построен недавно, и раньше там была только деревня; в нем около 15 церквей и монастырей. Живут там богатые горожане, добродетельные люди». G. J. Unverzagt Op. cit., S. 39.

⁹ См. В. Krieger, Op. cit., S. 39: «Сообщения Белла и Унферцагта отклоняются друг от друга не только в датировке, но и в других данных. То один, то другой обстоятельнее, Белл представляется мне более критичным».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИЗВЕСТИЯ ШВЕДСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ О СИБИРИ

(Врех, Ренат, Мюллер)

Книга Вебера

«ПРЕОБРАЗОВАННАЯ РОССИЯ»

В сражении под Полтавой 27 июня 1709 года и при капитуляции шведской армии у Переволочны 30 июня было взято в плен много шведских солдат и офицеров¹. Пробыв в Москве месяц, они были разосланы отдельными партиями по городам Архангельской, Казанской и Астраханской губерний; еще раньше 3000 шведов были направлены на работу в Воронеж².

Когда в апреле 1711 года в Свияжске была открыта попытка к бегству, большая часть шведских военнопленных была переведена в Сибирь. В одном Тобольске находилось в ссылке не менее 800—900 офицеров³.

О пребывании шведских военнопленных в Сибири часто упоминается в исторических памятниках первой четверти XVIII века. Так, например, в опубликованном Миллером дневнике китайского посольства⁴, отправленного в 1712 году из Пекина к Аюке-хану и следовавшего через Сибирь в кочевье Аюки близ Царицына, указывается, что в Маковском остроге члены посольства были любезно встречены и одарены шведским генералом Кашифером, «который вместе с многими другими офицерами его нации здесь живет в плену»⁵. Прибыв в Тюмень, китайцы «нашли в этом городе много шведских офицеров в плену», а в Слободе, по их сведениям, было «более 5000 семей, частично русские, частично шведские пленные»⁶.

Джон Белл в своих путевых заметках сообщает о встречах с пленными шведскими офицерами в Нижнем

Новогороде (с генералом Крейтцем), в Казани (с генералом Гамильтоном и Розеном), в Саранске и других городах⁷. О встрече со шведскими офицерами в Тобольске Белл рассказывает: «Как во многих других городах, через кои мы проезжали, нашли мы здесь много выдающихся шведских офицеров, среди них господина Дитмара, бывшего секретаря шведского короля Карла XII. Он был уроженцем Ливонии и одинаково уважаем за знатность и ум. Он пользовался большим уважением со стороны прежнего губернатора, который, кстати, был другом всех этих несчастных господ. Им дозволялось далеко отлучиться на охоту или рыбную ловлю, а также разрешалось отправляться в другие места, дабы посетить своих соотечественников. Что касается меня, то я думаю, что наибольшая милость, оказанная его величеством этим пленникам, заключается в том, что они были поселены в эти места, где могут хорошо жить с малыми тратами и наслаждаться всей той свободой, на какую лица в их положении могут рассчитывать»⁸.

Со шведскими офицерами Белл встречался и в Томске: «За наше пребывание в Томске мы развлекались рыбной ловлей и охотой. Мы также присутствовали на музыкальных концертах, исполненных шведскими офицерами и господином Козловым, комендантом города. Эти джентльмены не менее искусны в обращении со своими инструментами, как и их компаньоны в Тобольске. Господин Козлов добродушен и весьма весел, и обращается с этими офицерами с большой человечностью. Среди них находится и шведский священник, господин Вестадиус, человек одаренный и ученый»⁹.

Возвращаясь в 1721 году из Пекина, Белл встретил в Нарыме пленного шведского офицера Борлутта, уроженца Фландрии, «весьма бесхитростного господина, очень искусного механика. Комендант видел в нем больше друга, чем пленника, что вообще характерно для большинства этих господ, посланных военной фортуной в эту страну. Его царское величество, хорошо учитывая все их обстоятельства, направило их в прекрасную страну, где они могли жить с легкостью до заключения мира»¹⁰.

Белл, несомненно, в некоторой степени идеализирует положение шведских военнопленных в Сибири — в ряде случаев они испытывали немалые материальные затруднения¹¹. Брауншвейг-люнебургский резидент в Москве Вебер¹² по этому поводу замечает в своих записках: «В Си-

бири находится до 9000 шведских пленных, считая с обер- и унтер-офицерами, и хотя их не гоняют ни на какую работу, ни на ловлю соболей (на что употребляют только русских колодников), но все-таки живут они там в крайней нищете.

В Tobольске живет более 800 офицеров, и все они, как крестьяне, ходят в одних совершенно простых и плохих кафтанах; ни от короля, ни от кого из своих они содержания не получают и поневоле работают на русских за поденную плату. Другие промышляют изготовлением игральных карт (несколько колод таких князь Гагарин привез его величеству), другие вытачивают табакерки и иные вещи из каких-то неизвестных громадных костей, которые они находят в земле и выкапывают¹³.

Князь Гагарин... в продолжении трехлетнего своего губернаторства уже роздал пленным свыше 15 000 рублей. Пленные эти выстроили себе собственными руками шведскую церковь и имеют пастора, бывшего в Петербурге при одной лютеранской церкви и сосланного его величеством в Сибирь за некоторые произнесенные им речи.

Один шведский обер-лейтенант, также сосланный по некоторым причинам даже за Сибирь к остякам, теперь живет там очень хорошо. Он приобрел такую любовь туземцев, что они снабжают его всем, что только ему нужно, и во всех делах своей земли спрашивают его совета. Лейтенант этот говорил Блюеру, что он охотно закончил бы там и жизнь свою, если бы только семейству его было дозволено приехать к нему¹⁴.

В Сибири проживает до 1000 обер-офицеров, которые завели там всякого рода фабрики и мануфактуры. Я видел в Москве работы этих людей, живописцев, золотых и серебряных дел мастеров, делателей карт, токарей, столяров, сапожников, и лучшие мастера находили эти работы безукоризненными. Нет среди них только парикмахеров и шляпников. Некоторые выделывают лучшие золотые и серебряные парчи, другие становятся музыкантами, содержателями гостиниц, торговыми людьми, которым дозволяется разъезжать в пределах страны, потому что они не могут бежать, другие поступают в помощники к русским хозяевам. Те, которые никакого ремесла не знают и одарены хорошими физическими силами, ходят в лес, рубят там дрова по сажени в день и вечером получают за это свой алтын или добрый грош.

Другие, напротив, обладая кое-какими знаниями, завели порядочные школы в несколько классов, в которых и обучают не только детей шведских пленных (многие шведы взяты были с женами и детьми, другие же поженились на русских женщинах), но и русских зверяемых им детей латинскому, немецкому, французскому и другим языкам и также морали, математике и всякого рода телесным упражнениям. Школы эти уже приобрели известность между русскими, так что последние присылают для обучения сыновей своих из Москвы, Вологды и других мест и городов. Учителя, бывшие раньше высшими и низшими обер-офицерами, ведут теперь весьма нравственную жизнь, вполне посвятили себя духовному званию и содержание свое получают от учеников и от знаменитого господина Франка из Галле. Другие приняли русскую веру, вступили на русскую службу и поженились на русских, чем и доставили себе безбедное существование.

Один лейтенант, уроженец Бремена, потерявший здоровье в морозную зиму под Полтавой и не знавший никакого ремесла, завел в Тобольске кукольную комедию, на представлении которой стекается множество горожан, не видавших никогда ничего подобного¹⁵. Вообще большим счастьем для всех этих пленных было то, что они попали в такую дешевую местность, потому что за 12, за 20 рублей в год они имеют весьма порядочное продовольствие; равно и то, что князь Гагарин, бывший тогда губернатором Сибири, не отпуская от себя ни одного пленного, не утолив и не облегчив его нужды. Шведы не могли достаточно восхвалить добросердечие этого господина и уверяли, что единственное их несчастье состоит только в том, что они живут в такой отдаленной стране. Все они имеют там даровые помещения и ни ловлею соболей и никакой другой работой не обложены. Словом, кто промышляет хоть каким-нибудь ремеслом, тот может доставить себе достаточное содержание. Один шведский полковник по имени Шенстрем, человек с хорошими средствами, обладающий ученостью и умом, провел время своего плена в Сибири в интересных наблюдениях и в изучении страны и ее обитателей. Он писал своему другу в Москву, что на границах Сибири встретил языческий народец, вероятно, соседний с остяками, и по ближайшему исследованию его веры и образа жизни нашел много такого, что имеет весьма большое

сходство с древним язычеством; так как народец этот в богослужении своем упоминает имена Тора, Фреггы и Одде, бывшими древними языческими божествами в Упсале, то он полагает, что язычники эти, имеющие свой собственный язык, должны были происходить от тех готтов, которые в древности оставили Швецию, вышли на берег Остзейского моря и частью потянулись к Черному морю, частью в русские земли, и что, вероятно, некоторые из них под гнетом и сплюю врагов своих принуждены были оставить занятые ими места, двигаться дальше и, наконец, искать безопасности в отдаленнейших странах за Сибирью, куда уже никто не хотел следовать за ними. Этот полковник оставил любопытные замечания, которые хотел со временем издать с целью подтверждения приведенного здесь предположения. Что же касается до шведских пленных в России, то большая часть их из простых солдат совсем обнищала и должна проживать работой. Имена и места жительства офицеров записаны в точности, так что эти господа могут быть легко отысканы в случае будущего мира; с простыми солдатами сделать это гораздо труднее, потому что они отдельно не записаны и проживают не только в городах, но и по селениям и в отдаленных боярских поместьях, где, вследствие женитьбы и перемены веры, прочно обосновались и обзавелись хозяйством, так что подобные пленные охотно останутся навсегда в этой стране...»¹⁶.

«Шведские пленные, которые призваны были в Петербург на службу в учрежденные вновь коллегии: военную, государственную, юстиц-коллегию, финансовую, адмиралитетскую, горнозаводскую и в другие, жили надеждою, что получат полную свободу, или же, по взятии с них присяги, они будут помещены в лифляндских имениях»¹⁷.

Говоря о культурно-просветительских начинаниях пленных офицеров-шведов, нельзя не остановиться подробнее на истории создания в Тобольске Куртом фон Врехом школы, сыгравшей определенную роль в развитии образованности в Сибири¹⁸.

В книге, написанной в виде дневника с июня 1709 года по сентябрь 1722 года, с многочисленными образцами переписки Курт фон Врех сообщает о своем пленении и пребывании в Сибири следующее: 16 декабря 1709 г. он вместе с полковником Альбадиллом попал в плен и был отправлен в Севск. 22 декабря все шведские военно-

плепные со всей артиллерией, барабанами, стандартами и знаменами были проведены через специально выстроенные триумфальные арки¹⁹.

В январе и феврале 1710 года пленные шведы находились в Москве, а потом партиями в сто человек были направлены в различные города России; в дороге Врех встретился с Ф. И. Таббертом, которого знал еще по совместной службе в Польше. От Табберта Врех получил религиозные сочинения, в частности проповеди пастора Франке из Галле, известного пиэтиста²⁰, с жадностью прочел их, и они, очевидно, и положили начало «религиозного обращения» Вреха. В 1711 году Врех с большой партией шведских офицеров был отправлен в Сибирь.

Путешествуя по сибирским дорогам, Врех внимательно присматривался к необычной его взору природе, замечая много нового²¹. Пленные испытывали немало бедствий, некоторые офицеры по случаю безденежья брали вместо предоставляемых властями лошадей деньги и шли пешком, или зарабатывали, работая гребцами²².

26 августа прибыли в Тобольск. Рядовых распределили по маленьким городам, где они работали на железоделательных заводах. Офицеров не заставляли работать, но многие из них жили в бедности, и один ротмистр, испытывая большую нужду, обратился к Вреху с просьбой взять на воспитание и обучение семилетнего своего сына. Врех согласился, и этим в сентябре 1711 года было положено начало существования Тобольской школы.

Врех вступил в переписку с Франке, а также с духовными лицами в Москве и Гермашии, испрашивая денежную помощь для школы. Под некоторыми этими письмами стоит и подпись Табберта; порой Врех включает в свои послания отрывки из полученных от других офицеров-шведов писем, содержащих некоторые сведения о нравах язычников Сибири и необходимости их обращения в христианство, например, выдержки из письма лейтенанта Мартини из Томска от 23 ноября 1714 года, а также отрывок из анонимного письма с описанием нравов остяков: «Ужасно наблюдать, как остяки занимают своим идолопоклонством. Они вырезают маленькие изображения различной формы, одевают их и помещают в маленький домик. Когда они потом приходят им поклоняться, они перед ними свистят, сжимая рот, как мы это делаем, когда хотим подманить собаку, и если в охоте или рыбной ловле получили хорошую добычу,

они жертвуют таким воображениям снасти, лук, стрелы, сети, топоры, привязывают их к жерди и ставят у домика. Когда наши люди, понимающие русский язык, говорят, что это грех молиться изделиям рук своих, а надо молиться живому богу на небесах, они дают ответ, что бог ни плохого ни хорошего им не делает, а шайтан (так они называют нечистую силу) дает им все, чего бы они от него ни потребовали, а когда они его призывают, он является в ужасающем облике весь в огне, так что они его от содрогания и ужаса не могут толком разглядеть, и некоторое время они как полуживые, полумертвые, а потом они получают все, что пожелали иметь...»²³.

О нравах остяков повествует и помещенное в дневнике Вреха письмо Табберта: «Идя навстречу вашему желанию, сообщаю я о живущих у реки Оби остяках следующие известия, полученные от наших людей, следующих в Томск. Их реляция гласит: когда мы спрашивали остяков, верят ли они в бога, они ответили, что им ведомо о боге, но кроме того они еще имеют другого бога, которого называют шайтаном, ему они и поклоняются, и его они всячески чествуют. Рядом со своими хижинами эти бедные люди вешают маленькие деревянные шкафчики или сундучки, в которых находятся маленькие чучела или деревянные изображения. Когда они отправляются на охоту или рыбную ловлю, то они сначала подходят к этим изображениям, поклоняются и молятся им и после этого уходят. Тогда, как они нам сообщили, приходит шайтан к ним в кустарник или лес, разговаривает с ними в человеческом облике, а иногда появляется в огненном виде, сверкающим наподобие солнцу, так что они не могут смотреть на него, и разговаривает с ними, да и сообщает им, что они за день поймают и подстрелят, но часто обманывает и врет, особливо, если они его рассердили. Мы видели у них также маленькие барабаны, как у лопарей, по которым они бьют, чтобы разговаривать с изображениями, с ними они молятся шайтану. Когда мы однажды проезжали мимо их жилищ, старший или так называемый князь (knees), который по их делам был в Тобольске, только что вернулся и был дома, и все очень хотели знать, чего он добился, то они спрашивали вышеописанным образом шайтана, били в свой барабан, столпились в кучу и что-то бормотали, но мы не захотели знать, какой ответ они получили. Этот шайтан, говорили они, время от времени наказывает их

головной болью и режью в животе, что, по нашему мнению, может произойти от шара или табака, который они курят, и от корней и грибов, которые они едят. Мы им давали шар за рыбу и дичь, которые доставляли, они его курили, проглатывая дым, падали замертво и совсем теряли сознание, а потом говорили, что шайтан их мучил. Вблизи своих хижин они повесили длинную жердь, а на ней — топор, ножи и трелу, а то и лошадиную голову и гриву, вместе с четырьмя ногами; говорили они, что это — их жертвы, они также имели в своих хижинах маленькие деревянные лошади, на которых, как они говорили, ездили верхом их боги; кроме того многие другие маленькие изображения. Дети их растут как несознательный скот; многие даже не получают имени до достижения совершеннолетия, когда они получают имя отца. Если кто-нибудь хочет вступить в брак, идет он туда и сватает ту, что ему нравится, у родителей, но должен в срок 5, 6 и 7 лет работать по договору и уже после этого должен купить свою супругу. В то время, пока он торгует себе жену, он имеет возможность ее посещать, но не без подарков, выплачивая аванс, и как только он это совершил, по первоначально заключенному с родителями соглашению, то все же еще не может привести невесту в дом до тех пор, пока она не забеременеет, тогда он должен выплатить остаток, что порой составляет 50, 60 и до 100 рублей товарами и пушниной, так как деньги они не употребляют, а если владеют несколькими серебряными копейками, они их вешают на шею как украшение. Сколько женщин он сможет прокормить, столько он и может взять, умирает старший брат, младший может жениться на вдове, но старший не может получить вдову младшего. Когда кто-либо умирает, они выдалбливают чурбан, заворачивают труп в лосиную шкуру и кладут его туда, закапывают в подходящем месте в лесу, кладут туда же его лук, стрелы, копье, топор и котел, в зависимости от того, какого он был достатка. Наконец мы их также спрашивали, знают ли они, что обладают бессмертной душой. Они ответили: да. Далее, знают ли они, куда попадут после смерти. Они отвечали: когда кто-либо будет растерзан в лесу диким зверем или еще как-нибудь их убьют в лесу (так как медведи здесь часто задирают людей, и если они произносят клятву, то говорят: пусть медведь меня задерет, если это не так и так), душа поднимается вверх; если же кто-нибудь

умирает дома или в хижине собственной смертью, он отправляется вниз и принадлежит шайтану. Больше о душе они ничего не смогли сообщить. В остальном эти люди устроены, как и все остальные, но все они краснолицые и со слезящимися глазами, и темные в лице, что происходит от дыма в их хижинах. Их одежда сделана из рыбьих шкур и сшита жилами стерлядей, деликатнейшей рыбы. Нет у них ни рубашек, ни шапок на голове, а только венок из беличьих хвостов вокруг головы, летом они ходят босиком, зимой — в сапогах из лосиной шкуры. Во время нашего путешествия по Оби они часто приходили к нам, обычно голые, приносили нам разную рыбу, диких гусей и птиц, имеющих здесь летом в невероятном количестве. Они забивают уток и гусей дубинками, пока они линяют и еще не способны летать. От нас они получали шар, старые рубашки и всякие тряпки. У кого имеется старая шуба или простыни, может все это обменять на соболя. Крупную дичь они стреляют стрелами из лука, приучены они к этому с молодости, летом живут они на берегах рек, из-за рыболовства, зимой — в лесах. Хлеба и соли у них не найдешь, но они это едят, когда только могут получить, вместо хлеба они едят особые сушеные корни; мы взяли их немного и ели, они были сладкие и приятные. Те, которые селятся у Нарыма, живут немного лучше, да и лучше одеты, там земля лучше. Зимой они ездят на собаках в города Самаров и Сургут и другие ямы (*andere Jammen*) или почтовые станции. Когда путешественники туда прибывают, собаки это сразу замечают, начинается во всей деревне ужасный вой и крик, так как знают, что это их касается и их запрягут. Забей их хоть до смерти, но дальше того места, где их смена, они не пойдут.

Имеются у этих людей и лошади, но из-за глубокого снега, куда они проваливаются своим тяжелым туловищем, зимой их невозможно использовать. Это все, что можно сообщить из реляции наших путешественников из Томска. Кроме того сообщаю, что один из наших капитанов сделал целое описание этих народов и всего, что касается их жилищ, обычаев, религии, а также совершенного в 1714 году их обращения в христианство²⁴. Я хотел это сообщение выслать, но, поскольку оно слишком пространно, я должен это оставить до следующей okazji²⁵.

Конечно, не случайно Врех в своих письмах к духовным лицам в Германии приводит эти пространные описа-

ния жизни язычников Сибири, рассчитывая, очевидно, этими рассказами заинтересовать своих корреспондентов в развитии широкой миссионерской деятельности, для которой и испрашивал денежную помощь. Но такие приношения первое время заставляли себя ждать, и Врех был вынужден ограничиться созданием маленькой школы, которая была им задумана как очаг по подготовке будущих миссионеров.

На первых порах (осенью 1714 года) школа Вреха насчитывала только 8 учеников, обслуживаемых старым унтер-офицером и работником. Конечно, в убогой комнате Вреха было очень тесно.

11 октября полковой священник Бьернебургского полка Габриель Лауреус провел в школе первый экзамен²⁶.

В конце 1714 года школа уже насчитывала трех наставников, человека, ведущего хозяйство, одного слугу, обслуживающего детей и ведущего одновременно занятия, одну служанку. В ней обучалось 11 мальчиков и одна девочка — всего было 18 человек (вместе с персоналом). На первых порах все ученики — дети шведских военнопленных, но в январе 1715 года туда был принят русский мальчик.

В ночь на 13 мая возник пожар, охвативший почти весь город, и в нем сгорело только что приобретенное новое здание школы. На помощь пришли благотворители — Франке прислал книги и 1150 рублей денег, 500 рублей собрали московские покровители.

Подробно описывает Врех школьный порядок. За два часа до наступления дня эконо́м — лейтенант Шепинг поднимает в доме всех слуг и будит всех наставников, и как только все опрятно одеты, собираются в столовой, поют псалмы, читают молитвенник, главы из библии или отрывок из назидательной книжки.

В половину седьмого из зала во все спальни передается сигнал, ученики быстро встают и одеваются.

Через час, в половину восьмого, по другому сигналу собираются ученики в своей классной комнате, а потом под наблюдением своих наставников идут в зал. Как только дети уселись, каждый кладет на стол свой «Новый завет» и про себя читает до начала занятия. Ровно в восемь часов начинаются уроки:

с 8 до 9 — закон божий, пение духовных песен;

с 9 до 10: первый класс читает по складам, второй класс читает, третий класс отвечает заданные уроки, а

четвертый и пятый — отвечают по малому катехизису Лютера.

В 12 часов — обед, и наставники читают главу из Библии.

С 2 до 7 часов вечера — уроки закона божия, арифметики и французского языка. В 7 часов — ужин, полчаса отводится на прогулку по комнате. В половине девятого дети приводят в порядок свою одежду, чистят и чистят ее. В 9 часов, после молитвы, все ложатся спать.

К концу 1715 года школа значительно расширилась и ее персонал состоял уже из директора, 6 наставников, обучающих детей закону божьему, чтению, письму, арифметике и латинскому языку, а также надзирающих детей в свободное от занятий время. Все они за исключением одного являлись обер-офицерами. Был также наставник, лейтенант, специально занимающийся с русскими детьми, и няня для девочек. В это время в школе было 4 русских мальчика и 18 детей шведов, 12 девочек шведок, и их обслуживали 4 слуги — военнопленные, лейтенант-эконом, 3 слуги по хозяйству, всего 55 человек. Из них в школе столовались 34 человека. В конце 1716 года было уже 86 человек.

Вскоре затем была создана и больница с двумя сиделками; лекарство для нее получали из Галле.

В конце 1717 года в школе было 4 наставника и надзирателя, одна няня для девочек, 5 русских мальчиков, 33 мальчика-шведа, 1 русская девочка, 17 дочерей шведов, 4 слуги, которые тоже обучались в школе, 3 слуг, которые служили за еду и одежду и одновременно обучались в школе, один эконом с двумя помощниками, 7 слуг на жалованьи, 1 русская женщина, семь человек старых и убогих, получающих бесплатный кошт, — всего 96 человек, а в 1718 году было уже 134 человека.

15 августа 1720 г. поступил в школу тунгусский мальчик.

6 июня 1721 г. Тобольскую школу посетил сибирский генерал-губернатор князь Черкасский, осмотрел все помещения, ознакомился с тетрадами по рисованию и геометрии²⁷.

Вскоре после заключения мира со Швецией школа была закрыта. Врех покинул Тобольск, 29 марта 1722 г. он прибыл в Москву, получил из казны 950 рублей, уплатил все долги и 30 июня прибыл в Стокгольм, но в Швеции не остался, а поселился, получив отставку, в го-

роде Сорау, где стал воспитателем сына графа фон Промница.

Из сказанного видно, что не следует переоценивать роль школы Вреха в развитии культуры Сибири (как это делают некоторые западноевропейские историки) — она служила вполне ограниченными целям религиозного воспитания и подготовки будущих миссионеров.

Но если роль пленных шведов в деле народного образования была мало заметной, их участие в области географических и этнографических исследований Сибири принесло значительные плоды²⁸.

О значении записок шведских военнопленных офицеров Страленберга, Ланге и Мюллера, а также некоторых других их сочинений о Сибири речь пойдет в соответствующих разделах. Сошлемся здесь лишь на указание Страленберга, что шведские военнопленные принимали участие в экспедиции А. Бековича²⁹, что «приблизительно в году 1713 послал тогдашний губернатор князь Гагарин шведского капрала, бывшего ранее судовым плотником, на Камчатку, тот построил из одной только березы и осины, поскольку другого дерева не мог там найти, судно и действительно проплыл с материка через Камчатский пролив и обратно, затратив на это путешествие всего шесть дней»³⁰.

Г. Ф. Миллер считал, что упомянутый Страленбергом шведский капрал — голландец Генрих Буш, уроженец Горна, служивший долго в матросах, поступивший в шведскую кавалерию и попавший в плен в 1706 году у Выборга. Буш до 1736 года жил в Якутске, где с ним встретился Миллер и расспросил о путешествии на Камчатку. Буш сообщил, что отряд под предводительством казака Козьмы Соколова в составе 20 человек прибыл 23 мая 1714 года в Якутск и отправился оттуда 3 июля в Охотск.

«После прибытия в Охотск, — рассказал Буш, — плотники построили морское судно по образцу ладей (Loddies), на которых когда-то плавали из Архангельска в Мезень, Пустоозеро и Новую Землю. В этой работе прошел 1715 год. Судно было очень хорошее и прочное. Длина его была восемь с половиной сажений, ширина — три сажени. С грузом оно шло с посадкой в три с половиной фута. В июне 1716 г., когда запаслись всем необходимым для мореплавания, началось первое путешествие. Шли вдоль берега на северо-восток до района дель-

ты реки Олы. Этого курса думали держаться и дальше, но противные ветры погнали судно, как бы против воли плавающих, через море в Камчатку.

Это была, как они позже узнали, земля в устье реки Тигила на севере, первое, что они увидели. Берег казался крутым и каменистым. Без лоцмана или проводника они не рискнули высадиться, а продолжали держаться морем, пока не возник противный ветер, который погнал судно назад к Охотскому берегу. После того, как ветер стал опять попутным, наши моряки снова повернули. Некоторые с судна высадились на берег, чтобы разыскать людей, но обнаружили лишь пустые хижины. Камчадалы увидели приближение судна и в страхе разбежались в леса и горы.

После этого наши мореплаватели опять подняли паруса, проплыли мимо Тигила и в течение суток прибыли к ручью Хариузовке, вблизи которого находятся два небольших островка. Первый, больший, расположен в пяти верстах от берега, второй, состоящий из сплошных утесов, немного отдален. На следующий день, покинув Хариузовку и держась ночью моря, а утром опять пристав к берегу, прибыли к реке Итше. Здесь высадили людей, которые, однако, не нашли ни жилищ, ни жителей и вскоре вернулись. Следовали дальше вдоль берега и прибыли к реке Крутогоровой. Они хотели войти в нее, но пропустили устье. Нашли бухту южнее реки, удобную для якорной стоянки. При исследовании местности нашли камчадалскую девку, которая собирала в поле съедобные корни. Она указала камчадалские жилища, где в это время находились камчатские казаки, собирающие дань. За ними послали. Они пришли и с этого времени служили проводниками и переводчиками. Доставили судно в устье реки Компаковой и нашли здесь возможность перезимовать.

В то время море выбросило кита, в туловище которого торчал гарпун европейской выделки, меченый латинскими буквами... Зимой начальник Соколов совершил поездку в Нижний Камчатский острог. Весной он вернулся на судно, и в начале мая месяца 1717 года они опять вышли в море. Но море было еще покрыто льдом. На четвертый день после отплытия они застряли во льдах и должны были шесть с половиной недель сидеть, пока не удалось продолжить путь. Они испытывали большой недостаток в продуктах питания. Наконец они до-

стигли Охотского берега между рекой Олой и Тауйским острогом, задержались несколько дней и в середине июля вернулись в Охоток. С этого времени между Охотском и Камчаткой установилось постоянное судоходство»³¹.

Страленберг сообщает также о шведском лейтенанте по имени Мулин, которого Гагарин в 1716 году послал на Камчатку. Мулин принес известие, «что там и в близости нет другого леса, ежели такой не будет доставлен из других находящихся в отдалении мест»³². В другом месте своего труда Страленберг по поводу Мулина сообщает: «Когда в году 1716 шведский лейтенант по имени Мулин тогдашним губернатором князем Гагариным был направлен в Камчатский залив для постройки судов, то он от города Якутска прямо направился на восток и юго-восток. Когда он со своим русским конвоем подошел к горной цепи, отделяющей якутскую землю от коряцкой, не было иного пути и совета, как переправиться через него пешком. Из всего скота, взятого ими для пропитания в дороге из Якутска, с большим трудом на ту сторону переправили быка: таких тварей коряцкие народы за всю свою жизнь не видели и называли «русским оленем», так как только такие у них существуют, и нет быков и коров, то они и сравнили привезенного быка с животным, которое по их мнению больше всего походило на него»³³.

Шведские офицеры принимали участие и в экспедиции Бухгольца, в том числе Иоганнес Ренат, составивший впоследствии карту Джунгарии³⁴.

Иоганн Густав Ренат, сержант шведской артиллерии, был взят в плен при Полтаве. Находясь в Тобольске, он пожелал принять участие в экспедиции Бухгольца и с этой целью пристроился к транспорту, который направлялся к экспедиционному отряду, к Ямышеву озеру, где в 1715—1716 годах зимовал Бухголец. В пяти верстах от Ямышева, у Корякова Яра на Иртыше, транспорт, состоявший из военного конвоя, группы шведских пленных и отряда купцов и промышленников, всего около 700 человек, был окружен калмыками и после упорного сопротивления, продолжавшегося целый день, взят в плен и проведен мимо отряда Бухгольца. «Среди этих пленных, — пишет Миллер, — был шведский штик-юнкер Иоганнес Ренат, который впоследствии научил калмыков плавить железную руду, отливал пушки и бомбы, вел,

как главнокомандующий, калмыцкие войска против китайцев и, захватив неисчислимые сокровища, в 1733 году через Сибирь и Россию вернулся в свое отечество»³⁵.

Э. Лаксман в своих «Сибирских письмах» сообщает, что Ренат научил калмыков также искусству книгопечатания и завел типографию по европейскому образцу. «Среди калмыков устроил Иоганн Ренат, шведский штик-юнкер и впоследствии калмыцкий генерал-фельдмаршал, около 1730 года монгольскую печать на европейский лад»³⁶.

О пребывании Рената в Джунгарии имеются еще некоторые сведения в книге, написанной некой Уигор, рожденной Гудвин, и озаглавленной «Письма одной англичанки, живущей в России, к подруге ее в Англии, с историческими примечаниями». В одном из писем, помеченном С.-Петербург 1735 г., рассказывается следующее: «Несколько дней тому назад мне случилось беседовать с одною шведскою дамою, которая провела в плену у татар восемнадцать лет и лишь недавно возвратилась сюда. Вот ее история, как она сама ее рассказала. Жена шведского капитана, она вместе со своим мужем была взята в плен русскими и отправлена с ним и с другими пленными в Сибирь. По дороге на них напала шайка татар-калмыков; пленные соединились с сопровождавшим их конвоем, чтобы избегнуть вторичного порабощения. Во время схватки муж ее был убит... Судьба привела пленником в то же место одного ее соотечественника. Он научил этих татар многим полезным для них искусствам и между прочим искусству отливать пушки, а как они были в войне с Китаем, то так высоко оценили эту услугу, что в благодарность отпустили его и его соотечественницу на свободу. После этого они обвенчались и теперь находятся на пути в Швецию»³⁷. Имя Рената в этом письме не названо, но нет сомнения, что речь идет именно о нем.

По возвращении в Швецию Ренат становится лейтенантом арсенала. Слухи о привезенной им карте Джунгарии привлекают к нему интерес знатоков Востока. Завязалась, в частности, переписка с епископом Эриком Бенцелиусом в Линчепинге, которому Ренат обещал копию своей карты, обещание, которое он так и не выполнил. По поводу карты Рената с братьями Бенцелиус — вышеназванным епископом Эриком и стокгольмским цензором Густавом Бенцельштерном — вел переписку Тео-

Фил Зигфрид Байер, профессор восточных языков в Петербурге³⁸. Но копия карты так и не была получена, и она считалась утерянной. Только летом 1879 года карта была обнаружена помощником библиотекаря стокгольмской королевской библиотеки Стриндсбергом в Липчингской королевской библиотеке и поступила в распоряжение русских историков и географов³⁹.

В 1744 году Ларс Салвиус издал в Стокгольме «Известия об аюкских калмыках, или о происхождении этого народа, как они попали в подчинение русским, об их богах, богослужении и жрецах, как их разделяют на четыре улуса или народа, об их политике и философии, а также образе жизни и обычаях, как на свадьбах, так и на похоронах»⁴⁰. Издатель в предисловии к книге сообщает, что это сочинение написано в городе Саратове офицером по имени Иоганнес Шнитшер, который в 1715 году следовал туда с китайским посольством⁴¹. Через посредство одного шведского офицера Салвиус получил копию рукописи Шнитшера, которую, стараясь быть полезным своему отечеству, опубликовал, «поскольку в ней можно найти различные тонкие учения и приятные новости, еще не очень у нас известные»⁴².

В издании работы Шнитшера принимал участие и Иоганнес Ренат, снабдивший книгу своими примечаниями. «Семнадцатилетнее пребывание этого господина, — пишет Ларс Салвиус, — среди калмыков было достаточным, чтобы получить ему много знаний об их состоянии, о котором мы надеемся получить более полное представление, как только появится в свет его более полное описание»⁴³.

Некто Бентинк издал в 1726 году в Лейдене перевод хроники Абулгази Багадур-хана под названием «Histoire Genealogique des Tatars» и снабдил ее примечаниями, отдельно изданными в «Собрании путешествий на Север» под названием «Описание Великой Татарии, составленное на основании подлинных мемуаров шведских пленных в Сибири, во время войны Швеции с Россией»⁴⁴. Не трудно убедиться, что значительная, если не преобладающая, часть сообщенных здесь о Сибири сведений не является оригинальной и взята из известных тогда уже на Западе данных, уточненных и расширенных, однако, какими-то устными сообщениями вернувшихся из сибирского плена шведов. Учитывая это обстоятельство, а также и то, что «Описание Великой Та-

тарии» является одним из ранних сводов многочисленных содержащихся в различных и порой уже трудно доступных описаниях Сибири разрозненных сведений, мы вправе включить этот документ в наше собрание документов по истории, географии и этнографии Сибири XVIII столетия.

В первой главе говорится о местоположении Сибири (Татарии), ее протяженности, границах, свойствах ее климата и почвы, рельефе, животном царстве, ее торговле и даются некоторые сведения о населяющих ее племенах, их происхождении, властителях, их образе жизни.

«Татария была когда-то расположена между 95 и 150 градусами долготы и окружена большими горными цепями, которые тянутся с востока на запад. Первая, простирающаяся к западу от Иртыша, носит название Улуктаг, начинается она от восточного берега этой реки на севере от озера Зайсана и тянется прямо на восток до реки Селенги, откуда, повернув на север, тянется вдоль этой реки вплоть до устья при впадении ее в озеро Байкал, потом, снова повернув на восток, достигает северного берега Амура, в районе Нерчинска, и идет вдоль него вплоть до его впадения в Восточное море. Вторая, к северу от реки Сирр или Сырт, которая называется Китчик-таг, начинается у границ Туркестана и междуречья и отделяет Великую Бухарию от страны контайш... затем тянется почти вплоть до истоков реки Енисея, поворачивает на юго-восток, достигает границ Китая, затем тянется вдоль Великой стены этой империи до провинции Леатунг, где, повернув на северо-восток, отделяет эту провинцию от Кореи и страны монголов, и, наконец, выходит к берегам Восточного моря, на 43° северной широты. Эти два ответвления Кавказских гор во многих местах окружают исконные земли татар. Но теперь, когда под властью татар находится более одной трети Азии, Татария, обычно называемая Великой Татарией в отличие от Малой, являющейся частью Европы, расположена между 75 и 150° долготы и между 38 и 52° северной широты. Ее протяженность (от восточного берега Волги до берегов Восточного моря, к северу от Кореи) составляет более 750 немецких миль и ее ширина — довольно неравная — примерно 200 таких же миль. Ее границы: на севере большое ответвление Кавказских гор, на востоке —

Восточное море, на юге — Китай, Индия, Персия и на западе — Каспийское море и Россия.

Эта огромная страна обладает прекраснейшим в мире климатом, необыкновенным плодородием почвы, но так как она также и одна из самых высокогорных населенных территорий, то во многих местах не хватает воды.

Если кто-нибудь хочет иметь доказательства ее высокого уровня расположения, он может прочитать донесение отца Вербиеста (Verbiest)⁴⁵, который в одном из своих писем уверяет, что покойный китайский император в одном из своих путешествий по западной части Мунгалии в 1683 году, желая знать разницу в высоте между одним местом на расстоянии в 80 лье к северу от Великой страны у верховья реки Кара-Мурах и окрестностями Пекина, дал поручение тому отцу измерить ее и что тот нашел, после самого точного исследования, что это место превосходит в высоте берег моря на ближайшем расстоянии от Пекина на 3000 геометрических шагов, что составляет около трех четвертей немецкой мили. Эта большая высота есть причина того, что страна кажется более холодной по сравнению с теми, которые лежат на той же широте. Достойные доверия люди рассказывали мне о местах, где северный ветер даже в разгар лета такой пронизывающий, что нужно очень хорошо укрыться ночью, чтобы не чувствовать себя стесненным, и что в августе месяце иногда выпадает снег за одну ночь толщиной в один и даже в два экью. Отец Вербиест приписывает это отчасти селитре и уверяет, что почва этой страны такова, что летом, выкопав в любом месте яму глубиной в 4—5 футов, найдешь комья замерзшей земли и даже целые куски льда. Эта большая высота Татарию является также причиной того, что несмотря на все большие реки, которые берут там свое начало, там не хватает во многих местах воды, так что она может быть населена только вблизи рек и озер. Это также и потому, что там много пустынь, но эти пустыни, которые русские называют степью, не так уж страшны, как мы их себе представляем, за исключением Гоби, ранее называемой Хамо (Хамо), и некоторых других небольших песчаных пустынь, численность которых невелика; все пустыни этой страны покрыты очень густой и высокой травой, так что там не хватает только воды, чтобы сделать их самыми плодородными в мире полями.

Я убежден, что, если эту обширную область хорошо оросить, этого было бы достаточно, чтобы дать средства к существованию большей части ее обитателей; если бы они позаботились об ее обработке, но из трех племен монголов, которые ее сейчас населяют, только татары-магометане обрабатывают свои поля, но даже они делают это в таком размере, сколько необходимо для того, чтобы прокормиться. У калмыков не больше, чем у монголов занимаются сельским хозяйством, и они живут только тем, что им дают их стада.

Недостаточные занятия земледелием вызывают их кочевую жизнь, перемену местопребывания по мере того, как их к этому принуждают времена года.

У каждой орды или племени свой отдельный округ (кантон), который им присвоен, летом они направляются в северные, зимой в южные области.

Большая Татария имеет еще ту особенность, что не имеет крупного строевого леса обычного типа, за исключением пограничных областей, а также некоторых мест, т. е. вся растительность, находящаяся в центре страны, состоит из кустарника, высота которого не превышает роста человека, но зато горы изобилуют дикими козами, белыми медведями, чернобурими лисицами, горностаями, куницами, соболями и росомахами.

Росомаха — это хищное животное немного поменьше волка. У ней грубая, длинная, желто-коричневая, почти черного, особенно на спине, цвета шерсть. Она взбирается на деревья, чтобы выслеживать оттуда дичь, и когда какое-нибудь животное пробегает под деревом, где она находится, она бросается на его спину...

Русские очень ценят шкуру росомехи, они употребляют ее обычно на муфты и опушки шапок. Меха всех этих животных, а также ремень, корень жен-шень, шелк, шерсть — вот то, чем торгуют на севере, востоке и юге, так как татары, которые живут на западе, у берегов Каспийского моря, смотрят на торговлю, как недостойное для них занятие, и считают для себя самым честным занятием грабить торговцев, которые проходят по их владениям или требуют с них выкупа, так что у тех навсегда пропадает желание сюда возвращаться.

В Большой Татарии также много верблюдов, лошадей, быков, овец, фазанов и других птиц, среди которых можно увидеть птиц красоты необычайной. Это птица, похожая на цаплю, вся белая и только клюв, крылья и

хвост — чудесного красного цвета. Ее мясо очень нежное и по вкусу похоже на мясо нашего рябчика.

Конечно, кажется вполне вероятным, что народы, населяющие сейчас обширные пространства страны, жили там всегда, но есть две вещи, которые не позволяют допустить такую ошибку. Во-первых, во многих местах Татарики, у границ Сибири, есть большие холмы, в которых находят скелеты людей и лошадей, различные сосуды в большом количестве, серебряные и золотые украшения. Там находят также многочисленные скелеты женщин с золотыми кольцами на пальцах, что совсем не соответствует обычаям теперешних татар. Не стоит сомневаться в истинности того, о чем я рассказываю. Пленные шведы в Сибири ходили группами раскапывать могилы, и русские тоже последовали их примеру, но калмыки рассматривают эти поиски, которыми занимаются шведы и русские, как святотатство, и убивали тех грабителей гробниц, которых только удавалось достигнуть. Впоследствии эти розыски были строго запрещены во всей Сибири.

Во-вторых, стоит отметить, что один врач, который был послан в 1721 году покойным ныне императором России вместе с несколькими шведскими офицерами изучать растительность России⁴⁶, нашел на берегу реки Чулыма, к востоку от города Красноярска, среди большой степи, простирающейся вдоль берега этой реки, орла, высеченного из белого камня, примерно 16 футов в высоту, окруженного множеством таких же маленьких орлов высотой в 4—5 футов. На боку большого орла увидели полуистершиеся надписи и множество букв на маленьких орлах, разрушенных временем. Изучив находящиеся на орле и дошедшие до нас надписи, можно признать, что буквы не имеют никакого сходства с буквами тех языков, на которых говорят сейчас на севере Азии. Кроме того, изваяния такого рода мало соответствуют галанту татар, так что трудно думать, чтобы у них или их предков мог бы возникнуть подобный замысел, особенно если принять во внимание, что по соседству с тем местом, где эти изваяния найдены, в 100 милях в окружности нет даже камнемоен, откуда можно было бы извлечь подобные камни, так что они могли быть доставлены только по Енисею. Со временем мы, может быть, узнаем об этом больше.

В отношении колец и украшений, которые найдены в могилах, то они, по-видимому, принадлежат тем могучим, которые сопровождали Чингис-хана в его нашествии из южной Азии. Так как они принесли с собой богатства Персии, Хорезма, Великой Бухарии, царства Кашгара, части Индии, северного Китая, то можно предположить, что они захоронили эти богатства вместе с умершими так же, как язычники-татары, у которых до сих пор сохранился обычай хоронить вместе с умершим его лучшего коня и самое ценное из домашней утвари, так чтобы это пригодились ему на том свете. Так же, в силу этого обычая, их предки клали в могилы сосуды из золота и серебра вместе с умершим, это они делали в давние времена, и все отличие теперешних татар от татар прежних состоит в том, что богатства, которые они закапывали с мертвыми, сводятся к нескольким деревянным мискам и другой домашней утвари небольшой ценности.

Необходимо отметить, что эти народы, утверждающие, что ведут свое происхождение от Турка, старшего сына Яфета, назывались турками, пока постепенно не утратили это название, заменив его названием татары, которое одно из племен взяло от имени Татар-хана, сына Аланца-хана, а не от реки, называемой Татой, как думали некоторые, так как теперь совершенно точно установлено, что на всем севере Азии нет ни одной реки такого названия. Впрочем, когда я говорил, что название «турка» постепенно исчезло и заменилось названием «татары», я хочу сказать только о том времени, когда соседи и чужеземцы стали называть их только таким образом, тогда как сами они сохранили среди своих это первое имя и даже утверждали, что никакая другая нация не имеет права носить его.

У них много общего с большей частью других восточных народов, властители которых носят титул султана Рима (*de Sultan de Roumb*), так что под властью римлян были когда-то в Азии те же государства, которые сейчас находятся под властью последнего...» (3—16).

В книге дается затем подробное описание племенного состава татар (17), их расселения (18—19), образа жизни и социального устройства (20), рассказывается о взаимоотношениях между ханом и мурзами (24—25), о семейных отношениях (28—30), занятиях охотой (31—33), о законах татар (35). Последующие части посвящены описанию рек Татарии, ее городов (62—86). О Бай-

кале, например, мы читаем: «Озеро Байкал в Сибири имеет примерно 30 немецких миль в длину с востока на запад и 15 миль — его наибольшая ширина с юга на север. Так как оно окружено очень высокими горами, и там дует всегда противный ветер, то это очень затрудняет передвижение. Его вода пресна, прозрачна и богата рыбой. Там можно видеть большое количество морских тюленей, совершенно черных и без шерсти, как на Белом море, что довольно необычайно на озере с пресной водой, но они встречаются также на Ладоге и Онеге, к северу от Санкт-Петербурга.

Замечательно, что, хотя многие реки со всех сторон несут свои воды в озеро Байкал, из него вытекает только река Ангара, которая течет на северо-запад и впадает в Енисей у Енисейска, и так как нет другого канала, по которому может вытекать вода из этого озера, обычно думают, что река Лена, верховье которой находится в горах в двух днях пути на север от озера, соединена с ним подземным сообщением. На этом озере много плавающих островов, которые ветер гонит от одного берега к другому. Глубина его повсюду более 50 сажений, и если опасно переплывать через него летом из-за сильных бурь, то не менее опасно это и зимой из-за льда толщиной не менее 10 футов, настолько скользкого, когда ветер сдувает снег, что лошади на каждом шагу падают, если не подкованы специальными гвоздями...» (86—87).

Об Енисее книга приводит следующие сведения: «Истоки реки, которую русские называют Енисеем, находятся в стране Калха-монголов, к югу от истоков Селенги, на 45° широты. Затем река течет на северо-восток, но на 47° широты неожиданно поворачивает на север и затем сохраняет это направление, и затем, пройдя еще 500 миль, впадает в Ледовитый океан на 71° широты.

Енисей — одна из величайших рек мира; ее вода очень прозрачна и вкусна, но не очень богата рыбой. Начиная от ее верховья до 52° широты ее берега заселены калха-монголами и калмыками, но от этого места до самого устья она течет по стране, принадлежащей России. Город Абакан, на 53°30' широты — наиболее южное поселение русских на Енисее и город Турухан на 65° широты — самое северное. Эта большая река, протекая по обширному пространству, принимает воды стольких рек, впадающих в нее с обеих сторон, что у города Енисейска (в 200 милях от ее устья), на 59°10' широты, ее ширина

более полумили, а в устье — более 5 миль. Весной, когда тают снега, Енисей, как Обь и Лена, выходит из берегов и производит большие опустошения, унося даже целые куски скал. Именно здесь, особенно на 60° северной широты, часто находят глубоко в замерзшей земле что-то вроде рога, очень похожего на слоновую кость. По крайней мере он обладает таким же цветом, блеском, той же прочностью и твердостью, одним словом, отличается голько большей хрупкостью и его труднее обрабатывать, и еще тем, что легко теряет первоначальную белизну, становясь желтоватым. Эти рога имеют вес от 70 до 80 фунтов. Местные жители называют их маммутом, но они до сих пор не знают, что это может быть. Одни полагают, что это клыки слонов, утонувших при всемирном потопе, сохранившиеся до сих пор в замерзшей почве этих мест, другие — что это рога какого-то огромного животного, жившего под землей, которое умирает, как только вдохнет воздух. Они дают ему даже подробное описание, очень похожее на басню, так как до сих пор никто не может похвастаться, что видел это животное. Между тем я слышал от людей, достойных доверия, что они видели эти рога с сохранившейся частью чучела, и даже целую челюсть мамонта с клыками весом в 18—20 фунтов, но они добавляют, что невозможно различить, из кости ли они или из какого-то окаменевшего вещества, и что у всех рогов имеется полый корень, покрытый чем-то вроде свернувшейся крови...

К югу от верховья Енисея протекает река Алтай или Сиб, истоки которой находятся в отрогах ответвления Кавказских гор, называемых татарами Ускун-кул-тугра, на 43° северной широты, которая течет на север-северо-восток и теряется в пустыне Гоби, к юго-юго-востоку от верховья Орхона. На берегу этой реки живут калха-мунгалы, и один из небольших ханов этого народа имеет здесь свою резиденцию.

Истоки другой реки, которую татары называют Дзаммуран, находятся в горах, пересекающих пустыню Гоби, на 43° северной широты. Она течет с северо-северо-запада на юго-юго-восток и впадает в Хоанг у границы Тибета, на 39° широты. На ее берегах также живут калха-монголы, и двое из их небольших ханов имеют свое местожительство в районе этой реки» (94—98).

Некоторые из приведенных в книге сведений, может быть, были получены от шведских офицеров, которые

помогали Д. Г. Мессершмидту в изучении географии, натуральной истории и памятников древности Сибири. По настоянию Мессершмидта, ему в помощь были даны поручики Матерн⁴⁷ и Шенинг. Когда последний заболел, распоряжением губернатора князя Черкасского он был заменен в январе 1721 года унтер-офицером Капелем. В поездках Мессершмидта принимал участие также шестнадцатилетний швед Шульман⁴⁸.

Среди шведских военнопленных в Сибири были и знатоки рудоплавного дела, как, например, Петр Дамес (Демес, Демис), о котором в ответ на вопросный пункт наказа о заведывании нерчинскими заводами кабинет-курьер Илья Голенищев-Кутузов 12 сентября 1720 года сообщал, что он «работает мастеровую рудоплавную работу»⁴⁹. Об «иноземце швецкой породы Петре Степанове сыне Дамесе» известно, также, что «даетца ему из казны великого государя жалованье по 100 рублей в год, за рукою бывшего губернатора князя Гагарина»⁵⁰. Сохранились донесения Дамеса от 8 июля 1722 года об осмотре им медной руды и указ комиссару нерчинских серебряных заводов Бурцеву от 19 ноября 1723 года об оказании содействия аргуноким серебряным заводам и Дамесу касательно успешного хода работ на этом заводе⁵¹.

В вышеупомянутых записках Вебера содержатся не только личные наблюдения автора и сведения, почерпнутые им из бесед с русскими, но и включенные в книгу документальные материалы. Так, например, Вебер при дворе встречался с князем Гагариным и при его помощи познакомился с комиссаром и фискалом только что вернувшегося из Китая каравана⁵²; отдельные подробности об этом длительном и трудном путешествии он и приводит в своих записках (запись от марта 1716 года):

«Выехали они из Москвы три года тому назад. Первые удивительные народцы, встреченные ими в Сибири по сю сторону, к России, были остяки, невежественные язычники и идолопоклонники. Вся одежда их состоит из шкур, а пища из осетра и другой рыбы, которую они бьют в воде стрелами. Они не знают хлеба, и, если им дадут его поесть, выплевывают, охотно и скоро упиваются водкой, денег не берут, потому что не знают им никакой цены, а скорее берут табак, шерстяные материи и всякие безделицы. Далее путешественники по реке Оби поплыли почти до самого города Енисейска, расположен-

ного на реке Енисее. Страна вокруг этого большого и довольно хорошо укрепленного города показалась им немного лучшей, и здесь произрастала рожь. Отсюда они дошли до города Иленска (Илимска?), в соседстве с которым обитает странный народ тунгусы, не знающий ничего ни о боге, ни об его всемогуществе. Летом народцы эти ходят нагие, живут вообще очень бедно, блуждают подобно оленям и порой дня по четыре остаются без всякой пищи. Покойников своих они не хоронят, а кладут их на высокие деревья. В одном месте они подолгу не остаются, а перекочевывают из одной местности в другую. У них существует престранный способ делать лицо красивым по их понятиям: в детстве они вышивают щеки окрашенными в черный цвет нитками в виде всякого рода фигур, оставляют это шитье в коже на несколько дней, затем вытягивают нитки, вследствие чего и остаются черные точки и следы вышитых на щеках фигур; чем больше кто обезображивает лицо свое подобными болезненными прокалываниями, тем красивее и знатнее считается у своего народа. Далее путники прибыли в город Бурат (Братск?), а затем в Якутск, где находили уже одних только язычников. Оттуда перебрались они в Даурию, где нашли конных тунгусов (Konni-Tungusen). Здесь владетельным князем был человек лет около тридцати по имени Лариму (Гаятимур?), отец которого вследствие притеснений перешел из-под китайского владычества под покровительство царя и с целым домом своим и 3000 подданных принял христианскую веру. Остальные все еще пребывали в идолопоклонстве.

Некоторые духовные лица в Москве уверяли меня, что два года тому назад по приказанию царя несколько человек из их среды посланы были в качестве священников и учителей к различным языческим народам, и в особенности к остякам, чтобы вывести этих блудных людей из мрака невежества, и что будто это похвальное распоряжение в некоторых местах имело уже желанный успех. Что это согласно с истиной, подтверждает и то прекрасное описание, которое составил шведский капитан Мюллер во время своего пребывания пленником в Сибири о доселе неизвестных свету остяках и которое я получил в рукописи в Петербурге»⁵³.

Вебер в своих записках приводит также анонимное описание жизни калмыков, «очень согласное с теми известиями, которые я приобрел в Петербурге»: «На пути

из Ямутова (Ямышева?) озера вниз по реке Иртышу лежит город Тора (Тара) на небольшой реке, Торою же именуемой. Это самое крайнее русское место, граничащее с владениями князя Бустухана.

Жители в этих калмыцких владениях называют себя барабанчиками (барабинцами?), и населяют они страну от города Торы на восток до реки Тоии (Томи) и города Томска. Страна эта не гористая, а ровная, поросшая превосходными кедром, лиственницами, березами, елями и разными кустарниками, и вся эта растительность пересекается кристально чистыми ручьями.

Эта страна Барнабу удобна для путешествия как в летнее, так и в зимнее время... Народец барабинцы есть племя калмыцкое, платящее русскому царю и Бустухану подушную подать, каждому по равной части. Они имеют у себя трех главных начальников по имени тайш; первый называется Карзагач, второй — Байкиш и третий — Байдук. Эти три властелина получают с барабинцев подати и доставляют русскому царю следующую ему часть. Первый, Карзагач, доставляет собранную им царскую часть в город Тору, Байкиш — в крепостию Телуву, Байдук — в крепость Куленбу, и все эти подати уплачиваются именно мехами. Вообще же нация эта — злой и беспокойный народ, живет подобно сибирским татарам в деревянных избах, построенных весьма низко на земле. О печах они не имеют понятия, но в избах у них устроен род трубы или дымовое отверстие. Когда дрова, сложенные внутри избы, прогорают, дымовое отверстие закрывается, и хозяева довольствуются одним углем, около которого и обогреваются до тех пор, пока жар в углях не потухнет совсем. У них нет городов или иных постоянных местопребываний, но летом они живут в навесах и палатках легкой постройки, которые они умеют проворно ставить и убирать. На зиму они снова забираются в свои теплые деревянные избы. Питаются они дичиною, охотно занимаются земледелием, сеют овес, ячмень и гречиху. Рожь или ржаной хлеб они ни во что не ставят; если им дадут этого хлеба, то на вкус он им, по видимому, нравится, но жуют они его и странно как-то перебрасывают языком во рту, как бы нечто жидкое или колючее, затем выплевывают и счищают язык, как будто на нем было нечто такое, чего они не могут пропустить себе в желудок. Возделываемый ими ячмень они мочат сперва в воде, потом просушивают его немного и обкола-

чивают до тех пор, пока не отскочит мякина или шелуха; затем этот шелушенный ячмень они сушат и даже поджаривают в железном раскаленном котле, и когда он делается жесткий и твердый как кость, то его едят в таком сушеном виде, так что он хрустит у них на зубах. Это и составляет их хлеб. Они употребляют в пищу саранку или луковцу желтой лилии, сушат ее, потом толкут, варят с молоком и едят вместо молочной каши. Пьют они кумыс или водку из кобыльего молока, затем пьют куразу или черный чай, доставляемый им булгарами. Одежда их — как мужская, так и женская — на манер монгольской и калмыцкой. Они имеют по столько жен, сколько только могут прокормить. Оружие их, как у всех татар, — лук и стрелы. Они держат много скота, лошадей, верблюдов, коров, овец, но свиней не держат и не едят. Ежегодно они добывают охотой множество прекрасного меха: соболей, куниц, белок, горностаев, лисиц, росомах, рысей, бобров, норок, выдр и проч. — и этими мехами уплачивают свои подушные подати.

Когда они выходят на охоту, то берут с собою в кустарник так называемого шайтана. Этот шайтан вырезывается из дерева довольно грубо, как только его и можно вырезать ножом, а затем на него надевается одежда из материи всех возможных цветов, наподобие одежды русских женщин. Идола этого они ставят в особо устроенный для этого ящик и везут на особых санях. Первое, что они изловят на охоте, что бы это ни было, они приносят в жертву этому деревянному шайтану. Если охота доставит им хорошую и богатую добычу, они с радостью возвращаются домой, ставят своего идола с его ящиком на высокое место в своей хижине, обвешивают его спереди и сзади, сверху и снизу соболями, куницами и всякого рода мехами в благодарность за то, что он доставил им такой счастливый улов, и эти прекрасные меха и остаются на шайтане, портятся и делаются ни к чему не годными, ибо барабинцы покрывают вечным стыдом того, кто эти пожертвованные шайтану вещи отберет у него и продаст. Поэтому-то на этих идолах можно увидеть навешенные во множестве старые, изъеденные червями шкуры»⁵⁴.

Вебер включил в свою книгу записки шведского драгунского капитана Бернгардта Мюллера «Жизнь и обычай остяков»⁵⁵, вышедшие потом отдельным изданием в Берлине в 1720 году.

О жизни Мюллера нам почти ничего не известно. Вебер сообщает лишь, что рукопись записок была им получена в Петербурге. Ссылаясь на дату посвящения (Мюллер посвятил свой труд Екатерине Алексеевне), Вебер приходит к выводу, что Мюллер закончил свои записки 12 декабря 1716 года.

Сам Мюллер в обращении к читателю указывает, что он находился в свите митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского и сопровождал его в поездках, предпринятых с целью обращения остяков в христианство: «Митрополит Сибири... был мне так склонен, что взял меня в свою свиту, когда он перевел эту убогую нацию из язычества в христианское крещение. В таком далеком путешествии я большую часть своей реляции составил сам, остальное узнал от людей, которым я мог всецело доверять»⁵⁶.

Большинство исследователей Сибири считает, что записки Мюллера целиком или в значительной степени заимствованы у Г. Новицкого. Так, например, Л. Майков в результате анализа труда Мюллера приходит к выводу, что между ним и записками Новицкого существует теснейшая связь, и порой Мюллер дословно переводит Новицкого⁵⁷. Такой же точки зрения придерживается и С. В. Бахрушин⁵⁸, считающий труд Мюллера попросту переводом записок Г. Новицкого.

С подобными утверждениями трудно не согласиться. Само расположение материала в записках Г. Новицкого и Мюллера почти идентично. В «Кратком описании о народе остячком» (1715) Г. Новицкий в первой главе, содержащей 18 параграфов, дает общие сведения о Сибири вообще и о районе, заселенном остяками. Начинается она с описания границ Сибири и ее естественных богатств. Новицкий говорит о наличии в Сибири руд железных, медных, свинцовых, серебряных, пишет о каменном масле и мускусе, о мамонтовой кости и пытается объяснить происхождение последней. В параграфах 6—9 сообщаются исторические сведения, почерпнутые из Сибирской летописи Саввы Есипова⁵⁹, дается описание Новой Земли. В последних параграфах главы (16—18) Новицкий рассказывает о том, что ему известно о происхождении остяков, о переселении их из Пермской земли, о происхождении названия остяков. Глава вторая «Краткого описания...» Г. Новицкого содержит материалы, характеризующие «житие, обыкновения гражданства и

прочие», описывается обычай дачи имени новорожденному, обряды, сопровождающие рождение ребенка, сообщаются сведения о жилищах, домашней утвари, занятиях остяков, их одежде, общественном устройстве.

В третьей главе описываются верования остяков и их идолы: Старик Обской, Гусь Кондийский и другие, а также обряд служения этим идолам. В главах 4—8 описывается история крещения остяков.

Аналогично расположен и материал в книге Мюллера. В первой главе «О положении королевства Сибири и происхождении остяков» дается историческая справка о Сибири до завоевания ее Ермаком, в основном совпадающая с записками Г. Новицкого, сообщается об естественных богатствах: рудах, хрустале, мускусе, каменном масле и мамонтовой кости, далее следует ряд указаний о географическом расположении Сибири и мест, населенных остяками, о происхождении их.

Вторая глава книги Мюллера повествует об образе жизни остяков, о том, как давали имена, (§ 1), о воспитании детей (§ 3), пище (§ 4), жилищах (§ 5), передвижении (§ 6—7), о ткачестве из крапивы (§ 9), одежде (§ 10), заключении контрактов (§ 11), о беспорядочной и бедной жизни остяков (§§ 12—13), болезнях (§ 14), многоженстве (§ 15), обрядах сватовства (§§ 16—17), разводе (§ 18), рождении детей (§ 19), оружии (§ 20), погребальных обрядах (§§ 21—22). Третья глава у Мюллера, как и у Г. Новицкого, посвящена религии остяков и описанию идолов. В четвертой главе «О начале обращения остяков в христианскую греческую религию» сообщается о миссионерской деятельности Филофея.

Насколько близок текст записок Мюллера и Новицкого показывает сопоставление отдельных параграфов этих двух сочинений. Мюллер, например, дает следующее описание одежды остяков: «Женский пол имеет из-за отсутствия льна мало украшений. Но они умеют обрабатывать крапиву таким же образом, как и лен, и ткнут из нее полотно, которое используют для занавесей у своих лож, при помощи которых летом отбиваются от комаров, от которых иначе они в этих местах никогда не имели бы покоя, они также используют такие полотна, хотя они и очень жесткие, на рубашки и головные платки. Рубашки вышивают они спереди различными цветами, также и платки, которые надевают на голову, и это нарядное у них очень в ходу»⁶⁰.

У Г. Новицкого: «Жены их, не имея конопель, нужду и недостаточество свое удовлетворяют полным зелием: от кропивы бо зелныя хитростне истягають нити, из сих холсты утворяють. От них же соделовають себе пологи для сохранения комаров, за множеством бо комаров, мух и прочих, невозможно без пологов пребыть; сшивають же себе и рубашки от тогожде кропивного холста и украшают я различными пестротами, вышивая нитми разныя взоры»⁶¹.

Сам факт почти полного совпадения содержания отдельных глав и даже отдельных параграфов у Мюллера и Новицкого достаточно красноречиво доказывает, что Мюллер более чем щедро использовал рукопись Новицкого. Сам Мюллер, как указывалось выше, и не отрицал, что обильно пользовался сведениями, полученными «от людей..., которым мог всецело доверять», хотя и не называет авторов источников, которым следовал. Но как бы там ни было, благодаря книге Мюллера сведения о жизни остяков, собранные Г. Новицким, стали широко известны еще в начале XVIII века — сама рукопись Новицкого была опубликована только в 1884 году Л. Майковым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я. Грот в статье «О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом» («Журнал Министерства народного просвещения», 1853, февраль, стр. 119) называет цифру в 20 000—25 000 шведов. И. Голиков в «Деяниях Петра Великого» (2-е издание, т. IV, М., 1837, стр. 81) считает, что всего в плен было взято 24 000 человек. По уточненным современным данным, было взято в плен при Полтаве 3000 шведов и 12 000 у Переволочны. (См. «Всемирная история», т. V, М., 1958, стр. 379).

² И. И. Голиков, Деяния Петра Великого, т. IV, стр. 86.

³ Я. Грот, Цит. произв., стр. 123. В. А. Эннес определяет общее количество находящихся в Сибири пленных офицеров-шведов в 1156 человек, большинство которых жило в Тобольске (895 чел.). Biografiska Minnen of Konung Carl XII:s Krigare, samt andre Embetsmän och Personer, under denna Konungstid, Fångne i Ryssland, Flygtige i Turkiet, eller Dodonjutne i Fält. Med Bilager af V. A. Ennes, Stockholm, 1818.

Авторы книги „Der allerneueste Staat von Sibirien...“ Nürnberg, 1725, S. 188 определяют общее количество находящихся в Тобольске шведов-офицеров в 1000 чел., доставленных сюда из Уфы, Севска и Киева.

⁴ Sammlung Russischer Geschichte, B. I, St. Petersburg, 1732. В дальнейшем это издание сокращенно наименовано: «Миллер, т., стр.»

⁵ Миллер, т. I, стр. 338. Шведский подполковник и генерал-адъютант Карла XII Габриель Канифер был взят в плен в 1708 году в Смольнах, находился в ссылке в Тобольске, а впоследствии в Енисейске и Илимске, возвратился в 1722 году из плена на родину, стал комендантом Нишлота (т. Саволинна), где и умер. См. И. Голиков, Ук. соч., т. II, стр. 317—318 Bell, Op. cit., v. I; G. J. Unverzagt, Op. cit. S. 37; Ennes, Op. cit., p. 84—85.

⁶ Миллер, т. I, стр. 338.

⁷ Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia in two volumes, by John Bell, of Anternony, v. I, Glasgow, 1763 p. 16, 24, 151.

⁸ Bell, Op. cit., p. 186—187.

⁹ Bell, Op. cit., v. I, p. 215.

¹⁰ Bell, Op. cit., v. II, p. 160.

¹¹ О жизни и материальном положении военнопленных шведов в Сибири приводит интересные подробности Курт фон Врех. В частности, он указывает, что кое-какие денежные средства, правда очень незначительные, они получали из Швеции. Тогдашний губернатор Сибири князь Гагарин из своих личных средств подарил им десять тысяч рублей и «помогал всем, чем только мог». Пленникам предоставлялась свобода передвижения, они могли удаляться от своих жилищ на несколько миль, и кое-что зарабатывали рыбной ловлей и охотой. Некоторые арендовали торговлю пивом и медом. Некоторые офицеры начали готовить и продавать свои работы, посылая их даже в Москву, создали большую мастерскую, получив необходимые средства от губернатора, где изготовляли серебряные сервизы. Другие ткали дорогие ткани, чебраки и кошельки или точили из мамонтовой кости табакерки, гранили драгоценные камни, изготовляли печатки, выполняли различные ювелирные работы. «Некий ротмистр, наряду с другими драгоценными предметами, сделал для тогдашнего губернатора Сибири охотничий нож с драгоценными камнями, выполненный очень точно и чисто». Каждую зиму хотя бы один военнопленный-швед мог ехать из Тобольска в Москву для выполнения различных поручений своих соотечественников. Многие офицеры-шведы давали уроки немецкого языка детям русского коменданта и других состоятельных людей и помогли в хозяйстве. Небольшое число получало небольшие суммы денег из Германии. Wahrhafte und umständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Rusland und Siberien, welchergestalt dieselbe nach dem A. 1709, ben Pultawa in der Ukraine mit denen Russen gehaltenen unglücklichen Treffen, in ihrer Gefangenschafft, zum Theil von Gott kräftig zur Busse erwecket worden, und was sich insonderheit bey der, von einigen unter ihnen angerichteten Schule, zu Tobolsky von Anfange bis zu Ende, wie auch auf ihrer Zurückkunft nach erfolgtem Friedens=Schluss begeben hat, mitgetheilet von Curt Friedrich von Wrech, gewesenem Capitaineunter dem Königl. Schwedischen Albedy sche Dragouner-Regiment, Sorau, druckt Joh. Gottlieb Rothe, 1725 S. 557

¹² За время своего первого пребывания в России (до 1719 года) Вебер вел подробные записки и в 1721 году издал (анонимно) книгу: „Das veränderte Russland, in welchem die letzte Verfassung des Geist=und Weltechen Regiments; der Kriegs=Staat zu Lande und zu Wasser; wahre Zustand der Russischen Finanzen; die geöffneten

Berck-Wercke, die eingeführten Academien, Künste, Manufacturen ergangene Verordnungen, Geschäfte mit denen Asiatischen Nächstbahren und Vasallen, nebst der allerneuesten Nachricht von diesen Völkern, die Begebenheiten des Czarewitszen, und was sich sonst merckwürdiges in Russland zugetragen, nebst verschiedenen andern bisher unbekandten Nachrichten in einem bis 1720 gehenden Journal vorgestellt werden, mit einer accuraten Land-*Carte* und Kupfferstichen versehen, Franckfurth, 1721*.

Часть записей Вебера переведена на русский язык: «Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях», в переводе и с примечаниями П. П. Барсова, Русский архив, год X, М., 1872, стр. 1057—1168, 1334—1457, 1613—1704. Перевод Барсова частично использован в настоящей книге.

Позднее, уже после смерти Петра I, Вебер вторично приехал в Россию, прожил в ней около пяти лет и издал в Ганновере в 1738 году вторую часть, а в 1740 году — третью часть своего труда, посвященные в основном царствованию Екатерины I и Петра II.

¹³ Например, корнет Пистольшельд в Соликамске занимаясь изготовлением игральных карт и винокурением, ротмистр Галль в Тобольске стал красильщиком, ротмистр Риддерборг вышивал золотом и серебром шапки и чепраки (Ennes, *Op. cit.*, S. 235).

Любопытные архивные документы о коммерческой деятельности Канифера в Илимске опубликованы В. Н. Шерстобоевым (В. Н. Шерстобоев, Илимская пашня, т. I, Иркутск, 1949, стр. 118—119. См. также *Bell. Op. cit.* 233). В донесении таможенного головы Андрея Калашникова и ларешного Федора Серебренникова, написанном в октябре 1719 года, есть отчет о расходе дрожжей и хмеля на винокурение. Калашников просит воеводу оплатить это сырье, взятое у разных лиц, среди которых значится и Канифер («да шветцкому полону у генерала Канифера на винные браги хмеля и дрожей 22 ушата, по 5 ведер»). Имя Канифера упоминается также в связи с растратой 300 рублей казенных денег конным казаком Аверинем Шипицыным, основателем Ново-Удинской слободы. Шипицын под пыткой сознался, что купил на 300 рублей китайских товаров у генерала Канифера, без оплаты таможенным сбором, для перепродажи в Енисейск (В. Н. Шерстобоев, *Ук. соч.*, стр. 119). Бергман сообщает, что некоторые пленные шведы были искусными живописцами, мастерами золотых и серебряных дел, токарями, музыкантами и даже «споспешествовали, сколько могли, обучению юношества» (Бергман, История Петра Великого, 2-е изд., т. V, стр. 36). Белл также замечает по этому поводу: «Я не могу не заметить, что шведские пленники, размещенные в большинстве городов этой страны (т. е. Сибири.—Э. З.), немало способствовали цивилизации обитателей этих отдаленных областей, став посредниками в введении различных полезных искусств, почти не известных до их прибытия.

Многие из офицеров, являясь дворянами с литературным образованием... посвящали свое время изучению наиболее приятных и привлекательных разделов наук, в частности, музыки и живописи; в коих некоторые из них достигли большого совершенства. Я присутствовал на некоторых их концертах и был не мало удивлен, нашедши столько гармонии и разнообразия музыкальных инструментов в этой части света.

Они порой развлекаются преподаванием молодым господам и

госпожам немецкого и французского языков, музыки, танцев и других тому подобных знаний, приобретаая этим много друзей среди людей высокого положения, обстоятельство, являющееся для лиц в их положении как почетным, так и полезным». Bell, Op. cit., P. 187.

См. также: *Warhafftiger Bericht von der Muscowiter unchristlichen und harten Verfahren gegen Ihre Königl. Mayst. von Schweden hohe und niedrige gefangene Officiere, Bedienten und Unterthanen samt ihren Weibern und Kindern; und in Gegentheil, wie milde, höfflich und gutig die Russische Gefangene in Schweden bisher begegnet worden, und annoch handliert werden, nebst demjenigen, was insonderheit, betreffend die Auswechslung beyderseits Gefangenen, vorgegangen, Stockholm, 1705; Copia des Schreibens von einigen gefangenen Schwedischen Officiere in Moscau, aus Tobolsko in Siberien, den 20 Junii 1713. Betreffend die wunderbare Providence und Reglerung Gottes, in Lenckung dieser Gefangenschafft zum besonderen Vortheil lebendiger Heils-Erkänntniss für die Seele. Gott zu Ehren, und der Welt zur Überzeugung in Druck gegeben. Mit einer kurtzen Neben-Erinnerung. Anno 1715. im Monath Julio. Om Carl XII. s Krigare under fangenskapen i Rysland efter slaget vid Pultawa till freden i Nystad. Akademisk Afhandling af Fredrik Sander, Stockholm, 1857.*

¹⁴ Weber, Op. cit., S. 8. Запись относится к апрелю 1714 года. Имя польского инженера Блюера, посланного в Сибирь разведать месторождения металлов, упоминается Вебером на стр. 7—8.

¹⁵ Сведения о созданном в Тобольске театре (Comödien-Haus) см. также в „Der allerneueste Staat von Siberien...“, S. 233.

¹⁶ Weber, Op. cit. S. 161. Запись от марта 1716 года.

¹⁷ Там же, стр. 370. После заключения мирного трактата со Швецией 1721 года большинство шведских военнопленных вернулись на родину в соответствии с указом Сената от 16 октября 1721 года, ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 2659.

¹⁸ О деятельности Вреха, кроме названной ранее его книги, см. П. Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. I, СПб., 1862, стр. 133—134; Я. Грот, *Ук. соч.*, стр. 131; *Der Allerneueste Staat von Siberien, einer grossen und zuvor wenig bekannten Moscovitischen Provinz in Asien, entdeckend nicht nur die ehemalige und gegenwärtige Beschaffenheit des Landes, nach seiner Regierung, nach der Gegend Frucht- und Unfruchtbarkeit, Gebürgen, Tieren, Flüssen, Städten u. d. g. Sondeln auch die Sitten und Gebrauche der Samoieden, Wagullen, Calmucken, Ostiaken, Tungusen, Buratten, Mongalen und anderer Tartarischen Volcker nebst einer historischen Nachricht von den merkwürdigen Begebenheiten derer in diesen Lande gefangenen Schweden, von der Schule zu Tobolsky, und vom wunderbaren Anfang zur Bekehrung der Ungläubigen, Nürnberg, 1725, S. 198 ff.* („Historische Nachricht von den merkwürdigen Begebenheiten der gefangenen Schweden in Siberien, von der zu Tobolsky erbauten Schule und Lazareth, und vom wunderbaren Anfang zur Bekehrung der Tartaren“); Der innere und äussere Zustand derer Schwedischen Gefangenen in Russland, durch ihre eigene Brieffe, darinnen sie die auf ihre vormahlige fleischliche Sicherheit erfolgte Bekehrung, und wunderbare Erhaltung wie auch

die Aufrichtung der öffentlichen Schule zu Tobolsky der Hauptstadt in Siberien, nebst angestandener vielen Wiederwärtigkeiten, und anderen Dingen mehr, freymüthig melden, zur Ausbreitung der wunderbaren Wege des Herrn, und zur allgemeinen Erbaung getreulich ans Licht gestellet von Alethophilo. Franckfurth und Leipzig, 1718; Die zweyte Nachricht vom innern und äussern Zustand derer Schwedischen Gefangenen in Russland... von Alethophilo, Franckfurth und Leipzig, 1718; Die dritte Nachricht vom innern und äussern Zustand derer Schwedischen Gefangenen in Russland, darinnen die Aufrichtung der Schule zu Tobolski, nebst der von ihnen gemachten Schul-Ordnung und einigen andern Begebenheiten,... 1718; Die sibirische Schule. Ein Beitrag zur Geschichte der innern Mission des vorigen Jahrhunderts von O. Glaubrecht, Darmstadt, 1855.

¹⁹ «По два, во главе с прафом Пиером, первым министром Карла, фельдмаршалом Рейншильдом, графом Левенгауптом, полководцами Шлиппенбахом, Штакельбергом и Гамильтоном, шведских пленных провели под гром 200 пушек и звон всех колоколов под семью триумфальными арками. Позади них ехал верхом царь со своими подводами, и взятое у шведов военное снаряжение: пушки, знамена, барабаны и повозки заключали шествие». O. Glaubrecht Die sibirische Schule, S. 15.

²⁰ Август Герман Франке (1663—1727), профессор теологии в Галле, основатель секты пиетистов.

²¹ См. описание сибирских кедровых лесов: «Кедровые деревья достигают большой высоты и толщины, их ветви расходятся почти так же широко, как у грушевых деревьев, они имеют листья или хвою как сосны, с той лишь разницей, что длиннее сосновых иголок и совсем мягкие, и имеют более приятный зеленый цвет. Растут на них черные шишки, больше мужского кулака, похожие на сосновые; осенью они падают на землю. Эти шишки полны маленьких орешков, имеющих черно-бурую тонкую скорлупу, и в ней находится белое ядро, покрытое желтой пленкой, немного меньше фасоли, но очень приятное на вкус и полезное для здоровья, так что эти орехи часто едят в Сибири, давая из них масло, употребляемое благородными людьми в пост вместо сливочного масла». Wahrhafte und umständliche Historie..., S. 17.

²² «Крестьяне гребли от одной станции к другой, но офицеры охотно сами брали плату и сами выполняли эту службу, ибо нужда заставляла их это делать». O. Glaubrecht, Op. cit., S. 19.

²³ Wahrhafte und umständliche Historie..., S. 180—181.

²⁴ Очевидно, имеется в виду известие Мюллера об остяках, о чем речь пойдет ниже.

²⁵ Wahrhafte und umständliche Historie... S. 181—186.

²⁶ Wahrhafte und umständliche Historie... S. 190.

²⁷ Ходил слух, что сам император Петр I интересовался школой Бреха: «Однажды взшла звезда надежды, что сам царь Петр займется школой. Ему представили памятную записку об ее основании и достижениях, и он нашел в деле удовлетворение и обещал свою помощь. Почему она не состоялась, не упоминается». O. Glaubrecht, Op. cit., S. 57.

²⁸ A. Strindberg, Rphilipp Johan Stralenberg och han Karta öfver Asten, „Svenska sällskapet för Antropologi och Geografi“, Geografiska Sektionens Tidskrift, 1879, B. I. No 6.

²⁹ Das Nord-und Östliche Theil von Europa und Asia in so weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tartarey in sich begreiffet, in einer historisch-geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellet, nebst einer noch niemals ans Licht gegebenen Tabula Polyglotta von zwey und dreyssigerley Arten Tatarischer Völcker Sprachen und einem Kalmuckische Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Land-Charte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatisch-Skythische Antiquitat betreffen; bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschafft in Russland aus eigener sorgfältigen Erkundigung, aus denen verstateten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertigt von Philipp Johan Strahlenberg. Stockholm, in Verlegung des Autoris, 1730., S. 17.

³⁰ Там же. См. А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. II., М.-Л., 1965, стр. 37.

³¹ Миллер, т. III, СПб., 1758, стр. 102—105.

³² Strahlenberg, Op. cit., S. 17.

³³ Strahlenberg, S. 58

³⁴ См. статью Г. Ф. Миллера (Миллер, т. IV, СПб., 1760, стр. 207). «Известия о песочном золоте в Бухарии, о предпринятых из-за этого путешествий и о постройке расположенных у реки Иртыша крепостей Омская, Железненская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Камеиогорская; А. Макшеев, Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год, Записки Русского географического общества, т. XI, СПб., 1886; Епнес. 410; Б. Зюков, Под волнами Иссык-Куля, М., 1962, стр. 37; А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. II, стр. 38.

³⁵ Миллер, т. IV, стр. 118.

³⁶ А. Макшеев, Ук. соч., стр. 109.

³⁷ Там же, стр. 109.

³⁸ Там же, стр. 112.

³⁹ В современной литературе оригинальность карты Рената подвергается сомнению. Ссылаясь на «Историю Киргизии» (т. I, АН Киргизской ССР, Фрунзе, 1956) и работу Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (М.-Л., 1953), Б. Зюков пишет: «В первой же четверти XVIII века в одном из столкновений, происшедших между джунгарами и русской экспедицией Бухгольца на Иртыше, джунгары захватили в плен конной русского каравана. Среди других пленников был шведский сержант Иоганн Густав Ренат, попавший к русским при Полтавской битве и сосланный на житье в Сибирь. Ренат пробыл в Джунгарии 17 лет (с 1716 по 1733 год), научил джунгар плавить железные руды, делать пушки и ядра и даже завел типографию с подвижным шрифтом. Джунгары отпустили его из плена с большими почестями и щедро наградили.

Ренат, умерший в Швеции в чине поручика, не оставил никаких описаний своих путешествий, а лишь опубликовал в 1738 году любопытную карту на шведском языке. Судя по этой карте,

Ренат объездил весь Заилийский Алатау, Иссык-Кульскую котловину и был в Тянь-Шане. Река Или и озеро Иссык-Куль изображены на этой карте особенно четко. На ней также подробно обозначены ставки кочевников. На Иссык-Куле они располагались по берегам Тюна, на южном побережье, у западной оконечности озера и на северном берегу между речками Койсу и Аксу.

Конечно, если бы Ренат оставил описание своих путешествий, они вместе с подробной картой представляли бы ценнейший документ — одно из немногочисленных свидетельств европейцев о странах Средней Азии и, в частности, об Иссык-Куле. Впрочем, вскоре был найден монгольский подлинник карты, скопированный Ренатом. Несмотря на отсутствие градусной сетки, подлинник носит европейский характер. Таким образом, Ренат вывез уже существовавшую карту Джунгарии, перевел на шведский язык и выдал за свою. Очевидно, Ренат, находясь в плену у джунгар, не предпринимал никаких путешествий и просидел все 17 лет на одном месте». Б. Зюков, Ук. соч., стр. 37—38.

⁴⁰ Миллер, т. IV.

⁴¹ Очевидно, ошибка. Китайское посольство проследовало через Саратов в 1714 году. См. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, Казань, 1882, стр. 78—79. Ennes, Op. cit., p. 410.

⁴² Миллер, т. IV, стр. 275.

⁴³ Миллер, т. IV, стр. 275.

⁴⁴ Relation de la Grande Tartarie, dressée sur les Mémoires Originaux des Suédois Prisonniers en Sibérie, pendant la Guerre de la Suède avec la Russie (Recueil de Voyages au Nord, tome X. A Amsterdam, Chez Jean Frederic Bernard, 1738).

⁴⁵ Иезуит Вербист, отправленный в Китай вместе с посольством Спафария в 1675—1677 годах в качестве драгомана. См. М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, 2-е изд., Иркутск, 1941, стр. 451.

⁴⁶ Вероятно, имеется в виду Д. Г. Мессершмидт.

⁴⁷ Матерн принимал участие и в составлении карты Сибири Страленберга. Strahlenberg, Op. cit., S. 58.

⁴⁸ П. Пекарский, Ук. соч., стр. 352—353.

⁴⁹ Памятники сибирской истории XVIII века, кн. 2-я, 1713—1724, СПб., 1885, стр. 224. См. Ennes, Op. cit., S. 536.

⁵⁰ Памятники сибирской истории XVIII века, стр. 228.

⁵¹ Там же, стр. 248—251.

⁵² Очевидно, Вебер говорит здесь о караване купчины Григория Афанасьева Осолокова 1712—1716 годов. См. Б. Курц, Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII ст., Киев, 1929, стр. 16.

⁵³ Weber, Op. cit., S. 165.

⁵⁴ Там же, стр. 367—369. Запись сделана в июне 1718 года.

⁵⁵ Johann Bernhard Müllers, Königl. Schwedischen Drag. Capitain, Leben und Gewohnheiten der Ostiacken, eines Volcks, dass bis unter dem Polo Arctico wohnt, wie selbiges aus dem Heydenthum in diesen Zeiten zur Christl. Griechischen Religion gebracht, mit etlichen curieuses Anmerckungen vom Königreich Siberien und sei-

nem Fretto Nassovio oder Weigato, in der Gefangen schafft beschrieben und anjetzo mit einer Vorrede versehen, Berlin, 1720.

⁵⁶ Weber, Op. cit. S. 174. Сулоцкий в статье «Филофей Лещинский — митрополит Сибирский и Тобольский» (Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. XX, М., 1854, стр. 48) упоминает о пленных шведах, принявших православие и участвовавших в миссионерской деятельности. Шведы были и среди надзирателей у новокрещенных остяков, например, Карл Эск у остяков Казымской волости.

⁵⁷ Известия Русского географического общества, т. XI, 1875, стр. 8—9.

⁵⁸ Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М.-Л., стр. 473.

⁵⁹ П. И. Скороспелова, Предисловие к «Краткому описанию о народе остячком», Новосибирск, 1941, стр. 6.

⁶⁰ Müller, Op. cit., S. 30—31.

⁶¹ Г. Новицкий, Краткое описание о народе остячком, Новосибирск, 1941, стр. 47.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАПИСКИ ЛОРЕНЦА ЛАНГЕ О СИБИРИ. «НАИНОВЕЙШЕЕ ГОСУДАРСТВО СИБИРЬ». КНИГА Ф. И. СТРАЛЕНБЕРГА «СЕВЕРНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЧАСТИ ЕВРОПЫ И АЗИИ».

Книга Вебера «Преобразованная Россия» наряду с материалами по истории и географии Сибири, рассмотренными в предыдущей главе, содержит текст журнала путешествия в Китай в 1715—1718 годах шведского инженер-лейтенанта Лоренца Ланге.

Лоренц Ланге — фигура во всех отношениях колоритная, человек недюжинного ума и большой предприимчивости. Он сыграл немалую роль в установлении дипломатических и торговых связей России с Китаем. В 1715 году Петр I поручил ему сопровождать ко двору китайского императора Шэн-Цзу-жень (известного европейцам под именем Канси) английского хирурга Томаса Гарвина². Летом 1716 года Ланге в Селенгинске присоединился к каравану М. Гусятникова³, прибыл 11 ноября в Пекин, откуда выехал в конце августа или начале сентября 1717 года. В 1720 году Ланге был секретарем чрезвычайного посольства лейбгвардии Преображенского полка капитана Льва Измайлова и последним был оставлен в Пекине в чине «агента Российского для надзора и управления купечества». Здесь Ланге вел подробный дневник⁴, направил в Петербург «Ведомость от агента Ланге, в какой цене российские товары в Пекине на серебро в 1721 году были в продаже»⁵. Вследствие «несклонности» китайцев Ланге в июне 1722 года был вынужден покинуть Пекин и 26 августа прибыл в Селенгинск, где остался ждать дальнейших распоряжений⁶.

В июне 1727 года Ланге в качестве секретаря сопровождал посольство графа Саввы Владиславича-Рагузинского в Пекин, вскоре вернулся на границу, принял участие в заключении Буринского договора⁷, затем вместе с караваном Молокова, задержанного на границе, прибыл в Пекин 26 декабря 1727 года⁸, 4 октября 1728 года вернулся в Селенгинск для распродажи товаров, оставшихся нереализованными в Китае, и написал «Реляцию агента Ланге о чинимых в Пекине ему притеснениях в торговле караваном»⁹.

Верховный тайный совет, желая получить более подробные сведения о пограничной торговле и возможности посылки в 1731 году в Пекин казенного или частного каравана, приказал Ланге немедленно прибыть в Москву. Передав надзор за караваном своему писарю Давиду Граве, Ланге 25 февраля 1730 года приехал в Москву и 30 июня представил в сенат доклад, содержащий проект организации русско-китайской торговли¹⁰.

21 января 1731 года Ланге был назначен директором второго после заключения Кяхтинского трактата казенного каравана комиссара Молокова, летом 1731 года прибыл в Селенгинок, а 22 марта 1732 года — в Пекин. Здесь ему был оказан хороший прием, Ланге получил аудиенцию у императора, вел успешно торговлю и 8 сентября выехал из Пекина.

Ланге также возглавлял в качестве директора третий казенный караван комиссара Ерофея Фирсова. 2 января 1731 года он по докладу сената за свою усердную службу в русско-китайских сношениях был награжден чином советника канцелярии, а после возвращения из Пекина в июне 1739 года был назначен вице-губернатором Иркутска¹¹.

Записки Ланге в основном содержат материалы, характеризующие русско-китайскую торговлю, политику и экономику Китая. Исключение составляет его журнал 1715—1718 годов, в котором приводится множество сведений о Сибири.

Ланге выехал из Петербурга 18 августа 1715 года, следовал через Шлиссельбург, Старую Ладугу, Переяславль, Ростов, Ярославль, Тотьму, Великий Устюг, Сольвычегодск и 15 января 1716 года прибыл в Соликамск, а 27 января — в Тобольск. Ланге пишет в своем дневнике: «Он расположен на высокой горе, окружен стеной из кирпича, имеет красивый монастырь и церковь, которые

с другими, находящимися в предместьях, придают городу хороший вид. Внизу у подошвы горы протекает река Иртыш, которая на юге вытекает из страны калмыков. В трех верстах отсюда Тобол впадает в Иртыш, оба они поворачивают на запад и север-северо-запад и впадают в реку Обь. Есть тут всякая рыба: стерляди, караси, окуни, осетры, налимы, но стерляди не так вкусны, как те, которые ловят в Оби, Кети и Енисее.

8 февраля мы возобновили свое путешествие и по Иртышу прибыли 16-го в Тару. Этот город, по мнению здешних людей, отстоит в 600 верстах от Тобольска. Между этими двумя городами живут только магометане-татары. Они в своем роде состоятельные люди по числу лошадей, быков, коров, но не по деньгам, которые мало ценят. Редко можно найти юрту или комнату, где не были бы привязаны за очагом три и более телят, из которых они ничего не продают, потому что думают, что коровы до смерти затоскуют.

Вокруг печи пол ниже, и остальные поднятые половицы служат как скамьи, на которые они садятся и греются.

Рядом с печью стоит большой вмазанный котел, в котором они варят свою сушеную рыбу. Хлебом для них является ячменная мука, толченная в деревянной ступе, ее они берут полными пригоршнями и заполняют рот, что можно задохнуться. Чай они пьют тоже с этой мукой и маслом.

При особых пиршествах они забивают, в зависимости от количества гостей, одну или более молодых лошадей; при этом их напиток — брага из овсяной муки, а также водка из кобыльего молока. Чтобы в пьянстве не происходили бы бесчинства, на свадьбе женщин и служаков угощают отдельно в другой юрте вместе с невестой. Их одежда мало чем отличается от русской, но я имею в виду старую русскую моду, которая еще в ходу в Сибири. Крестьянские женщины в России украшают себя серьгами, но кажется, что татарские женщины опережают их в этом отношении, ибо продевают кольца не только через уши, но и через нос. Последнее в ходу больше всего у тех, которые хотят выделяться среди других и хотят казаться благородными; простые женщины вынуждены довольствоваться латунными серьгами.

Дань, которую они ежегодно должны доставлять царю, состоит из пушнины, соболей, лисиц, белок, но они

дают эту дань не только его царскому величеству, но и кантушу, который является калмыцким князем на границе к югу от Сибирской Татарию. Китайцы называют его Цвуанг Раптан (Zwuang Raptan)¹².

Город (Тара) расположен у маленькой реки того же названия, которая в полверсты от города впадает в Иртыш. Он средней величины и окружен частоколом. Здесь мы были вынуждены задержаться несколько дней. 21-го (февраля) мы снова поехали и прибыли в Барабу, которая есть большая пустыня, по которой мы должны были ехать до Томска.

Зимой эту пустыню населяет орда татар, которых русские называют барабинскими татарами и которые летом расходятся по реке Таре и другим малым рекам. Это язычники, и живут они так убого, что их можно сравнить более со скотом, чем с людьми. В их вырытых в земле жилищах примерно на локоть поднимается заборчик, перекрытый соломой, там держат они вырезанного из дерева идола в форме человека. Он длиной примерно в поллоктя и стоит в маленьком ящике и одет в разные тряпки. Этому шайтану (таково его имя) они обещают шапку или воротник, если он поможет получить богатый улов на охоте.

Их пища состоит из сухой рыбы и сухой муки, напитки добывают из растопленного снега, поскольку в пустыне иной воды не найдешь. Они держат мало скота, за исключением лошадей, которые ходят по лесу и находят себе пищу под снегом. За малость табаку, который они очень любят, можно получить все необходимое; денег, напротив, они не ценят.

Их одежда, шапки и чулки состоят из сшитых вместе кусков меха.

Раны свои они лечат трупом, который зажигают и дают ему сгореть на пораженном месте, и кажутся такими нечувствительными, как будто не испытывают жары. Они ежегодно платят дань как царю, так и кантушу, как и другие татары.

Вероятно, эта нация происходит от остяков, которые имеют свое обычное местопребывание на реке Оби, тем более, что и те и другие почитают шайтана.

7 марта мы прибыли к реке Томи. И въехали в город Томск, где разделяется река и течет по обеим сторонам его, соединяясь у конца города снова и впадая в реку Обь.

В районе этого города, с избытком одаренном рыбой, кроме различной пушнины, добывают особый вид белки, по-русски называемой телантской. Она белее и в два раза крупнее обычной. Окружающие горы дают свинец, железо и медь. О серебряных жилах ничего не слышно, но, по сообщению шведских военнопленных, кое-где находят золото: в старых могилах различные древности — золотые и серебряные птицы, идолы, обивку седел, конские мундштуки, уздечки, столовую посуду, перстни и серьги, монеты и т. п., из чего можно заключить, что в древние времена там жила более прекрасная, чем нынешняя, нация, поскольку сейчас у них домашняя утварь состоит из железного котла и посуды, изготовленной из березовой бересты.

Имеются в этой местности горы из хрусталя, и на берегах — недорогоценные камни различной окраски, в особенности одного вида, который превосходит богемские алмазы по блеску и твердости и снова вырождается в другие камни.

13-го (марта) мы снова по хорошей дороге выехали и прибыли к Чулыму, извиристо протекающей по болотистой местности реке; жителей, проживающих у нее, называют чулымскими татарами, но мы нашли лишь пустые их хижины, так как они зимой с женщинами и детьми отправляются на ловлю соболей и на охоту и питаются дичью, а дома насыщаются рыбой.

Пушнина здесь хуже, чем у Тобольска, Тары и Томска...¹³.

24 мая покинули мы Енисейск и продолжали свое путешествие верхом, потому что не хотели ждать, когда раскроются все реки.

После утомительного путешествия мы, наконец, встретили несколько канских татар, которые живут на берегу реки Кана в шалашах из березовой коры и едят вместе со своей рыбой и сырой и вареной дичью корни желтой лилии вместо хлеба, выкапывая их из земли. Они — язычники.

16 июня мы прибыли в Братск, который есть местечко на Ангасе (Ангаре), где эта река впадает в Оку.

Жителей этих мест называют братскими татарами, и они богаты конями, быками, коровами, овцами и т. д., живут в юртах или хижинах из войлока. Считается плохим тот, кто не имеет от четырехсот до пятисот лошадей, не считая остального скота. Они содержат двою жизнь

дичью, добываемой в лесах; когда погибает лошадь, начинается пир, на котором самым крепким напитком является перегнанная из лошадиного молока водка. Когда они совершают бракосочетание, договариваются они с отцом невесты, сколько коней, коров, быков и т. д. он потребует за свою дочь. По заключении контракта жених забирает свои сокровища и приглашает своих (родичей) и соседей на пир с угощением из нескольких забитых молодых лошадей, в заключение которого обычно проходит хорошая пьянка.

За новых невест дают от 70 до 100 коней и столько же быков и овец и свыше 20 верблюдов, которые здесь водятся в большом количестве.

Их богослужение состоит в поклонении старым бараньим шкурам¹⁴, которые висят на жердях вокруг их хижин; перед ними они бросаются ниц и ведут себя как умалишенные, но о своем идолопоклонстве никаких причин не могут указать, как только то, что и их предки вели себя так.

Кто здесь хочет путешествовать, должен иметь при себе хлеб и табак, все остальное он за несколько трубок может получить в избытке. Они часто в подарок чужим приносят овцу, но требуют, чтобы вернули внутренности, которые варят без особой чистоты и едят как деликатес.

Эта нация, как мужчины, так и женщины, одета лучше, чем вышеназванные. Они имеют длинные складчатые кафтаны, а девушки носят заплетенные и украшенные многими латунными побрякушками косы и схожи почти с цыганами.

Поскольку мы в Братске должны были задержаться, нас еще застал комендант Илимска. Город этот расположен отсюда в 30 милях. Он собирал дань для его царского величества и взял меня в свою компанию. Городок расположен в долине между высокими горами и утесами в районе реки того же названия, которая протекает с северо-запада, течет на юг и впадает в Тунгузку. Здесь много соболя, и он чернее, чем в других местах.

10 июля мы прибыли в Иркутск и послали свой паспорт в Западную Татарию или страну Мунгалов к тушидихану (Тушетухану) или вице-королю этой страны, на границе с Россией, и одновременно заявили о своем прибытии, чтобы он смог оповестить об этом императора Китая.

Иркутск и есть тот город, который Исбранд Идес неправильно называет Jekulzku, по горящая пещера, которую упоминает этот автор, уже не видна. Ангара протекает близко около города и имеет свой исток в Байкатском озере; здесь в Ангаре впадает Иркут, от которого город имеет свое название, так как он построен у берега; напротив города находится красивый монастырь. 3 августа мы прибыли на Байкатское озеро, на берегу которого мы обнаружили часовню (Schasosna) или храм, построенный в честь св. Николая и украшенный картинами. Я полагаю, что эта часовня и есть упоминаемый Исбрандом Идесом храм.

Байкал, обычно называемый *Lacus sinicus*, имеет в ширину с востока на запад 35 верст, и по предположению жителей 500 верст с севера на юг. Его называют «святым морем» и не терпят, чтобы его называли озером или *Lacus*. Они думают, что озеро отомстит за позор, и в почтении своем удерживаются от употребления водки, табака и других деликатесов, когда плавают по нему. Удивительно, что в этой стоячей и пресной воде имеются в большом количестве тюлени.

4-го мы сели в наше плоскодонное судно, и нас тащили бечевой вдоль берега из-за противного ветра.

5-го стал он благоприятнее и дал возможность пересечь Байкал, так что мы устроили ночлег на берегу у Посольского монастыря.

6-го мы шли ларусами до реки Селенги, в конце концов мы снова увидели храм св. Николая.

10-го в полдень мы прибыли в Кабанскую, которая является большим населенным пунктом, а не замком, как указывает Исбранд.

11-го по суше следовали до большого населенного пункта Большая Заимка, в котором находится красивый монастырь св. Троицы.

12-го прибыли мы в город Удинск на реке Уде, которая в версте с лишним от города впадает в Селенгу. Крепость построена на высокой горе в форме круга.

14-го мы в полдень прибыли в последний русский город Селенгинск; он имеет небольшую крепость, где обитает исправник (амтман). Река Селенга, от которой он получил свое название, протекает близко от него, она имеет свой исток в стране мунгалов, поворачивает на запад и впадает в Байкал. ...Нам была оказана честь присутствовать при ловле рыбы, которую Исбранд Идес ви-

дел в Удинске: рыбу местные жители называют омулем...

7-го (сентября 1716 года) мы покинули Селенгинск и 9-го прибыли в Сарачин, где с обеих сторон граница между Сибирью и Мунгалами занята караулами»¹⁵.

В 1725 году в Нюрнберге вышел в свет объемистый том под пространном названием: «Наиновейшее государство Сибири, о большой и ранее мало известной Московитской провинции в Азии, раскрывающая не только бывшее и настоящее устройство страны по ее правлению, плодородию и неплодородию ее земли, горам, зверям, рекам, городам и т. п., но и нравы и обычаи самоедов, вогулов, калмыков, остяков, тунгусов, бурятов, монголов и других татарских народов, наряду с историческим известием о странных происшествиях содержащихся в этой стране в плену шведов, о школе в Тобольске и об удивительном начале обращения неверных»¹⁶.

Как видно уже из оглавления, есть все основания предполагать, что часть материалов этого труда была собрана находящимися в Сибири пленными шведскими офицерами¹⁷.

Анонимный автор указывает, что почерпнул материалы для своего труда из известий, Иобранда Идеса, А. Бранда, И. А. Бранда, Доббина, Авриеля, Мейерберга, Олеария, Сандрарта и многих других авторов¹⁸. Имя Витсена также упоминается, но труд голландского ученого был автору неизвестен или известен лишь понаслышке¹⁹. При включении этих материалов в книгу автор допустил лишь незначительные переделки использованных текстов, но не исключил из них почти ни одной подробности²⁰.

Насколько близок порой текст книги «Наиновейшее государство Сибирь» к использованным источникам, может показать один пример — описание Папиногорода (Ляпина городка, остяцкой деревни на реке Сыгве, как предполагает М. П. Алексеев)²¹, заимствованное у Ламартина: «В то время как наш приказчик с подручным был занят торговлей, я пошел прогуляться по городу, который расположен в красивой местности, в небольшой болотистой котловине, окруженной довольно высокими горами; подле города протекает очень красивая и рыбная река; дома дурно построены, низки, все сделаны

из дерева и дерна, щели между бревен проконопачены мхом, а городская мостовая состоит из деревянных досок, плотно пригнанных одна к другой... Важные обитатели этого города носят штаны, чулки, длинное платье, которое у них спускается до пят, и узкие рукава, — все из сукна, у одного — одного, у другого — другого цвета; обувь составляют кожаные сапожки, то синие, то красные, то желтые, с железными подковами на каблуках, как у поляков, а на голове суконная шапка, отороченная то черной лисицей, то горностаем, а у некоторых соболем. Что касается женщин, то они очень красивы, белы и полны, с темнорусыми волосами и, как все москвиты, очень приветливы; подобно своим мужьям, они носят платье до пят из сукна красного, фиолетового или голубого цветов, сшитое наподобие полукафтана, отороченное белым лисьим или собольим мехом, с длинными тысячами рукавами, которые приколоты к платью; других рукавов, куда бы они могли поместить свои руки, у них нет, так как рукава их рубашек необычайно длинны и каждый имеет до пяти локтей длины; сшиты они из очень тонкого полотна и собраны на рукавах в складки. На голове носят они род овального чепчика, а волосы заплетены у них в косы, украшенные лентами, которые спускаются позади плеч. Башмаки у них из русского сафьяна; они носят также пояса из жемчуга средней величины. Что касается до родившихся в Сибири, то они не очень отличаются от самоедов, борандайцев и других северян как по нраву и костюму, так и по образу жизни»²².

Автор книги «Наиновейшее государство Сибирь» дает описание Папиногородка в следующем виде: «Расположен он весело, в середине маленькой болотистой равнины, окруженной очень высокими горами. Вблизи города протекает красивая рыбная река. Дома плохо построенны, низки, из дерева и дерна, с балками. Мостовые не вымощены камнем, а покрыты деревянными плахами.

Наиболее знатные лица городка носят штаны, чулки и длинное платье с узкими рукавами, все из сукна, и того цвета, как кому нравится, а также сапоги из кожи, обитые железными подошвами на пятках и носках. На голове носят они суконную шапку, отороченную шкурками черной лисицы, белой белки и соболем, каждый по своему характеру и положению. Женщины приветливы и красивы, но неуклюжи, волосы их имеют желто-корич-

невый цвет, и фигура их хороша. Их платье, как и у мужчин, достигает лодыжек, красное, буро-фиолетовое или синее, отороченное белой лисицей или соболем. Рукава их платья длинные и свисают, так что для одного рукава едва ли хватает пяти локтей ситца. На голове носят они продолговато-круглую шапку; их волосы заплетены и охвачены лентами, свисают они до плеч. Ботинки из дерева, и вокруг талии носят они пояс с жемчугом»²³.

Следует, однако, учесть, что при всей близости к использованным источникам «Наиновейшее государство Сибирь» не только является ценным сводом систематизированных известий о Сибири многих авторов предшествующего столетия, своеобразной «Сибирской энциклопедией», в духе многих аналогичных трудов эпохи Просвещения, но и содержит ряд небезынересных деталей, являющихся, несомненно, плодом личных наблюдений шведских офицеров-военнопленных, как указывает сам автор в предисловии к книге.

Глава первая «Наиновейшего государства Сибирь» говорит о происхождении самого слова «Сибирь», о границах страны с Китаем, ее истории и развитии по пути прогресса. Сибирь когда-то была дикой и пустынной страной, где ли один человек не мог жить, не впадая в крайнюю опасность, что является причиной того, почему туда ссылают из Москвы преступников, от которых хотят себя уберечь, чтобы они не устраивали в городе беспорядки, а также всех тех, кто впал в немилость царя. И как будто природа специально приуготовила такую тюрьму, ибо Сибирь отделена от Европы высокими горами, через которые ведет только один открытый перевал, который легко запирается сильным караулом. «И было когда-то это наказание таким, как будто ссылают на галеры на два, три, шесть, десять и более лет, в зависимости от преступления, и заставляют заниматься охотой на соболя с величайшей тяготой. Мартиньер²⁴ в своем путешествии в году 1647²⁵ в одном лесу встретил пять таких пленников, из которых один был немцем из нижней Саксонии, другой — дворянином из Лотарингии, бывшим полковником кавалерийского полка великого князя, третий — большим комиссаром царя, четвертый — не меньшего звания. Все они должны были ловить соболей и сдавать ежедневно определенное количество оных, иначе их били кнутом²⁶. То, что они поймают сверх установленного числа, могли свободно продавать. Содержат преступ-

ников неодинаково, некоторых терпимее, других очень строго, в зависимости от преступления. Иным поручают, в зависимости от их поведения, службу по его способностям или по званию, так что они освобождаются от ужасающей нужды, голода, суровой погоды и диких зверей. И имеются примеры, что некоторые такие ссыльные, даже получив разрешение возвратиться в Москву, охотно остаются, выписывают к себе семьи и берут там свое постоянное место жительства. Ибо некоторых ссылают только на определенное время, других до конца жизни» (5—6). Однако, замечает автор книги, ныне многое изменилось в Сибири — «страна стала менее дикой после того, как в Москве установилось правило посылать в Сибирь взятых на польской границе и в других местах в плен людей, которые обязаны были населять и обрабатывать тамошние земли. Так что в настоящее время они уже довольно изучены и настолько культивированы, что можно путешествовать там с такими же удобствами, как почти везде в Европе» (7).

Во второй главе сообщаются сведения о покорении Сибири, о Строганове и Ермаке, в третьей — дается описание шести путей в Сибирь, а также рассматривается вопрос о том, соединена ли по суше Америка с другими частями света, четвертая глава посвящена государственному управлению Сибири: «Примерно десять или двенадцать лет тому назад управлял им (сибирским приказом.— Э. З.) Андрей Андреевич Виниус (Wignius), пржитый немецким отцом и воспитанный в греческой вере, которую принял. Он был хитрым и предприимчивым человеком, держащим воевод в страхе, и отучил их от разбоя и грабежа. Ибо когда прибывающие из Китая и проезжающие через Сибирь купцы достигали Москвы, он прилежно узнавал от них, какую мзду они вынуждены были давать воеводам, и какие им еще несчастья причиняли. И если он узнавал, что с них взяли пошлин свыше должного, или даже обворовали их или ограбили, он устанавливал суровое наказание. Но он не говорил, что узнал это от купцов, а притворялся, что иным путем это дошло до его слуха, или ему сообщили тайком высланные им лазутчики, чтобы воевод не раздражить еще больше, и они не подкараулили бы этих купцов, когда они снова придут, и не лишали бы их даже жизни. Однажды он назначил воеводу на место, с которого его предшественники никогда не хотели собрать для царя

более 600 рублей. Но когда он ему zelo угрожал, чтобы он старался улучшить пользу царю, то он сообщил, когда год кончился, что он собрал царю 1000 рублей. Именно этот Виниус (Wigni) изобличил вице-короля Сибири из рода Черкасских... в неверности и плохом хозяйничаньи» (39).

«Наибольший доход из этой страны состоит из дани от всей пушнина, как соболя, куницы, красных и белых лисиц, горноста, бобра и какая еще там бывает пушнина. Дань соболями царь не берет столько, сколько хочет, а по определенному количеству. Раньше каждый из стоящих в подданстве царя язычник до десяти лет был свободен от дани. На десятом году он ежегодно должен давать два соболя, в одиннадцатом — три, в двенадцатом — четыре, и так далее до двадцатого года ежегодно на один больше и останавливался на двенадцати соболях до пятидесятого года и далее количество это уменьшалось опять с каждым годом. Далее известно, что все пойманные соболя представляют сборщику дани, который берет двадцатого в долю и дань царю. Купцы также вместо подати должны дать царю от десяти соболей одного. Все соболя должны быть доставлены в канцелярию, и цену определяет главный казначей, а также оставляет офицерам их несколько вместо жалованья. И таким образом Сибирь дает, говорят, ежегодно около 200 000 рублей, каковую сумму легко можно было бы увеличить, если бы страна не была так отдалена от Москвы. Один город Енисейск ежегодно дает в царскую казну дань около 24 000 рублей» (39—40).

Пятая глава содержит описание Уральских гор, шестая — растительности и минералов Сибири; указывается на плодородные почвы — «имеется в Сибири такая хорошая для злаков почва, что жителям не нужно удобрять поля, и покупают в Тобольске 100 фунтов ржи за 16 копеек...» (47). Подробно описывается в седьмой главе мир обитающих в Сибири животных и рыб и охота на соболя (57—59), говорится о добыче кабарговой струи, охоте на выхухоля, лося, о легендарном «перевозчике», «какое слово означает нечто, несущее что-то на спине и имеет коричневый и желтоватый мех, смешанный с белым и черным. Мех этот, малый по размерам и не очень теплый, невысоко ценится. Эти перевозчики, говорят, переносят горностаев и белок с берега на берег, откуда и имеют свое название. Белки, когда на одном бе-

реге кончается корм, садятся на маленький обломок дерева, держат хвост вверх вместо паруса и так переплывают реку» (61). Любопытно также описание повадок бобров: «И имеется в Сибири множество бобров. Они питаются рыбой и водятся из-за этого на берегах рек, куда редко приходят люди. Весной они не только держатся стаями, но и собираются из соседних мест, отправляются в поход, берут в плен им подобных и увозят в свои пещеры, где они должны служить в качестве рабов. Они валят своими зубами целые деревья, отвозят их в свои жилища, разрезают на куски определенной длины, соединяя их в своих пещерах в короба, куда приносят свои запасы пищи на лето. И вот наступает время, когда самки приносят детенышей, о чем люди по всей Сибири рассказывают множество удивительных вещей, кажущихся в значительной части невероятными, так что обойдем их молчанием. Но это верно и правдоподобно, что некоторые из бобров должны служить рабами и отличаются от других своей худобой, и шерсть их от множества работы совсем тонкая и стертая. Как русские, так и остяки, отправляясь на ловлю бобров, поступают таким образом, что никогда не опустошают все гнездо, а оставляют всегда пару, именно самца и самку, чтобы на следующий год снова иметь добычу» (62—63).

Эта же глава содержит подробное описание охоты на тюленей и моржей: «Ловля их происходит таким образом: по льдинам, где они водятся, с громким криком бегут на них, отчего они на половину остолбевают, но из любопытства прислушиваются, поднимают нос, вытягивают шею, как гончая, и кричат. Напугав их таким образом, их бьют кольями и палками по носу, отчего они падают замертво, но вскоре снова встают. Другие сопротивляются и кусаются и бегут за людьми и могут бегать так быстро, как человек, их хромота им не мешает, так как скользят наподобие угрю. Другие бегут по льдинам к воде, оставляя за собой желтое дерьмо, как цапля, забрызгивая им охотника. Когда они спариваются, на людей они очень свирепы, так что нелегко попасть к ним на льдину, и держатся вблизи льда в шлюпках и оттуда их бьют. Они нелегко подымают, если вся кровь из них вышла и они сильно ранены и ободраны, для чего требуется много труда, они еще живы и это выглядит ужасно, как они валяются в крови и не могут подохнуть, как скаты, они тогда часто щелкают зубами, когда уже ду-

маешь, что они давно уже подошли, и хватают зубами все, что могут достать, и так крепко, как будто и не ранены. И если тогда проколоть им сердце и печень, оттуда течет столько крови, как из забитого быка» (66—67).

Восьмая глава повествует о реках Сибири, в особенности об Оби, а девятая — о реке Енисее и озере Байкале, об Ангарских водопадах: «Пятый водопад самый опасный, когда нет высокой воды; при высокой воде можно все же рискнуть проехать по нему, и называют его Шаманским или долиной колдуна, так как в этой местности жил знаменитый шаман или тунгусский жрец дьявола. Этот водопад длиной в половину мили, берега усажены высокими утесами и все дно — каменистое. Ужасно смотреть на него, производит он большой и страшный шум, так что быстрый бег воды по отчасти скрытым, отчасти выступающим над водой утесам в плохую погоду можно услышать на расстоянии трех немецких миль. Корабли или досчанники, поднимаясь вверх по этой реке, у этого опасного водопада проводят часто 5, 6 или 7 дней, чтобы поднять на воротах разгруженные суда, бросают якорь и делают это с помощью многих людей, а у некоторых мест, где мелкая вода, а скалы высокие, нужно провозиться целый день, чтобы продвинуться на длину судна, и часто корабль стоит носом прямо вверх. При спуске или подъеме по течению корабль всегда разгружают и грузы доставляют по суше, пока не прошли это опасное место, и тогда опять их нагружают. Преодолевают это расстояние в половину мили вниз по течению за 12 минут, так быстро течет река. Немного встречается среди русских и тунгусов людей, умеющих проводить корабли, снабженные спереди и сзади рулем, а по обеим сторонам веслами; штурманы умеют весьма ловко давать гребцам знаки своим носовым платком, как тянуть; иначе было бы невозможно из-за ужасно шумящей воды услышать крики. Корабль сверху плотно законопачен, чтобы бешеная вода, часто накрывающая его, не могла туда попасть и утопить корабль. И все же каждый год бывают несчастья, особенно когда неопытные штурманы берутся проводить суда, так как они налетают на скрытые утесы и терпят крушение, и невозможно спасти людей, так как они сразу же погибают смертью и их разбивает на утесах, так что и редко удается найти мертвые тела; многие сотни поставленных там

крестов являются знаком, что много там потоплено и погублено людей» (82—84).

Содержащееся в этой главе описание озера Байкал не дает каких-либо существенных новых сведений, но содержит ряд любопытных деталей: «Озеро Байкал имеет в ширину примерно шесть немецких миль и сорок в длину; оно так сильно замерзает, что зимой за шесть часов можно проехать по нему в саниях, что очень опасно, если попадешь в метель или сильный ветер. Впряженные в сани лошади должны быть хорошо подкованы, ибо лед очень скользкий и снег сразу же сдувает ветром со льда. В нем много иногда не замерзающих отдушин, и они очень опасны для путешественников, если поднимется сильный штормовой ветер. А лошадей, если они не очень хорошо подкованы, с такой силой гонит по льду, что им невозможно цепляться копытами. Если они на гладком льду поскользнулись и упали, то ветром гонит их до тех пор, пока сани и лошади не провалятся в ту или иную отдушину и там не погибнут. Из-за таких штормовых ветров время от времени лед взламывается с такой силой и треском, как будто раздался сильный удар грома, и лед расходится на несколько сажений, чтобы несколько часов спустя опять сходитья, как было прежде. Верблюдам, идущим по морю, привязывают своего рода сапоги, хорошо подкованные снизу. Быков подковывают острыми подковами, так как иначе им невозможно передвигаться по скользкому льду. Вода в озере совсем пресная на вкус, но издали выглядит совсем зеленой и чистой, как морская или океанская. В местах, где раздвигаются льды, видно в большом количестве черноватых тюленей, цветом темные, а не пестрые, как в Белом море. А также это озеро очень богато осетрами и большими щуками весом до двухсот немецких фунтов» (83—84).

Определенный интерес представляет двенадцатая глава книги «Наиновейшее государство Сибирь», посвященная описанию сибирских городов, в частности о Тобольске мы читаем: «При описании городов Сибири надлежит начать с главного города Тобола или Тобольского, названного по реке Тоболу. Он расположен на 65° северной широты и 80° долготы, примерно в 350 милях от города Москвы (другие считают 3000 верст или 600 немецких миль) и довольно большой в окружности и построен в русской манере весь из дерева, и укрепления также сделаны из дерева. Ибо русские, имея даже в изобилии

камень и известь, предпочитают жить в деревянных домах, считая это полезным для здоровья. Кроме того, там красивый монастырь, окруженный каменной стеной и высокими сторожевыми башнями, так что он может считаться крепостью. С одной стороны протекает Иртыш, а с другой — Тобол. Город расположен на очень высокой горе, у подножия которой и рядом с городом проживают многие татары и бухарцы, которые ведут большую торговлю с калмыками вплоть до Китая...

Этот город Тобольский является столицей Сибири и резиденцией верховного наместника московитов, куда все города ежегодно доставляют свою дань, откуда она дальше отправляется в Москву, и здесь держат высокий суд, и все чиновники в Самоедии и Сибири должны подчиняться наместнику. Область этого города простирается на юг через Барабу от Верхотурья до реки Оби, на восток до самоедов, на север до остяков, и на запад до Уфы и реки Чусовой. Здесь имеется большой и сильный гарнизон, который по приказу царя может выставить 9000 человек. Кроме этого имеется еще несколько тысяч татар, которые в надлежащих случаях служат его величеству кавалерией. Кроме того здесь пребывает митрополит или архиепископ, который имеет в церковных делах высший надзор и направляется из Москвы, являясь верховной духовной главой по всей Сибири и Даурии.

Окружающая город земля густо заселена русскими — землепашцами, а также различными нациями, татарами и язычниками, ежегодно платящими дань его царскому величеству. Зерно можно там купить очень выгодно, центнер или 100 немецких фунтов за 16 копеек, а также быка за половину или треть талера, довольно большую свинью за 30—35 стюйверов, что составляет около 60 крейцеров. Река Иртыш так богата рыбой, что покупают осетра в 40—50 фунтов за 5—6 копеек или 10 крейцеров; и эти рыбы так жирны, что в котлах, где их варят, стоит жир в палец толщиной. Имеется там множество всякой дичи, как лоси, и вид дикого осла, олени, козули, зайцы и т. д., а из пернатой дичи фазаны, куропатки, лебеди, дикие гуси, аисты, и все это стоит дешевле говядины» (96—98). Здесь же кратко описаны города Енисейск, Иркутск и др.

Последующие главы посвящены описанию жизни и быта якутов, юкагиров, самоедов, вогулов, уфимских татар, башкиров, калмыков, остяков, тунгусов. Как было

указано, помимо ранее опубликованных в Западной Европе известий использованы здесь письма пленных шведов, в частности дословно цитируется «реляция» о религии остяков, включенная в книгу Вреха.

* * *

Среди трудов, созданных пленными шведскими офицерами, особое место занимает книга Филиппа Иоганна Страленберга: «Северная и восточная части Европы и Азии»²⁷. Труд Страленберга выделяется богатством и многообразием материалов и является наиболее полной сибирской энциклопедией XVIII века.

Филипп Иоганн Страленберг (до возведения в дворянство Табберт) родился в Стальзунде в 1676 году. Вступив в качестве волонтера в шведскую армию, он в 1694 году стал капралом, в 1697 — унтер-кондуктором, лейтенантом в 1698 году, полковым квартир-мейстером в Седерманландском полку в 1701 году, капитаном — в 1703 году²⁸.

Страленберг после Полтавского сражения благополучно перебрался через Днепр, но, не найдя в числе спасшихся своего брата, вернулся за ним на левый берег и попал в плен. Он был отправлен вместе с другими пленными, среди которых находился и Врех, сначала в Москву (в 1710 году), а в 1711 году в Тобольск. Здесь он был ревностным помощником Вреха по устройству и преподаванию в основанной шведами школе²⁹.

В Сибири Страленберг пробыл 13 лет и, пользуясь относительной свободой передвижения, составил карту Сибири, которую отослал к одному купцу в Москву. Сам Страленберг по этому поводу пишет, что он сначала два года собирал материал для составления карты, но его заметки при пожаре 1715 года в Тобольске вместе с сундуком, в котором хранились, были украдены. Поощряемый графом Шеншильдом, он снова нарисовал карту на двух больших листах, но ее отобрал князь Гагарин, который объявил Страленбергу, чтобы он не смел этим заниматься под угрозой ссылки к Ледовитому океану: «Когда я в году 1715, как ранее было упомянуто, с большим трудом изготовил карту Сибири и Татарии и хотел ее послать в Россию некоему человеку, пожелавшему ее гравировать в Европе и обещал мне за это 200 специй-талеров, то была таковая отнята тогдашним губернатором

князем Гагариным, когда мой рисунок стал ему известен. Так как этот князь имел Сибирь в аренде и мог по своему усмотрению здесь хозяйничать, а я в карте указал много подробностей и места, где можно найти минералы и т. п., то он не захотел, чтобы подобное стало бы известно императору» (102—103).

В третий раз Страленберг принялся за свою карту после ареста князя Гагарина и отослал ее к одному купцу в Москву³⁰. После смерти последнего карта попала в руки царя, который приказал, если явится за ней неизвестный сочинитель, то представить его к себе. Узнав об этом, Страленберг внес некоторые дополнения и исправления в свой труд и, прибыв по заключении Ништадского мира в Москву, показал новую карту, которая так понравилась Петру, что сочинителю ее было предложено начальство над землемерною частью, чего он, однако, не принял.

Участие в составлении карты принял близкий друг Страленберга — уже названный выше Матери³¹.

Зимой 1720 года со Страленбергом познакомился академик Д. Г. Мессершмидт. Последний обратился в январе 1721 года к сибирскому губернатору князю Черкасскому с просьбой дать «к тому моему делу шведского пленника обер-офицера именем Иван Филиппович Таборт»³². Мессершмидт вместе со Страленбергом в 1721 году ездил вверх по Иртышу до Тары и через Барабинскую степь в Томск, вверх по Томи в Кузнецк и Абакан. В 1722 году Мессершмидт и Страленберг отправились вниз по Енисею в Красноярск.

По поручению Мессершмидта Страленберг совершил ряд экскурсий по изучению сибирских древностей, о чем Мессершмидт неоднократно упоминает в своем дневнике. Так, например, 24 января 1722 года Страленберг и Карл Шульман с проводником отправились к реке Теси, чтобы осмотреть каменное изображение³³, а 18 февраля отправился на Енисей для осмотра надписей на скалах³⁴. Некоторые из этих древностей, зарисованные Шульманом, Страленберг поместил в свою книгу.

В Красноярске, получив в результате Ништадского мира возможность вернуться на родину, Страленберг вместе с Шульманом покинул Мессершмидта в мае 1722 года. При расставании Мессершмидт записал в своем дневнике: «Проливая много слез, я простился с красноречивым, прилежным, верным Табертом, моим единст-

венным другом и подпорою. Теперь я остаюсь без знакомых и помощника; никогда я не забуду моего любезного Табберта!»³⁵.

После возвращения на родину Страленберг в 1723 году получил чин обер-лейтенанта, с 1740 года был комендантом крепости Карлстамм и умер в чине майора в 1747 году, похоронен он в Гетинскирне в Халланде.

В 1726 году Страленберг издал «Предупреждение о подготовленном к печати труде о Великой Татарии и королевстве Сибири»³⁶, а в 1730 году в Стокгольме вышла в свет книга «Северная и восточная части Европы и Азии»²⁷. Труд Страленберга выделяется богатством и берга по изучению истории, географии и этнографии Сибири.

Василий Никитич Татищев, посланный в Швецию Петром I с дипломатической миссией, встречался в Стокгольме со Страленбергом и писал в Петербург, что последний, готовя к печати свое сочинение, желал бы посвятить его Петру I, так как его «описание без всякой противности состоит и паче к славе и пользе Российской», но, не получив согласие на посвящение, посвятил свой труд шведскому королю Фридриху.

В предисловии к книге Страленберг дает краткое введение к историко-географическому описанию северной и восточной частей Европы и Азии, разъясняет план своего труда и дает примечания к приложенным карте и многоязычной таблице.

Основная часть книги содержит тринадцать глав: I. О некоторых именах и обозначениях России; II. О границах, расположении и климате в Русском государстве; III. О старом и новом разделении Русского государства на страны и провинции; IV. О старых и новых резидентах и резиденциях в России; V. О начале и продолжении правления Романовской фамилии и ее ветвях; VI. О правлении императора Петра I; VII. О различии между титулами «царь» и «великий князь» и русском гербе; VIII. О религиях в России; IX. О духовном правлении в России; X. О доходах в России; XI. О военной силе в Русском государстве; XII. О знатных семьях в Русском государстве; XIII. О достопримечательных торговых и ярмарочных городах, далее рудниках, минералах, растительности, произведениях природы, редкостях, древностях, мануфактурах, фабриках и тому подобных вещах в Русском государстве.

Не все разделы книги Страленберга равноценны. Большинство приведенных в ней исторических сведений о России и Сибири носит компилятивный характер³⁸. И. Голиков даже назвал в своем «Опровержении страленберговых нареканий на Петра Великого» шведского ученого «злым клеветником»³⁹. Известия Страленберга о покорении Сибири составлены в основном на материале так называемой Строгановской летописи и Ремезовской летописи⁴⁰. На неточность и сомнительность некоторых этнографических сведений, приведенных Страленбергом, указывает Г. Ф. Миллер⁴¹, на множество ошибок в написании географических названий, наличие лингвистических ляпсусов в свое время обратил вниманис В. Н. Татищев⁴².

Однако, критикуя и уточняя те или иные сведения Страленберга, большинство исследователей все же считает, что Страленберг дал много ценных замечаний по истории, географии и этнографии Сибири. Так, например, Н. Катанов писал, что «следует отдать ему дань справедливости за то богатство новых и ценных сведений о России и Сибири, какие впервые были опубликованы в книге Страленберга, тем более, что о многих местностях до него не было почти вовсе известно в Европе»⁴³. Да и Г. Ф. Миллер, порой сурово порицая Страленберга за допущенные им неточности, считает, что последний имеет много заслуг, «сообщив немало сведений, которые без него мы не имели бы»⁴⁴. О ценности страленберговых известий о сибирских древностях говорит тот факт, что все относящиеся к этому вопросу разделы книги полностью переведены и опубликованы В. Радловым в «Сибирских древностях»⁴⁵.

Наиболее интересны те разделы книги Страленберга, в которых он обобщает собственные свои наблюдения или приводит данные, основанные на личном опыте и общении с местным населением. В частности, Страленберг в виде словаря сообщает множество сведений об имеющихся в Сибири полезных ископаемых, о пушном промысле, животном и растительном мире. Приводим несколько таких описаний:

«Amiantus или асбест: в Сибири есть гора, недалеко от реки Исети и Екатериненбурга, обнаруженная в 1720 году, где оный в большом количестве добывался, и изготовлялись простыни, рукавицы, чулки и т. д., и был найден негорючим. Камень имеет бело-сероватый цвет, но

когда его перерабатывают, он совсем белый и легкий, как хлопок; о негорючем полотне кое-что сообщалось в газетах России в 1724 году» (311).

«Ammoniacum или Salmiac и Salarmoniac. Русские называют его нашатырем и арабы — Alnushader. В Сибири, недалеко от реки Енисея, по направлению к Ледяному морю, горящая гора выбрасывает определенного рода пепел, который признают Floris Ammoniaci или Flores Sulphuris nativi (311).

«Асфальт. У Иртыша, между соляным озером Ямышом и Семью Палатами или домами находят битумное вещество, которое горит, когда его держат вблизи свечи, он лежит в земле не оплошь, а слоями» (308).

«Агат. Драгоценный камень, частично прозрачный, частично темный и при этом различного колера, как красный, белый, черный и цвета коралла; находят в Сибири, в Даурской провинции у рек Амура и Аргуни — такие, которые прозрачны, а в реке Томи, у города Томска и выше, имеются темно-красные и прозрачные маленькие камни, которые, когда их шлифуют, не отличимы от непрозрачно-красных агатов. Настоящие ли они — пусть другие решат» (309).

«Адамова кость... Говорят, что этот минерал находят у Архангельска в земле, смолянисто-черного цвета, как каменный уголь, твердый как камень и с прожилками, как сосновое дерево. Видел часто оную на берегах Оби, величиной до головы человека, а также больше и меньше. Остяки у Оби, как и живущие здесь русские, делают из него веретена, при помощи которых прядут пряжу крапивы руками и обрабатывают почти как другое дерево, хотя оно и тверже и плотнее. Я записал, как ее называют остяки, но моя записная книжка дорогой была утеряна, и я не вспомнил название. Остяки говорят, что этот камень-дерево выпадает из высоких берегов реки Оби и реки Тавды. Между городами Тобольском и Тюменью также находят оную» (309).

«Яшма. В Сибири и в Даурской провинции у города Аргунска есть большая гора из яшмы. Она темная и светло-зеленая, и такая твердая, что не может быть обработана никакой сталью, но может быть отшлифована как зеркало. Император Петр I намеревался поручить изготовить из нее колонны. Князь Гагарин во время нахождения в Тобольске шведов давал гранить маленькие камушки величиной в пуговицы для камзола, с оправой

из золота, и ставил также на конскую упряжь, что выглядело очень красиво» (379).

Страденберг приводит много сведений о пушных зверях Сибири, промысел которых составлял основное занятие населяющих страну народов (разделы словаря «Белка», «Бобер», «Лисицы» и др.), о рудниках, городах, сельском хозяйстве, путях сообщения, караванах.

«Рудники. В русском государстве есть 1) в Сибири и в провинции Даурии серебряный рудник у города Аргунни у реки Серебрянки, который дает довольно добычи, причем находят большое количество свинца, но из-за отсутствия людей и повозок и также далекого и длинного пути там же остается без употребления; и отсюда недалеко к западу, у реки Аги в достаточном количестве находят медную и железную руду, которую так же из-за нехватки людей не могут использовать. Там бергамт с мастерами — греками, саксонцами, шведами и русскими» (331).

«Удобрение полей. Об этом сибирский земледелец особенно не знает, не говоря уже о том, что почва у рек Тобола, Исети и других (где находится истинная житница Сибири и откуда вся мука и зерно доставляются в Тобольск и другие места) черная и жирная, да и там так много земли, что поля можно менять 3—4 раза. В 1714 году купил я себе в городе Тобольске лошадь, чтобы зимой возить на ней дрова. Я арендовал в восьми верстах от города из-за фуража кусок луга, который я сам должен был косить, за что я платил на наши деньги шесть грошей. Завершив косьбу, я получил за свои шесть грошей и труд пять стогов сена, каждый по 20—25 возов на двух лошадях. Этот луг остался бы нескошенным, если бы я его не арендовал, из-за чего такие луга весной поджигаются и палятся, иначе они совсем зарастут» (349).

Много подробностей экономического характера Страденберг приводит и в своих описаниях отдельных сибирских городов:

«Катериненбург. Совсем новый, в 1721 году заложенный город в Сибирской губернии, а именно в Угорской провинции, на реке Исети, между Уральскими горами, получивший свое название в честь умершей царицы Екатерины. Это место находится в 550 верстах от города Тобольска, от города Кунгура в 300 верстах и от города Верхотурья тоже в 300 верстах. Крепость имеет четырехугольную форму, шесть полных и четыре половинных

бастионов; река Исеть протекает через город, на ней большая плотина и у последней заложены следующие заводы и фабрики: 1) две высокие мачтовые печи; 2) четыре молота дляковки прутового железа; 3) три молота дляковки железных плит; 4) две фабрики по изготовлению жести в каменных зданиях, где лудят жечь; 5) фабрика сырой стали, при ней два малых молота и восемь горнов; 6) фабрика по изготовлению стали, в которой два молота; 7) фабрика по изготовлению проволоки с 12 захватами, двумя волочильными станками и двумя малыми молотами; 8) две машины, изготовляющие железные обручи для бочек; 9) машина, которая режет прутковое железо на большие куски проволоки и гвозди; 10) большой молот для изготовления якорей; 11) две машины для изготовления клинков шпаг; 12) машины для просверливания и попарной обработки пушек; 13) три штихофена и два крумофена для выплавки меди и обжигательная печь; 14) лесопильня с тремя рамами. Все это приводится в движение рекой и водой через 42 колеса. Мастера на этих заводах в большинстве немцы, имеют свои собственные дома, которые построены совершенно одинаковыми, и кроме русской они имеют свою собственную церковь и немецкого священника, который обучает детей чтению, счету и языку» (341).

«Якутск (Jakutskoi). Главный город в провинции того же названия, расположенный у реки Лены в 100 немецких милях от Ледовитого моря, где находится обер-комендант и имеет под своей командой всю страну Камчатку. Почва в этих местах, хотя и расположенных далеко к северу и к Ледовитому морю, пригодна к росту злаковых, чего нет в других местах, расположенных к востоку; но жители этим особенно не пользуются из-за соболей, лисец и другой охоты, оставляя старопашенную елань (Starrig raschni Jalahu), т. е. поле старой или ранее используемой пахоты, необработанной. Здесь еще и та причина, что у рек Витима и Киинги растет хороший хлеб, который доставляется по реке, текущей отсюда вниз к морю. И хотя сеют мало, растут различные злаки, но не высоко в солому, а лишь примерно на поллоктя. Как только посевы вышли из земли, они сразу уходят в колос и созревают в шесть недель, поскольку солнце над этим горизонтом почти или совсем не заходит, и почва имеет днем и ночью тепло. И очень странно, что в это время здесь нет дождей, а почва, которая здесь жирная и чер-

ная, не оттаивает глубже чем на один или полтора локтя, так что корни снизу имеют влагу и сырость, а сверху резкую жару, так что зерно скоро поспевает. Что расположенные западнее страны не имеют таких преимуществ, бесспорно зависит от острова Новая Земля, расположенного как раз напротив со своими ледяными горами. В этих местах и у Якутска имеется хорошая порода коней, довольно рослых и привыкших к тому, что пасутся всю зиму, сами отгребают снег, а также питаются лежащей под снегом травой, а также почками берез и осин, причем они тогда глаже, толще и жирнее, чем летом, кроме того, что волосы у них тогда длиннее. Недалеко от города Якутска, на запад, есть река Вилюй (Wilgui), у истока которой есть огнедышащая гора, которая одновременно выбрасывает пепел, который считают flores Salis artopiasii, о чем под титулом «Горы» уже шла речь, но место и расположение этой горы в спешке были названы неправильно» (378—379).

Страленберг, часто разъезжая по Сибири, особенно интересовался путями сообщения и средствами передвижения, используя не только рассказы и письменные сообщения многих путешественников, но и расспрашивая местных жителей. Так, например, Страленберг сообщает о беседе с 80-летним хозяином квартиры в Тобольске, который долго прожил в Туруханске. Этот старожил рассказал, «что во время пребывания в Туруханске однажды случилось, что русский холоп сбежал от своего господина и, чтобы его господин не мог его преследовать, пешком отправился в северном направлении по перешейку и прибыл на Новую Землю, откуда он обошел Малую Тасовскую и у ее северной стороны у пролива Вайгача, где лед был еще крепок, вышел к устью реки Оби. Этот старик одновременно мне рассказал, что люди в городе Туруханске обнаружили различные вещи с немецких кораблей, погибших в море или в губе Тасовской, как ружья, шпаги, алебарды» (8).

Попавшие таким образом в распоряжение Страленберга сведения о сибирских путях сообщения он обобщает в двух статьях: «Путешествия по воде и суше из России в Сибирь» и «Караваны»:

«Путешествие по воде и суше из России в Сибирь. Обычные сухопутные дороги из города Москвы в Сибирь указаны на моей карте, они также описаны другими авторами, Исбрандом Идесом и в «Преобразованной Рос-

ени» на стр. 72. Но можно избрать и другую: па Казань, оттуда в г. Уфу и отсюда через татарские башкиры в Сибирь, но не всегда без хорошей свиты здесь безопасно путешествовать. Летом товары могут быть доставлены водой из Вологды, мимо города Усть-Юга (Ust-juga) в реку Вычегду (Witzlogda) и по ней вверх до ее истоков, из которых вытекает ручей по названию Кельтма (Kaeltma), по которому суда прибывают в Каму, мимо Соликамска и так далее в реку Чусовую до Сибири. Но описание дороги, идущей от Соликамска водой на север в Сибирь, я не нашел ни у одного писателя, почему я и хочу дать об этом несколько известий. Из Соликамска водой следуют в реку Каму и по ней вверх до устья реки Колвы, по ней следуют до соединения с рекой Вишерой (Witschioga), поднимаются по ней вверх на 50 миль, оставляют ее слева и входят в Вольфиан (Wolfian), пока не доходят до гор, где находится маленький промежуток земли шириной примерно в 4 мили, называемый Кольским волоком. Через него по суше идут до речушки Колл, по которой опять водой следуют до Вазы, из нее в Лосьву (Loswa), далее в Тавду, мимо города Пелыма и так до города Тобольска; но если по этому пути хотят идти севернее в Сибирь, к примеру до города Березова, переходят из Вазы навстречу Косье до конца, где между истоком реки Усы и нею есть промежуток земли, называемый Шем-волоком (Schem-Wolock) шириной в две мили. По реке Усе попадают в Елец, у его конца снова есть волок или промежуток земли, по которому следуют по суше. И если отсюда снова по воде следовать в реку Salazkia, прибывают в г. Березов. А из Архангельска в Соликамск идут по реке Двине в реку Вимм (Wimm) и Нимм (Nimm) через волок по названию Буконии, шириной только в 7 верст, после чего попадают в ручей Малок и по нему следуют в Колву до города Чердынъ (Tzordian) и Соликамск. Но если хотят следовать из Архангельска вдоль берега на восток до устья реки Печоры, то оттуда можно малыми судами подняться вверх по этой реке и попасть в сибирские северные земли; а из Печоры попадают в р. Усу, у начала которой вытекают два ручья. Елец и Черная, через которые попадают в горы, и из них в реку Сось, которая впадает в большую Обь. А через Елец идут до г. Березова, как было указано выше. Я намеревался под этим титулом указать все главные дороги в Сибирь, через нее и из нее в пограничные

области, но так как это займет много места, оставляю до следующего случая. Но поскольку речь зашла о дорогах в Сибири, я должен здесь указать, какой странный путешеводитель я имел в 1722 году в Сибири, когда я, после заключения мира, предпринял свое возвращение из гор. Красноярска в Тобольск. Я уже выше упомянул, что в этом путешествии мой проводник сбежал. Когда я на реке Чулыме прибыл в маленькую крепость Уртамский острог (Urtamische Ostrock), где находился русский казачий караул, пожаловался я о случившемся и что не знаю, как мне дальше следовать; правда, у меня на моих плотах пять татар-гребцов, но я обеспокоен, как бы и они не удрали, и я буду брошен на своем пути. На что мне один из казаков ответил, что это ничего не значит, я уж как-нибудь проследую дальше, раз я уже получил гребцов, они уже сами найдут себе смену, но он даст мне такой совет — послать одного из гребцов в маленькой лодке вперед к следующей сменной хижине (Ablösungs-Hütte) или юрте и вместе с ним послать маленькую веревку толщиной примерно в палец, в которой завязаны три узла, и пусть он скажет, что за ним следует господин с распоряжением о смене (Ablösungs-Ordre). Я так и сделал, и с божьей помощью отправился на своих плотах с оставшимися четырьмя гребцами. Как только я прибывал к хижине, стояли уже наготове четыре парня у берега, и я только спрашивал, прибыла ли моя веревка и отправлена ли она дальше. Тогда они отвечали «да»; благодаря этой веревке я везде счастливо проследовал. Здесь мне вспоминается, что я прочел о северном пути по воде, предпринятом на Новую Землю, правда, я не помню, в каком месте, но я все же в этом уверен. Однажды мореплаватель на берегу земли Борондай, находящейся между Печорой и Новой Землей, бросил якорь, и когда он опросил живущих там самоедов о всех обстоятельствах этих мест, один из них сказал ему, что придется следовать по дурным местам, пока он не доберется до Вайгача. Но если он хочет успеть быстро, то он может получить веревку с тремя узлами, и пусть он развяжет у первого места первый узел, и тогда он получит сильный ветер. И когда он прибудет к другому месту, то пусть он развяжет второй узел, и тогда он получит сильный ветер; но он не советует развязать третий узел, так как тогда возникнет пре-большой шторм, от которого он может претерпеть крушение. Мореплаватель выменял веревку с тремя узлами и

последовал совету относительно первых двух из них, через что он счастливо объехал два выступа, но он был такой чудной, что хотел попробовать и третий, от какой попытки он чуть не погиб, так как поднялся такой ужасный шторм, что он, не случись вблизи гавань, несомненно стал бы несчастным. Отсюда видно, что хотя дело с моей трехузловой веревкой другого рода, все же способ употребления таких узлов одинаков как у татар, так и у самоедов... Я его тогда не спросил о причине, и почему они так поступают, я был так доволен, что сообщенная мне выдумка была таким хорошим средством, при помощи которой я так быстро путешествовал» (427—429).

«Караваны. Из России ежегодно идет большой караван в Китай; товары, которые берут с собой купцы, в большинстве случаев состоят из соболей, лисиц, белок, горностаев и других меховых изделий, затем простыни, полотно и всякие галантерейные товары. Когда караваны прибывают на китайско-монгольскую границу, их встречают китайские комиссары и за китайский счет доставляют до столицы Пекина и там три месяца как люди, так и верблюды содержатся; за это время русские должны продать или обменять свои товары. По истечении этого времени караван снова конвоируется за китайский счет. Они выходят из Москвы в зимнее время и возвращаются на третий год, привозят с собой шелковые и хлопчато-бумажные товары, золото, драгоценные камни, фарфор и другие вещи; от каковой торговли Россия имеет большую прибыль. Торгующие в караванах купцы имеют то преимущество, что они торгуют свои товары не только китайцам, но и в Сибири, и имеют на пути туда в сибирских русских городах, а на обратном пути с татарами торговлю, выменивая за меха и другие товары китайский табак (или шар), каковой они также, как и китайские товары, продают с хорошей прибылью. Мне говорили, если кто-либо свой капитал отдаст на три года для торговли с Китаем, он ко времени получит в два раза столько же. Когда идут из России в Китай, оплачивают на каждый рубль стоимости в городе Верхотурье — 1 гривен, в Тобольске — 1 гривен и в Селенгинске — 4 гривны; напротив, на обратном пути платят не больше 5 копеек с каждого рубля товара в тех местах, где его продают. Черные соболя и лисицы не доставляют в Китай, а только красные и, последние, светлого цвета. Мыло,

европейскую белую и разные сорта турецкой золото-пестрой бумаги, позолоченную кожу берут также в Китай, маленькие стеклянные бусы различного цвета и подобные безделушки, в особенности швейные иглы очень охотно потребляют татары, остяки, тунгусы и другие язычники; бобровые меха берут монголы; порох и свинец строго запрещается доставлять татарам в Сибири, хотя они и оплачивают их очень дорого» (340—341).

Страленберг лично знал князя Матвея Петровича Гагарина и дал в своей книге выразительный портрет этого вельможи, бывшего на протяжении многих лет неограниченным властителем Сибири и снятого в 1719 году с поста губернатора за злоупотребления властью, разорение и грабеж. В этом же году велено было «сказывать в городах Сибирской губернии, что он, Гагарин, плут и недобрый человек, и в Сибири ему губернатором не быть». Гагарин был предан суду и казнен в 1721 году в Петербурге.

О Гагарине Страленберг пишет следующее:

«И когда царь впервые разделил государство на восемь губерний и в каждую назначил генерал-губернатора, которым отдал в аренду губернии с условием, чтобы они сами нашли метод, как доставить указанную сумму из каждой губернии ежегодно в кассу, к чему он предоставил им свободу принять вице-губернаторов, ландратов и других служащих по своему желанию; так можно себе легко представить, как при этом существовала бедная страна, примером чего особо является Сибирская губерния, которой князь Гагарин, как генерал-губернатор и арендатор, причинил неописуемые несчастья.

И когда дал царь остальные губернии в аренду и нашел у Сибирской, что таковая по своей величине приносит слишком мало дохода, он ее оценил на 200 000 рублей выше и после этого объявил об ее аренде.

Оная сначала была предложена Строганову, который, однако, смиренно отказался от такого пространного дела и предложения милости и при этом дал понять, что все приобретенное его предками соленым потом и кровью охотнее сохранит для содержания своей семьи; он к тому же не откажет его величеству и государству помочь при необходимости в нескольких сотнях тысяч рублей к налогу и подати. И, значит, никто не принял указанную за Сибирскую губернию сумму, пока некий

дворянин (позже князь) Гагарин не предложил свою услугу.

Когда он был в Сибирской, именуемой Иркутской провинции ландсгауптманом или воеводою, он изрядно изучил случаи делать деньги в Сибири и согласился на эту кондицию. И, несмотря на то, что он из-за ужасных козней, которые применял в своем бывшем воеводстве, еще ранее был приговорен к виселице, от которой тогда освободился отдачей большой суммы денег, которые приобрел в Иркутске, такому опороченному человеку вся эта губерния была отдана в аренду, так и исход его показал, как прекрасно он ею управлял» (237—238).

Страленберг подробно рассказывает о планах превращения Сибирской губернии в самостоятельное королевство, якобы разрабатываемых Гагариным, который стремился с этой целью завоевать расположение простых людей. Когда ему нужно было набирать рекрутов, он из близко лежащих к русской границе Пермской, Вятской и Печорской губерний брал в два раза больше, а другие города страны он щадил, но не забывал брать за это деньги. «Он в Сибири снял свой парик и одевался в наполовину русское, наполовину немецкое платье, притворялся очень благочестивым, ежедневно посещал церковь и строго придерживался постов, с крестьянами при входе и выходе из церкви милостиво разговаривал, обнадеживал их лучшими временами, и таким просителям всегда давал быстрое решение обещанием возможной помощи. Так, он не забывал оказывать много добра шведским пленным и очень беспокоился, чтобы они в своей бедности могли что-нибудь заработать» (253).

«Далее Гагарин принял хорошее устройство, чтобы задерживать устные и письменные донесения из Сибири. Для этого он все дороги между Россией и Сибирью закрыл хорошими караулами, запрещал путешественникам под угрозой смерти следовать по ним и оставил открытым только Верхотурский проход, где он поставил одного из своих близких родственников как верного исполнителя своих приказаний по имени Траханиотова, который очень старательно наблюдал, чтобы никто без паспорта губернатора и его письма к должностным лицам не проезжал. Если же тот или иной честный русский человек возражал против этого, его отправляли в самую отдаленную провинцию, откуда и нельзя было узнать, куда он делся» (254)⁴⁶.

Страленберг сообщает, что Гагарин организовал военные отряды, создал сибирскую милицию в составе двух драгунских полков. «Он легко мог создать пехоту и в случае необходимости мог иметь много шведских пленных в качестве офицеров». Но ему не хватало ружей и пороха. «Пушек же и принадлежащих к ним ядер было достаточно в запасе и в работе на сибирских железодельных заводах». Тогда Гагарин придумал следующее: «Он послал несколько человек в Бухару (где некоторые реки содержат немного золотого песку) и закупал его там столько, сколько только мог достать. И когда собрали около 10 фунтов, он с ними совершил путешествие в Петербург и доложил царю, сказав, что золотой песок можно найти ближе, чем это было на самом деле. Но при этом он доложил, что не так легко туда попасть, и калмыков только силой можно заставить пропустить русские отряды, а он бы захватил эти места, если ему предоставят для 100 000 человек ружья и амуницию, и еще мастеров по изготовлению ружей и пороха. Все остальное найдется в самой Сибири.

Царь, которому это предложение было очень приятно, оказал ему много милости, обещая все послать, но этой лисе не особенно доверял, а назначил полковника Бухгольца, которого Гагарин должен был снабдить всем необходимым для этой экспедиции, что для Гагарина было тяжелой и неприятной вестью, но он должен был смириться с тем, что названный полковник вскоре с 300 солдатами вышел из Тобольска, чтобы занять стоянку на Иртыше, вследствие чего постепенно все интриги князя Гагарина не только открылись, но он, наконец, был после семикратной пытки приговорен к заслуженному наказанию, к виселице. Что Сибирь протерпела и как она была разорена его арендой, очевидно» (253)⁴⁷.

Страленберг оставил также несколько любопытных заметок о нравах и обычаях народов Сибири, основанных на наблюдениях, сделанных главным образом во время возвращения на родину. О добром нраве обитателей Сибири он пишет:

«Хотя русское духовенство применило много усилий, чтобы их обратить в христианскую веру, оно до сих пор добилось еще мало успехов, так как эти язычники, во-первых, живут по лесам очень рассеяно и редко находятся постоянно в одном месте, во-вторых, потому что у них нет книг и письмен и они не понимают русского языка.

Напротив, те, что живут в деревнях среди русских, почти все крещены, говорят по-русски и так, что их невозможно отличить от русских.

При всем этом, как бы глупы и простодушны эти язычники ни были, они при этом очень естественные, искренние и благочестивые люди, которые мало знают о ложных клятвах, воровстве, блуде, чревоугодии, обмане и тому подобных больших пороках. Редко найдется среди них такой, который напрасно обвинит кого-нибудь, за исключением тех, которые живут среди русских христиан, от которых они постепенно учатся этому.

Последнее, о чем я сообщил, я могу подтвердить собственным примером. Когда я в 1722 году после получения известия, что мир на севере заключен, отправился в обратный путь из города Красноярска, у реки Енисея и расстался с доктором Мессершмидтом, с которым я совершил путешествие из Тобольска в глубь Сибири, у меня не осталось спутников кроме шведского мальчика примерно в 14 или 15 лет.

Правда, мне тогдашним комендантом Красноярска был дан русский проводник, который должен был меня сопровождать до Тобольска, но оный убежал от меня во время пути и, значит, я именем бога должен был со своим юным спутником пробираться через всех этих язычников. Я заставил построить для себя на реке Кемчике плот из бревен, на котором я проплыл в Чулым, а из него в Обь. Приказом красноярского коменданта мне было дано пять гребцов или татар, или язычников.

И хотя мой проводник удрал, я только показывал тем языщикам свой паспорт во всех местах, куда я прибывал из одной юрты в другую. Я могу подтвердить, что у меня не было ни малейших пропаж, что они могли сделать, поскольку я был один и ночью во время следования спал на плоту, а они иногда, прежде чем я проснулся, уже три или четыре раза менялись; каковое однокое путешествие я между Тобольском и Москвой не хотел бы рискнуть, где бы меня русские разбойники так свободно не пропустили бы. И когда я у реки Оби по определенным причинам остановился на 14 дней у остяков и стал у них на квартиру, я все свои немногие товары, которые вез с собой, открыто держал в хижине, где жило целое семейство, и не обнаружил ни малейшей пропажи.

Любопытное происшествие сообщил мне в Тобольске один русский: оный, когда он следовал из этого места в город Березов, расположенный севернее Тобольска в 12 дней пути, ночью остановились в остяцкой юрте или хижине; когда он отдалился примерно на милю, он теряет кошелек, в котором было без малого сто рублей. Поскольку здесь дороги объезжаются не так часто, как в Европе, то приходит сын остяка, бывший на охоте, случайно натывается на место, где лежит кошелек с деньгами. Оный его не берет, а приходит домой и сообщает отцу, что он нашел в таком-то месте. Отец приказывает сыну, чтобы он снова туда пошел и закрыл бы кустом, чтобы собственник кошелька, если он когда-либо даст о себе знать, мог бы его оттуда взять. Этот кошелек лежал там свыше трех месяцев, и когда по истечению этого времени русский на обратном пути остановился у названного остяка, который не знал его, и рассказал, как он был несчастлив в пути, обрадовался остяк и сказал: «Ты ли тот человек, которому принадлежит кошелек? Я пошлю с тобой своего сына, тот тебе покажет, где он лежит, ты можешь сам его взять». Такой веры и в Израиле не много найдешь!» (281).

Сказанное дает нам право утверждать, что вклад, внесенный шведскими офицерами, находящимися в ссылке в восточных частях России в 20—30-х годах XVIII столетия, в историю накопления знаний о Сибири значителен. Благодаря стараниям Мюллера, Рената, Ланге, Страленберга и др. были зафиксированы и частично обобщены ценные исторические, этнографические, географические и картографические материалы, которые в противном случае, возможно, были бы сейчас утеряны. Большой интерес представляют также отдельные наблюдения пленных шведов о нравах и обычаях народов, населяющих Сибирь, наблюдения, дополняющие и уточняющие те источники, которые уже вошли в широкий научный обиход.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библиографию публикаций дневников Л. Ланге см. A. Strindberg, Philipp Johann Strahlenberg och hans Karta öfver Asien, Svenska Sällskapet för Antropologi och Geografi, Geografiska Sektions Tidskrift, 1879, B. I, № 6.

² Н. Катанов, Известия Лоренца Ланге о Сибири и сибирских инородцах, Ежегодник Тобольского губернского музея, 1904, вып. XVI, Тобольск, 1905, стр. 1. Г. И. Унферцагт писал в своем дневнике, что «после того как доктор Гарвин, уроженец Англии, с лейтенантом по имени Ланге, уроженцем Стокгольма, вернулся из своего путешествия в Китай и преподнес его царскому величеству привезенные редкости, его царское величество пожелало снова отправить туда посольство, для чего лейтенанту Ланге была дана комиссия в 600 рублей на подарки китайцам... Резидент Ланге, который вышеуказанные подарки закупил, был там уже ранее с доктором медицины по имени Томас Гарвин, по настоянию китайского императора должен был остаться в Пекине.

³ Б. Курц, Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII столетия, Киев, стр. 17. См. также Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII, XVIII столетиях, Днепропетровск, 1928, стр. 64—69.

⁴ Н. Бантыш-Каменский, Ук. соч., стр. 242.

⁵ Памятники сибирской истории XVIII века, кн. 2, 1713—1724, СПб., 1885, стр. 374—386.

⁶ Б. Курц, Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII столетия, Киев, стр. 31.

⁷ Там же, стр. 35.

⁸ Н. Бантыш-Каменский, Ук. со., стр. 242.

⁹ Б. Курц, Ук. соч., стр. 40.

¹⁰ Там же, стр. 55.

¹¹ Там же, стр. 69.

¹² Цеван Раптан, калмыцкий контайша, ум. в 1727 г. Бантыш-Каменский, Ук. соч., стр. 75.

¹³ Далее идет подробное описание мамонтовой кости. Ланге делает ряд предположений о происхождении этой кости и в этом отношении в основном повторяет сведения Г. Новицкого. Вероятно, Ланге встречался с Г. Новицким или был знаком с записками Мюллера.

¹⁴ По мнению Н. Катанова, Ланге под старыми бараньими шкурами подразумевает монгольские ошпоны и татарские тóс'ы, т. е. изображения духов-хранителей. См. Н. Катанов, Ук. соч., стр. 7.

¹⁵ „Das veränderte Russland“, S. 73—72.

¹⁶ Der allerneueste, Staat von Siberien, einer grossen und zuvor wenig bekannten Moscovitischen Provinz in Asien, entdeckend nicht nur die ehemalige und gegenwärtige Beschaffenheit des Landes, nach Seiner Regierung, nach der Gegend Frucht- und Unfruchtbarkeit, Gebürgen, Thieren, Flüssen, Städten u d. g. Sondern auch die Sitten und Gebräuche der Samojeden, Wagullen, Calmucken, Ostiakern, Tungusen, Buratten, Mongolen und anderer Tartarischen Völckern Nebst einer Historischen Nachricht von den merckwürdigen Begebenheiten derer in diesem Lande gefangenen Schweden, von der Schule zu Tobolsky, und vom wunderbaren Anfang zur Bekehrung der Ungläubigen. Nürnberg, 1725.

¹⁷ См. М. П. Алексеев, Ук. соч., стр. 531. Иной точки зрения придерживается А. И. Андреев, считая автором книги немца. См. А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. II, стр. 33. Полагаю, что одно другое не исключает — известно, что в шведской

армии было немало офицеров немецкой национальности, да и шведские авторы часто пользовались немецким языком; например, Врех, Мюллер, Страленберг, как известно, издавали свои труды на немецком языке.

¹⁸ „Der allerneueste Staat von Siberien,“ Vorrede.

¹⁹ «Не без основания я сомневаюсь, вышла ли эта книга когда-либо из печати, ибо лучшие знатоки хороших книг не могут вспомнить, что они ее видели в натуре или в каталоге. Следовательно, ее хранят в Голландии в рукописи. А если она напечатана, то нам она, немцам, неизвестна». Там же.

²⁰ М. П. Алексеев, Ук. соч., стр. 531.

²¹ Предположение, на наш взгляд, не очень убедительное. Как видно из приводимого отрывка, речь идет именно о городе, а не об остояцкой деревне с ее шалашами.

²² М. П. Алексеев. Ук. соч., стр. 317—318.

²³ „Der allerneueste Staat von Siberien“, S. 102—103.

²⁴ Т. е. Ламартиньер. См. М. П. Алексеев, Ук. соч., стр. 314—320.

²⁵ Неточно. Как известно, морская экспедиция датского торгового общества, в которой участвовал Мартиньер, началась в конце февраля 1653 года. См. М. П. Алексеев, Ук. соч., стр. 314.

²⁶ Это описание, а также встречающееся ниже (101) название города Позма (Роhem) — очевидно, Пелыма, дает возможность утвердить, что материал книги «Наинейшее государство Сибирь» был использован Геллертом при написании романа «Жизнь шведской графини фон Г.». В «Наинейшем государстве Сибирь» мы читаем: «...город Роhem на реке Тассе (Тавде?), в 14 днях пути от Тобольска...»; у Геллерта: «...город Phoem, в 14 днях пути от Тоска». С. F. Gellerts sammtliche Schriften, IV Theil, Reutlingen 1775, S. 361. В другом месте, на стр. 372 книги Геллерта, дается описание Роhem. См. Э. П. Зиннер, Немецкий писатель-просветитель в Сибири, Ученые записки Иркутского гос. педагогического института, вып. VII, Иркутск, 1941, стр. 69.

²⁷ Das Nord-und Östliche Theil von Europa und Asia, inso weit solches das gantze Russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, in einer Historisch Geographischen Beschreibung der alten und neueren Zeiten, und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellet, nebst einer noch niemals ans Licht gegebenen Tabula Polyglotta von zwey und dreyszigerley Arten Tatarischer Völcker Sprachen und einem Kalmucktschen Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen land-Charte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupfferstichen so die Asiatisch-scythische Antiquität betreffen; bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschaft in Russland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf dessen verstatzten weiten Reisen zusammengebracht und ausgefertigt von Philipp Johann von Strahlenberg, Stockholm, in Verlegung des Autoris, 1730.

²⁸ A. Strindberg, Op. cit.

²⁹ И. Тыжнов, Обзор иностранных известий о Сибири 2-й половины XVI века. Сибирский сборник, 1890, Иркутск, вып. 1, стр. 49. См. также статью Н. Катанова, Швед Филипп-Иоганн Страленберг и труды его по России и Сибири, Известия Общества археологии, истории и этнографии, т. XIX, вып. 2, Казань, 1903, стр. 170—174;

А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. II, стр. 38 и сл.; Ennes, Op. cit., p. 449.

³⁰ П. Пекарский, Науки и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862, стр. 355. Дж. Белл в своем путевом дневнике (декабрь 1719 года) пишет, что встретился со Страленбергом в Тобольске: «Капитан Табор, шведский офицер, в это время писал историю Сибири. Он был джентельменом, весьма способным для подобного предприятия; и, ежели она когда-либо будет опубликована, она не сможет не дать большого удовлетворения любознательным». Bell, Op. cit., vol. I, p. 192.

³¹ И. А. Матерн, шведский лейтенант, родился в 1683 году, после возвращения на родину стал полковником, умер в 1767 или 1768 году. См. Ennes, Op. cit., p. 420.

³² П. Пекарский, Ук. соч., стр. 353.

³³ В. Радлов, Сибирские древности, т. I, в вып. I, СПб., 1888, стр. 14.

³⁴ Там же, стр. 15.

³⁵ Pallas Neue Nord. Beiträge, B. III, S. 97—109.

³⁶ Vorbericht eines zum Druck verfertigten Werckes von der Grossen Tartarey und dem Königreiche Siberien, mit einem Anhang von Gross-Russland. Worinnen von dem Autore die Einrichtung und vornehmsten Contenta desselben, vorgetragen werden Stockholm, Anno, 1726.

³⁷ См. В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. Соч. Нила Попова, М., 1861, стр. 440, 585—586—589, 708—709.

³⁸ Н. Катанов, Ук., соч., стр. 172.

³⁹ И. И. Голиков, Ук., соч., т. III, стр. 339—434.

⁴⁰ И. Тыжнов считает, что в отличие от работ И. Массы, Ю. Крижанича и Витсена, имеющих самостоятельное значение и в некоторых случаях дополняющих русские летописи, известия Страленберга имеют лишь историко-литературное значение. См. И. Тыжнов, Ук., соч., стр. 39 и 55.

⁴¹ Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М.-Л., 1937, стр. 174, 175, 184—188, 221, 247, 248—249, 473, 512, 526 и др.

⁴² См. Примечания на книгу учиненную г-ном Стралембергом, нмянуемую северной, восточной страны Европы и Азии, печатанной 1730 году в Стокгольме (рукопись), библиотека АН СССР (Ленинград), 177.9.7.

Татищев ознакомился с текстом книги Стралемберга по сделанному для него сокращенному переводу 1738 года. Об отношении Татищева к труду Страленберга см. В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. Сочинение Нила Попова, М., 1861, стр. 440, 585, 586—589, 708—709.

⁴³ Н. Катанов, Ук. соч., стр. 172.

⁴⁴ Г. Ф. Миллер, История Сибири, стр. 534.

⁴⁵ В. Радлов, Сибирские древности, т. I вып. I, стр. 24—50.

⁴⁶ Около 1717 года Гагарин направил комиссару И. И. Траханотову в Верхотурье «Указ о том, чтоб никто не провозил и не посылал в Сибирь и из Сибири тайно писем шведских пленных». Памятники сибирской истории XVIII века, кн. II, 1713—1724, СПб., 1885, стр. 167—168.

⁴⁷ Там же, стр. 33—37, 135—136 и др.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИЗВЕСТИЯ УЧАСТНИКОВ СИБИРСКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА. (Мессершмидт, Паллас, Георги, Гмелин, Лаксман, Зиверс).

Большинство известий зарубежных ученых начала XVIII столетия при всем их богатстве и многообразии все же дают довольно случайные и разрозненные сведения. Им как бы не хватает целеустремленности, они как бы сопутствуют другим, политическим или дипломатическим явлениям. Таковы, например, содержащиеся в трудах Белла, Унферцагта и Ланге материалы. Не присущий истинному исследователю дух поиска, а печальная необходимость — плен — заставляли шведских офицеров Страленберга, Мюллера, Рената заниматься изучением природы и общественного уклада неведомой и порой совсем чуждой им страны, изучением, к которому они, кстати, были подготовлены недостаточно — некоторый дилетантизм трудов Страленберга был отмечен еще его современниками¹. К тому же ранние «сибирские экспедиции» начала XVIII века, как правило, в материальном отношении были оснащены явно недостаточно; проезд по пустынным областям Сибири был медлителен и тягостен, и это заставляло невольно уклоняться от затруднительных и труднодоступных мест, менять произвольно маршруты, что, конечно, не способствовало непрерывности и полноте сделанных наблюдений, часто приводило к описательности и созерцательности². Но, начиная с 20-х годов XVIII столетия, научное изучение Сибири приобретает иной, организованный и систематический характер. «Планирование, руководство и материальное обеспечение сибирских научных экспедиций пе-

реходят в руки центральных государственных учреждений, действовавших с большим размахом в доселе невиданном масштабе»³. Таковы организованные еще в царствование Петра Беринговы путешествия и ряд аналогичных предприятий, в которых участвовали не отдельные ученые-одиночки, а целые научные коллективы. Наука стала государственной необходимостью, воячески поощрялась материально и духовно, вопрос о подготовке научных сил становится делом первостепенной государственной важности, к научной деятельности привлекаются многие иностранцы, в первую очередь ученые-немцы. Участниками больших комплексных экспедиций, организованных русским правительством для изучения Сибири, становятся Д. Г. Мессершмидт⁴, И. Г. Гмелин⁵, Г. В. Стеллер⁶, Э. Лаксман⁷, П. С. Паллас⁸, И. В. Георги⁹, И. Зиверс¹⁰ и др.

В соответствии со стоящими перед этими учеными задачами их сообщения и дневники содержат, естественно, преимущественно специальные материалы по зоологии, ботанике, географии, этнографии, картографии и т. д. Однако мы находим здесь и небезынтересные бытовые зарисовки, социологические и философские размышления, соображения об общественном строе XVIII века, о развитии промышленности, о прогрессе цивилизации и т. п. Именно эта сторона трудов ученых-иностранцев, членов и сотрудников русской академии наук, еще недостаточно выяснена и в некоторых исследованиях по историографии Сибири изображается односторонне и порой неправильно. В. Г. Мирзоев, например, в своем безусловно ценном труде «Историография Сибири» с излишней, на мой взгляд, предвзятостью и запальчивостью и, во всяком случае, без достаточных оснований говорит о духе шовинизма и крепостничества в работах Мессершмидта: «Сибирские материалы, имеющие отношение к социальным наукам, носят нередко субъективный характер, и к ним следует относиться осторожно. Личные качества Мессершмидта весьма неприглядны; он выступает перед читателем как воинствующий шовинист, презирающий русский народ, как жестокий крепостник и, наконец, мистик»¹¹.

Эту характеристику Мирзоев склонен перенести в какой-то степени на Гмелина и Палласа: «Освещение современного положения Сибири Палласом напоминает дух «Антидота» Екатерины II, представляющий собой

универсальную защиту самодержавного строя»¹². Конечно, нельзя также мириться с тем, что некоторые исследователи вообще умалчивают о социологических и философских воззрениях зарубежных ученых-сибиреведов XVIII века, но надо полагать, что можно найти какое-то среднее, более объективное и приемлемое решение¹⁴. Во всяком случае, Г. Скурл, составитель и автор предисловия к сборнику «По ту сторону Каменных Ворот», справедливо указывает, что Мессершмидт, Гмелин, Паллас были истинными детьми своего века, века Просвещения со всеми его резкими противоречиями: «Как Штеллер и Самуэль Готлиб Гмелин, так и Паллас был истинным сыном Просвещения. Его взгляд на жестокость русского управления в Сибири и всеобщую отсталость русских отношений в Европе, как и в Азии, был неподкупен. Он откровенно высказал, с чем не соглашался, и дал кое-что в печать, для чего другим не хватало решимости. Как лучшие его современники, он надеялся, что его критика будет способствовать улучшению положения. В своих книгах он храбро высказывал, что было ему, как Штеллеру и обоим Гмелиным, близко к сердцу, стремился способствовать не только выявлению форм жизни на Земле, но и прогрессивному развитию человечества. В этом смысле и немецкие путешественники Иоганн Гмелин и Петр Симон Паллас, находясь на русской службе, своими многообразными путешествиями между Уралом и Камчаткой в XVIII веке имеют большие заслуги»¹⁵. Иное дело, что Просвещение в Германии, за небольшими исключениями, было иным, чем во Франции и России, было более убогим, ограниченным, отягощенным большим грузом ложных традиций и феодальных предрассудков, но «воинствующими шовинистами и крепостниками» Мессершмидта, Гмелина и Палласа все же не назовешь.

Не следует при оценке социологических воззрений этих ученых упускать из виду и чисто психологические факторы. Действительно, попытаемся представить себе немецкого ученого, аккуратного, педантичного, пугливого, только что покинувшего духоту маленького немецкого университетского городка с его рутиной и убогим складом жизни, где все раз навсегда предусмотрено и регламентировано. И вдруг — беспредельная ширь, новый мир, невиданные и странные одетые в меха люди, глухие удары шаманского бубна. И полное одиночество. И вы-

сочайшее повеление: описывать земли, натуральную историю во всех ее частях, материи медицинские, эпидемические болезни, сибирские нации и их филологию, памятники древности и все, что еще будет найдено примечательным, набивать чучела птиц и животных — и все это доставить в Санкт-Петербург. Легко сказать, описать и собрать все это, столь необычное, пугающее новизной и непонятностью. Гнет неведомого, страх перед необъятным, заскоруждые старые мысли, представления и — необъятная ширь новой жизни. Страх, испуг неведомого, немыслимого, — все это ложится на бумагу аккуратными строчками записей. Час за часом, день за днем. Природа, люди, события — все в аккуратных строчках дневника. А потом оказывается, что все это как будто никому не нужно — так заверяет достопочтенный Блументрост и другие высокочтимые господа в расшитых парадных мундирах. Арест, наложенный на коллекции, отказ в выдаче обещанной награды, интриги, неустроенность личной жизни, нищета. Нет ничего удивительного в том, что иногда через строгие, деловые записи просачиваются нотки раздражения, брюзжание.

Случалось и так, что апологетические и верноподданнические заверения немецких ученых являлись лишь традиционной общепринятой формой для выражения искреннего восхищения делами народа, сумевшего в короткое время превратить дикую страну в цивилизованную благоустроенную область. В одном из своих писем (март 1795) И. Зиверс, говоря о научных целях своего сибирского путешествия, добавляет: «Еще одну цель преследовал я при опубликовании этих писем: искоренить злое предвзятое мнение о Сибири многих, особенно за границей. Сибирь — такая превосходная страна, какую только можно найти в мире под такой же широтой... Здесь почти невероятным образом большие непроходимые леса и пустыни превращены населением в столбовые дороги, а дикие равнины — в плодороднейшие поля. Ныне путешествуют в этой преогромной стране с надежностью и удобствами, о каких в других государствах мира, при таких больших расстояниях, и речи не может быть. Дороги хороши и надежны, мосты, там где это необходимо, содержатся в порядке, почтовые подставы предоставляются быстро и недорогой ценой, и везде можно получить провизию. Правда, горшки везде бьются, и было бы несправедливо требовать, чтобы все

в Сибири было бы совершенно. Так, например, трактир-
щики и постоянные дворы в Сибири считаются редкостью.
Но, с другой стороны, ни в одной другой стране мира
нет большего гостеприимства. Каждый путешественник
хорошего поведения может везде надеяться на сердеч-
ный прием, особенно у добрых поселян. Одним словом,
Сибирь приближается гигантскими шагами к самым
просвещенным странам Европы»¹⁶.

Не менее восторженно описывает Зиверс Иркутск:
«Иркутск после Тобольска — самый большой и важный
город Сибири. В нем сейчас много красивых зданий, сре-
ди которых особо выделяется большой состоящий из
двух отделений каменный гостиный двор. Город насчи-
тывает 2800 домов и до 20 000 жителей. Изрядной длины
улицы упорядочены. Особенно величествен вид, созда-
ваемый при свете солнца двенадцатью каменными
церквями... Семинарий для юношей, склонных посвятить
себя духовному званию, народная школа, небольшая
библиотека и собрание редкостей натуральной истории и
театр — все это здесь создано для образования юноше-
ства, и все здесь намного улучшилось с тех пор, как
Георги написал свое известие об этом городе. Особенно
способствует приличному и смелому поведению юноше-
ства театр. «Театр? — слышу я ваш вопрос. — В такой
отдаленной стране?». Да, совершенно точно!, и еще боль-
ше вы удивитесь, если добавлю, что актеры — местные
жители, никогда раньше не видавшие театр, и все же
несмотря на это их представления весьма милы и музыка
не неприятна. Ибо все полковое начальство в Сибири ни
на день не оставляет без упражнения свою полковую
музыку и достает для нее из России время от времени
новейшие ноты»¹⁷.

Гуманистическим просветительским духом проникну-
ты многие описания жизни и обычаев коренного населе-
ния Урала и Сибири, содержащиеся в известиях немец-
ких ученых. Тот же Зиверс пишет из Усть-Каменогорской
крепости 20 августа 1793 года: «Киргиз (казак —
chosack) предается, как и дикий зверь, живущий вместе
с ним в степи, своим естественным инстинктам. Руссо,
представляется мне, справедливо порицает Гоббса, где
он говорит, что человек по природе бесстрашен и его
помышления и стремления направлены лишь на то, что-
бы нападать, ссориться и драться. У киргизов, во всяком
случае, это исключено. Как все дикари, и киргизы склон-

ны к воровству; как ребенок, он хочет владеть всем, что видит. Богатые стада особливо он считает своим величайшим счастьем, и таковыми они и являются. Чтобы их умножить, он отправляется в разбойничьи набеги и, защищая их, каждый вечер собирает у юрты и, как только стемнеет, берет он свою пику и всю ночь объезжает верхом, его собаки сопровождают его, раздается крик и вопль, чтобы прогнать волков, которым все же иногда удается утащить овцу. Киргиз, наподобие степному зверю, в полном смысле этого слова хочет быть свободным, со своими султанами (Төггө) он мало церемонится, садится рядом с ними и выкуривает свою трубку табаку. Если тот получил подарок, он требует свою долю, и даже вырвет ее из рук, если тот колеблется: делиться или не делиться с ним. Киргиз похож на старого сквайра Уэстера в «Томе Джонсе» Фильдинга. Страсть, которая в данный момент владеет им, господствует с полным неистовством. В одночасье он может быть диким зверем и добрым и наилучшим другом. И мне кажется, что с такими людьми стоит иметь дело. Легче всего на свете привязать к себе киргиза так, чтобы он не покинул тебя в величайшей опасности. Делай ему маленькие подарки, встречай его с добротой и человечностью, и он станет вернейшим слугою, как и большинство христиан. Я знаю всех кочевников Азии, но только среди киргизов смог понять «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» Руссо, и должен сознаться, что Руссо прав. Когда я, чужестранец, вхожу в киргизскую юрту, я могу ее считать своей. Без всяких церемоний я занимаю место, которое мне нравится. Потом я вытаскиваю трубку, начинаю курить, даю хозяину немного плохого табаку, ценой едва ли больше пфенинга, курю с ним и сразу же в глазах киргиза стал лучшим человеком на свете. Он не допустит, чтобы мне причинили малейшее зло. Его кумыс — мой кумыс. Его жене я подарю пару швейных иголок и паршивенький паперсток — и даже от своей матери не смогу ждать большей любви, чем дарит мне эта женщина. Если я хочу забить овцу, я отдал зеркала стоймостью едва ли в 40 копеек, или несколько бритв, одна штука которых стоит 15 копеек. А за одну только шкуру даст мне русский купец тоже 20 копеек. Когда мясо сварено, я вместе с киргизом присаживаюсь и ем по местному обычаю без ложки и вилки. Теперь я уверен, что слава обо мне опередила меня на 100 верст,

езде называют меня султаном (Төггө) или начальником (башликом) и поддерживают под руку, когда сажусь на коня. И все это делает киргиз, которого считают самым диким разбойником на всем свете. В странах, где беспрестанно проповедуют евангелие, найдем ли мы больше человечности, чем в странах, где евангелие — неведомая вещь. Кто жил в больших и многолюдных городах, тот согласится со мной. Много благородных черт видел я за время своего краткого пребывания среди киргизов. Часто видел я, как они, проезжая верхом мимо могилы друга или родственника, слезают с коня и коленапреклонно молятся. Берегись киргизов! — твердили мне постоянно при отъезде. Но я уже тогда знал, почему эти обитатели степей вынуждены показать себя в невыгодном свете, я смог убрать эти препятствия со своего пути и это может каждый, являющийся другом-человеком, и весь страх у меня отпал»¹⁸.

Отдельные интересные наблюдения о сибирском укладе жизни, богатствах страны, ее людях находим мы в переписке Э. Лакомана с видными учеными — Шлетцером, Бекманом, Линне и др. Внимание, например, заслуживает описание горячих источников у Байкала, недалеко от Усть-Турки (Ust-Turka): «В октябре 1766 года я не мог рискнуть проехать по бурному Байкалу и был вынужден остаться в Ильинском остроге или Большой Займке до нового года; ибо только в это время замерзает Байкал. Здесь я много слышал о силе воды некоторых горячих источников, расположенных отсюда примерно в 150 верстах, недалеко от Байкала в устье реки Турки. Я также видел людей, которые здесь вылечились от тяжелых болезней, среди них женщину, которая благодаря этим источникам вылечилась от сифилиса. Говорили здесь также много о чрезвычайной жаре этих источников. Все это заставило меня, невзирая на неудобное время года, совершить туда очень утомительное путешествие верхом. 12 октября я выехал из Большой Займки, проехав 12 верст, я в Итанчинском остроге сменил лошадей, пересек ручей Кому и вдоль Итанцов проехал 16 верст до Икурлика, где и переночевал. 13-го я проехал вдоль реки Итанцы и Ангир до Несторово тридцать верст; здесь я взял лошадей до самого источника и в тот же вечер доехал до Хаинского или Медведова зимовья — 35 верст по очень плохой дороге, ведущей через многие маленькие ручьи, болота и каменные заросли. Это зимовье нахо-

дится там, где река Хани впадает в Кику; здесь я имел скверную ночевку у старого глухого отшельника, который живет здесь постоянно и ловит коз. 14-го я продолжил свой путь: сначала 10 верст вдоль Кики, потом снова 10 верст по очень топкому и наполовину замерзшему болоту, до озера Котакил. Вдоль этого озера мы проехали 20 верст до его северной оконечности, где расположен большой остров с зимовьем и часовней, которые так же, как и вся рыбная ловля в озере, принадлежат Троицкому монастырю. Эти 20 верст шли по сплошным перелескам и густым зарослям кустарника даурского рододендрона, который разодрал нашу одежду и поранил лица; а затем через ручьи, по глубоким болотам и крутым горам. От озера было только 2 версты до Байкала. Вдоль его берега я проехал 12 верст до Усть-Турки, где переночевал в зимовье рыбаков.

Это зимовье выглядело очень чистым. Крыша, казалось, состояла из полированного черного дерева, и с нее не свисали комочки сажи, как в Хаинском зимовье прошлой ночью. Я по этому поводу сделал рыбакам комплимент, но они его не приняли, а уверяли меня, что ибу еще ни разу не подмели, и чистота эта происходит только от лиственницы, стены и крыши из этого дерева не так загрязняются, как сосновые или березовые.

15-го я проехал 12 верст вдоль Байкала по сквернейшей дороге до горячих источников. Они расположены в двух верстах от озера в густом сосновом лесу, в низкой и болотистой равнине. Начало ручья состоит из трех источников, расположенных рядом. Бьют они очень сильно — таких больших и богатых водой источников я еще не видел. Ниже этих источников на 90 саженей расположен четвертый источник, прямо в ручье, и еще на 21 сажень ниже — пятый, тоже прямо в середине ручья. У каждого из этих двух последних источников находится ящик для купания, наподобие свиарников шведских крестьян. В этот ящик спереди впускается горячая вода, а теплую — чтобы умерить жару — с обеих сторон.

Температура воды во всех этих пяти источниках выше 60° по ртутному термометру Реомюра. По запаху вода напоминает сырое мясо и содержит большое количество натра, кристаллизующегося на хворосте, лежащем на берегу, в виде короткого волоса. Купороса я в этой воде не мог обнаружить, хотя и предпринял множество опытов. Я выпарил целое ведро этой воды на сла-

бом огне и получил почти целую унцию английской соли, но более слабого, чем обычно, вкуса. Сырое козье мясо, которое я на несколько часов поместил в горячую воду, снаружи, правда, выглядело, как вареное, но внутри оставалось сырым и кровавым. При питье также чувствуется наличие английской соли; в остальном она очень прозрачна.

Говорят, зимой из-за поднимающегося пара это место видно издали, а когда я был там, теплота оказывала чрезвычайное действие. Все болота и маленькие ручьи, даже устье реки Турки, замерзли, и так сильно, что лед мог вынести вполне тяжесть всадника, а здесь вокруг источников, на берегах ручья, растительность (15 октября) была в полном весеннем отцветании. Различные виды *Ranunculus*, *Sisymbrium*, *Nasturtium aquaticum*, *Epilobium*, *Myosotis* были в полном цвету; а другие растения во всяком случае сопротивлялись холоду.

Еще ниже по течению ручья снова попадает горячий источник, температура которого по вышеназванному термометру составляла 42°. Раньше и здесь стоял ящик для купания, теперь он, однако, весь сгнил. Недалеко от этого источника находился седьмой, вода которого имеет только 20° теплоты. Здесь и там на берегах были и холодные источники с чистой и здоровой водой, не имеющей привкуса английской соли.

Так же как теплота благоприятствовала цветам, от нее выигрывали и насекомые. Комары, мухи, водяные клопы и пауки летали, ползали и прыгали здесь, как в других местах в разгар лета.

Над четвертым и пятым источниками находились продолговатые столы, покрытые тангутскими письменами, обвешанные со всех сторон лопатками овец, а также китайскими лентами, каковые монахи привязывают к своим посохам. На стоящих вблизи деревьях также висели различные лопаточные кости на тонких веревках из конского волоса в большом количестве. Все эти кости, как столы, были покрыты с одной стороны мунгальскими, с другой — тангутскими письменами. Это делают буряты; именно они чаще всего пользуются этими купаниями, так что на протяжении всего лета постоянно встретишь их несколько сотен. Для жертвоприношения бросают они деньги в источник, которые промышленники вылавливают. Бывшие со мной солдаты тоже достали себе около 20 копеек. Вокруг источников, особенно вокруг первых

трех, стояло несколько палочек с маленькими флажками из синей китайки с тангутскими письменами. Все эти надписи, как и те на костях и столах, говорят, означают молитвы, обычно направленные подземным духом, ибо буряты верят, что горячие источники ни откуда более, как из преисподни, не могут появиться. Для ленивых сибирских женщин здесь было бы хорошо жить; не надо нагревать воду над огнем, а можно ее постоянно черпать горячей из источника»¹⁹.

С особым рвением занимался Лаксман вопросами горного дела, добычи полезных ископаемых, изготовления стекла и др. Эти занятия сблизили его с пионерами сибирской промышленности и техники. Неоднократно Лаксман, например, встречался с знаменитым механиком Ползуновым, изобретателем и конструктором паровой машины. В письме из Барнаула от 17 ноября 1767 года Лаксман пишет: «Капитан-механик Ползунов изготовляет и имеет различные метеорологические инструменты, но они служат только для украшения. Теперь он делает большую машину, такую, какую в Англии употребляют в угольных коях, и хочет ее использовать в горном деле: вместо воды огонь должен привести в движение раздувальные меха. Он уже получил за это дело подарок в 400 рублей» (82—83).

Из Барнаула же, 11 февраля 1765 года Лаксман пишет профессору Бекману, рассказывая о своих знакомых по профессии: «Второй, с которым я часто и с пользой для себя общаюсь, это — горный механик господин Иван Ползунов, человек, делающий честь своей нации. Теперь он строит огневую машину, но совсем иную, чем принятые в Англии и Венгрии. Эта машина должна привести в движение дутье в плавильнях, обычно приводимое в движение водой, без воды — какое преимущество! В будущем можно будет построить в России плавильни на высоких горах, даже в шахтах. Эта машина может обслуживать 15 печей, а именно 12 плавильных печей и 3 раздельительных горна» (90—91).

Значительный интерес представляют приведенные в письмах Лаксмана многочисленные сведения о работе Колыванских заводов и рудников. В письме из Барнаула от 1 января 1765 года Лаксман, который тогда был проповедником лютеранской общины, дает описание своего прихода, члены которого проживали в Верхнем Сусуне, Ново-Павловске, Барнауле, Колыване, Змеиной горе и

Ирбинске: «Первые два места новые и только сейчас строятся. В Нижнем Сусуне будут чеканить сибирские медные деньги (указ об этом издан 5 декабря 1763 года... эти деньги курсируют только в Сибирской губернии. Пуд меди, из которой их чеканят, содержит 1 $\frac{3}{96}$ золотника чистого золота и 31 $\frac{3}{96}$ золотников чистого серебра), в Ново-Павловске устраивают новый серебряный рудник, и оба скоро будут готовы. Они расположены в северо-западе от Барнаула, первый на расстоянии в 170, второй — на расстоянии в 52 версты.

Барнаул является важнейшим горным предприятием по добыче серебра, где выплавляют ежегодно до 400 и более пудов чистого серебра и от 11 до 15 пудов золота. Здесь находится горная канцелярия и главное командование.

Колывань, от которой эта провинция получила свое название, является приятным местом, расположенным в 230 верстах от Барнаула к северо-западу. В 9 верстах от нее находится рудник Воскресенск, богатый серебром и медью, но из-за тогдашнего плохого хозяйничания Демидова там нет леса, и поэтому плавильни закрываются.

Змеиная гора, Змеевой рудник — богатая серебром гора, в 35 верстах от Колывани на северо-востоке. Здесь ощущается недостаток воды, и поэтому здесь нет плавильни, а только похверк.

Ирбинский завод расположен за Енисейском на реке Ангаре на расстоянии свыше 1000 верст от Барнаула. Этот железодельный завод доставляет различные железные предметы не только для здешних мест, но и для Нерчинска.

Наши заводы отстроены лучше, чем в городах, которые мне пришлось проезжать прошлой зимой. В Барнауле свыше 1000 домов, 3 греческие церкви, прямые широкие улицы. Здесь имеется также хороший стекольный завод, где изготовляют довольно хорошее хрустальное стекло, аптека и госпиталь, первая из камня; второй из дерева. Завод и река Барнаул находятся в середине города, близко к нему протекает большая река Обь с юга на север» (85—87).

* * *

Наиболее полные и универсальные сведения о Сибири, нравах и образе жизни сибиряков, их занятиях, о

развитии сибирской промышленности находим мы в дневнике И. Г. Гмелина. Этот материал заслуживает более обстоятельного рассмотрения.

В предисловии к своему четырехтомному труду «Путешествие через Сибирь 1733—1743 гг.»²⁰ И. Г. Гмелин кратко воспроизводит историю двух камчатских экспедиций, участником второй из них был сам Гмелин. В составе группы этой экспедиции Гмелин должен был по суше пересечь всю Сибирь до Камчатки, принимать участие в астрономических измерениях (начатых еще в 1719 году Мессершмидтом), а также произвести описание политической и естественной истории Сибири.

Первая часть книги Гмелина — дневник путешествия из Петербурга в Якутск и обратно. Основная часть экспедиции вернулась из Якутска, небольшая группа, состоявшая из Крашенинникова, адъютанта Штеллера, художника Беркана и студента Горланова, продолжила путь дальше на восток. профессор де Лиль де ла Кройер и профессор Академии наук Фишер дошли до Охотска.

Датировку дневника Гмелин ведет по старому стилю, расстояния измеряет в верстах (104,5 версты равны одному градусу или 10 немецким милям), сажнях, аршинах и вершках, а также пользуется русскими мерами веса. Гмелин пользовался картой из Атласа Российского государства, куда он внес некоторые дополнения и уточнения.

8 августа 1733 года в 5 часов вечера Гмелин покинул Петербург, 22—23 декабря прибыл в Кунгур, посетил знаменитые Кунгурские пещеры (107), 28—29 декабря был в Катериненбурге (112—113), подробно рассказывает о посещении Ирбитской ярмарки, а также о городах Тюмени и Тобольске. Наряду с сухими географическими и другими научными материалами книга Гмелина содержит немало живо написанных картин нравов и обычаев сибиряков. Так, например, о пасхальных обрядах, которые удалось ему наблюдать в Тобольске, Гмелин пишет: «Первое действие было таким: пели, потом появился мальчик, который поздравил всех с наступлением пасхи. После его ухода появился другой, совсем черный и в образе черта, как его обычно изображают. Он гнал перед собою старого седобородого человека, который жалобно нылтел и всем своим видом изображал обычную старческую слабость. Он должен был олицетворять старого Адама. Черт совершал вокруг него разные фиглярства

и повесил ему на шею чучело змеи с яблоком в пасти, после чего старый Адам запертво упал на землю. Потом появилась Смерть с серпом и хотела забрать с собой умершего, а черт сопровождал все это снова своим фиглярством. Наконец появился господин Христос в образе довольно безобразного юноши, держащего в одной руке крест, а в другой — корону: при его появлении черт стал очень застенчивым, не знал, куда спрятаться, а потом удрал из комнаты. Сила креста придала Адаму снова жизнь, и господин Христос, приказав ему встать, увенчал его золотой короной, которую держал наготове. Старый Адам не знал, куда деваться от радости, и очень мило благодарил господина Христа. После этого господин Христос увел его в рай, и они удалились. Новое действие изображало преподнесение десяти заповедей... В-третьих изображалось святое крещение, и это было так: появился молодчик в ободранной шубе с натянутой поверх сетью. На боку у него висела сабля, а также были у него колчан и стрелы. Говорят, что это должно было изображать остяцкого князя. Два других молодчика, полуодетые, но без колчанов и стрел, подошли к остяку, который премного хвастался своей храбростью, и как бы он ни сопротивлялся, они все же его схватили, раздели до штанов, приказали принести ушат с водой, посадили его туда и бодро обливали его несколькими ведрами воды, а потом он должен был отказаться от своих мехов и всего, что у него было. И таким образом он был крещен²¹. Все ушли» (144—145).

Ожидая завершения строительства шлюпа «Тобол», на котором предполагалось продолжить путешествие водой, Гмелин посетил место, где, по преданию, находилось городище Сибир, давшее название всему краю (151). Подробно описывается город Тобольск: «Город расположен под широтой в 58° 12' на реке Иртыше и является столицей всей Сибири. Он разделяется на верхний и нижний город. Верхний город лежит на высоком восточном берегу, а нижний — в равнине между высоким берегом и Иртышом. Эти два города занимают очень большую площадь, но дома там деревянные. В верхнем городе, который собственно говоря только и называется городом, находится крепость, почти четырехугольная, построенная бывшим наместником Гагариным из камня. В ней помещается гостиный двор, построенный, как и правительственная канцелярия и дворец епископа, из камня. Нынеш-

ний правящий уже четвертый год наместник зовется Алексеем Львовичем Плещеевым. Кроме гостиного двора, имеется в верхнем городе еще торгующий съестными припасами и всякой мелочью рынок. Вокруг всего верхнего города с его восточной стороны нынешний правитель распорядился построить земляной вал, который уж этим летом должен быть закончен — осталось доделать не так уж много.

Нижний город имеет свой собственный рынок и также несколько лавок, где можно купить всякую мелочь. Но если здесь, как и на рынке верхнего города, нужно что-нибудь купить, следует идти зимой рано утром до 11 часов, во второй половине дня зимой с 2 до 4 часов, а летом с 4 до 8 часов...

Что касается удобств каждой части города, то верхний имеет то преимущество, что он не подвержен наводнению; но затруднение заключается в том, что всю воду, в которой наверху окажется необходимость, нужно привозить снизу по горе. Единственно епископ с большими затратами заставил выкопать колодец в 30 саженей, но им никто, кроме него, не может пользоваться. Другим большим неудобством является то, что со стороны горы в Иртыш сваливаются ежегодно большие куски земли, из-за чего жители вынуждены переносить стоящие близко к берегу постройки. Я не думал, что кто-нибудь построит дом близко к крутому обрыву, и все же я видел, что несколько бревен из основания дома, который когда-то там стоял, высунулись за берег. Да еще меня заверили, что когда-то гостиный двор находился ближе к берегу, и из-за его размыва должны были его снести. Бывший наместник князь Гагарин разумел это зло и считал, что устье реки Тобола, от которой город получил свое название, устремляется как раз на город. Он поэтому распорядился, чтобы пленные тогда шведы устроили новое устье повыше по течению реки через специально выкопанный канал, что многим помогло. Но опыт показал, что этих средств недостаточно. Я думаю, что еще одна причина заключается в глинистой почве, из которой состоит берег. Берег размывается только весной, и именно в то время, когда на Иртыше полноводье. Я поэтому полагаю, что сила воды выдалбливает снизу берег и уносит глину, из которой он состоит, из-за чего неизбежно происходит сползание всего того, что на нем находится. Что такая причина весьма вероятна, можно легко

увидеть, если пройтись из верхнего города вдоль берега на север... Поэтому, вероятно, можно было бы воспрепятствовать грядущему злу вбиванием свай внизу у берега или посадкой ивняка по всей площади берега, тянувшейся к реке. Нижний город имеет то преимущество, что имеет под рукой воду, но зато он очень подвержен наводнениям, но это происходит не каждый год. И хотя Иртыш разливается каждый год, но город не всегда терпит от этого бедствие. Жители считают общепризнанной истиной то, что каждые десять лет происходит такое наводнение, что затопляет весь город. В прошлом году случилось так, что не только город, но и вся изменность вокруг реки находилась под водой. Говорят, что одиннадцать лет тому назад случилось то же самое, и некоторые, сохранившие рассказы своих предков, говорят, как я уже отметил, что и раньше это случалось каждые десять лет. Но я не знаю, можно ли полностью довериться этим известиям. Ибо мне рассказали зимой, что такое наводнение происходит каждые десять лет два года подряд, и что поэтому в нынешнем году безошибочно следует ждать такого наводнения. Но это пророчество не исполнилось, и поэтому я предполагаю, что наблюдения простираются не дальше десяти лет, как и вообще Сибирь нельзя считать страной, где, в особенности в городах, люди живут постоянно.

Оба города связаны между собой тремя дорогами. Первая — к реке — самая крутая. Она ведет прямо к крепости и была построена бывшим наместником Гагариным. Ею пользуются обычно летом и весной, так как она вымощена... Эта мощеная дорога идет снизу до Знаменского монастыря, а сверху — до другого конца города, а именно до земляного вала. Очень неудобно жить в Тобольске в стороне от мощеной дороги, так как почва преимущественно глинистая и весной возникает такая грязь, что лишь с трудом можно по ней пробираться. Да и летом по-настоящему сухо не бывает кроме как в верхнем городе, где солнечное тепло имеет больше действия. Другой или средней дорогой ни летом, ни зимой почти не пользуются, так как она довольно крутая и не замощена. Третья — эта та, которой пользуются чаще всего зимой и совсем не пользуются весной, лишь изредко летом. Она спускается постепенно и не так крута, как остальные. Хотя она и не замощена, но с ее нижнего конца ведет замощенная дорога до первой дороги и соеди-

няется с нею у реки или у нижнего конца первой дороги.

Если бы по обычаю немецких городов дать Tobольску эмблему, то по моему разумению этим должна была бы быть корова. Я не видел другого места, где бы бегало столько коров, как здесь. Даже зимой, где бы ты ни находился, везде увидишь коров, и еще больше их весной и летом» (153—157).

Дневник Гмелина выгодно отличается от других известий западноевропейских путешественников и ученых тем, что в нем наряду с географическими данными, описаниями животного и растительного царств содержатся небезыңтересные сведения о нравах местных жителей и, что особенно важно, обстоятельные сведения о промышленности и торговле. Подробно описывает Гмелин многочисленные горные разработки, рудники и плавильни в Сибири, которые ему удалось посетить. 18 августа 1734 года он был на Плоской горе, «где руда лежит на поверхности гнездом, и въехали в рудник, который простирается вглубь не больше 8 горных сажений (лахтеров). Там 30 горняков, способные за день выдать от 100 до 200 пудов руды. Руда имеет хорошее содержание, но из-за разъездов татарской орды летом более 3 месяцев нельзя работать, а весной и осенью это опасно» (244).

На Пихтовой горе участники экспедиции квартировали у штейгера-немца, которого расспросили о добыче руды в этом районе: «Там 5 рудников, которые мы и посетили. Добыча значительна, и руда лежит на небольшой глубине. Нет рудника глубже 15 лахтеров, чаще всего они глубиной в 7 лахтеров. Руду добывают в больших жилах, и дает она 12% чистой и хорошей меди. Не приходится шурфовать жилы, а пользуются шурфами, сделанными когда-то тогдашними жителями. Кто они такие были, сказать нелегко. Это были не калмыки, так как до сегодняшнего дня те не умеют выплавлять железо» (248).

В августе 1734 года Гмелин был на Колывано-Воскресенских заводах: «27-го совершили мы путешествие к Белому озеру, я же в особенности спешил к Воскресенским горам. Озеро находится на расстоянии в 7 верст на восток от завода. Этой весной провели от него канал к Белой речке, которая приводит в движение колеса завода, и этим было достигнуто, что, испытывая все эти годы летом недостаток воды, нынче, несмотря на засушливое

лето, ничего подобного не было. Недалеко от Белого озера к югу еще три озерца, которые все можно использовать для заводов, приводя из года в год в движение самые большие машины.

В 1725 году Демидов получил от заблудившихся и поселившихся на Оби крестьян первые куски руды и сведения о местах, где они были найдены. И тогда он ради исследования и устройства заводов добился в бергколлегии привилегии и в 1727 году на Колыван-горе построил завод, который он в 1729 году перенес на место, где он и теперь находится. Он расположен в горах и имеет для своей защиты крепость с четырьмя бастионами, окруженную земляным валом и рвом. За пределами крепости на юго-западе имеется слобода, а на северо-востоке — завод. Все это окружено острогом. В крепости живут начальники и рабочие завода. Главный завод состоит из пяти меньших заводов: на первом — 5 крумофенов и один медековательный молот, на втором — два очистительных горна, штихофен и толчея для размельчения соли, на третьем оцинковывают и обрабатывают медь; на четвертом — 5 кузниц, меха которых приводятся в движение от руки; на пятом — лесопилка и устройство для измельчения угля. Рабочие на заводе присланы сюда частично из Катериненбургских, частично из Невьянских заводов. А рабочие в рудниках — большей частью крестьяне из различных мест, которые приходят сюда, чтобы заработать подушную подать, выплачиваемую казне, из-за чего большинство из них, заработав эти деньги, возвращается снова на родину и поэтому обслуживание завода затрудняется. Правда, Демидов на Чаруше устроил несколько деревень, но в них не бывает более 40 или 50 человек, в то время, как при полной работе их требуется не менее 800. Для охраны этого места из Кузнецка направили к Демидову 100 конных служивых, которым выдают обычное императорское жалованье.

На заводе нет общей церкви, так как большинство людей завода из так называемых староверцев или раскольников (Abtrünnige), которые отделились от русской или греческой церкви. Насколько я смог выяснить (а узнать здесь что-либо не так легко), это люди, которые имеют свои собственные книги, которых они придерживаются, и в силу которых они не пьют и не едят из посуды, из которой пили или ели правоверные русские, не

ходят в русскую церковь, полностью воздерживаются от водки; и обычный знак креста делают только двумя перстами, как священники среди православных русских, когда благословляют народ... Наиболее знатен среди раскольников здешней местности некий рудоискатель по имени Кудрауцов (Кудрявцев?), живущий на реке Чаруше, и о нем говорят — наверное, без достаточных оснований, — что он устроил монастырь для своих единоверцев. По своему ремеслу он простой крестьянин, и по его примеру видно, что обман и у староверцев является разрешенным делом. Я достоверно узнал, что он от крестьян, открывших рудное место, с большим искусством и многими обещаниями выманивает открытие, идет к Демидову, получает хорошее вознаграждение и ничего не отдает людям, от которых получил известие; из-за чего не по справедливости носит имя рудоискателя, а лишь из-за хитрости, а сам до сих пор, как говорят, не нашел ни одного места» (255—257).

Свое известие о Колывано-Воскресенских рудоплавильных заводах Гмелин сопровождает примечанием, где приводит некоторые дополнительные, позже добытые сведения: «Завод с того времени, как я там был, вырос в самый большой и наилучший из всех заводов, имеющих в Европе. После того как добыча руды увеличилась, а завод получал время от времени новых рудокопов и плавильщиков, и Демидов показал некоторые руды, содержание которых его люди не могли определить, более знающим людям в Катериненбурге и дал их на исследование, то оказалось, что тамошние богатые медные руды к тому же еще содержат много серебра, а последнее — столько золота, что вдоволь окупаются расходы на разделение. Поэтому устроили сейгеровы заводы, которые расцвели еще больше, когда вблизи Колыванских заводов открыли гору, названную из-за обилия находящихся там змей Змеиной горой, полную богатых серебряных и медных руд различных видов настолько, что можно было с уверенностью рассчитывать на 2—3-футовую жилу с простиранием более чем на немецкую милю. Эти руды содержат довольно много золота в виде тонких жил, иногда в зернах, иногда в тонких пластинках, каковые попадают и на поверхности и дают большую прибавку к содержащемуся в серебре золоту. Это благодатное преимущество свойственно не только руде Змеиной горы, но и многим другим рудным местам, открытым

в это время и простирающимся до реки Бухтурмы, протекающей на восток выше Каменогорска почти по середине между этой крепостью и знаменитым озером Нор-Зайсаном и впадающей в Иртыш; так же можно ожидать, что вся местность между Иртышом и Обью настолько заполнена драгоценными рудами, что и при хорошем развитии дела пройдет несколько столетий, пока не иссякнут эти сокровища. И при этом большим благом является то, что не нужно строить дорогостоящие рудники с мощными машинами для выкачки газа и излишней воды. Все руды простираются по поверхности земли, и рудник глубиной в 10 лахтеров под поверхностью земли является уже редкостью в этих местах. Если бы наша земля в Германии была в таком обилии, то, боюсь я, вся почва была бы так раскопана, что нельзя было бы и шагу ступить из-за провалов» (258—260).

В феврале 1734 года экспедиция находилась в Красноярске, и Гмелин решил вместе с воеводой посмотреть масленичные увеселения в Торгушине (в 5 верстах от города) и заметил, что подобные «увеселительные поездки для начальства края имели вполне коммерческий смысл»: «Когда мы прибыли в деревню и сели в комнате, входил один крестьянин за другим и передавал сначала воеводе, а затем его жене нечто завернутое в бумагу. Некоторые давали и его сыну. Воевода в моем присутствии развернул несколько бумажек и в каждой было 10 копеек. Воеводша всегда получает половину. Теперь я понял, почему воевода всю масленичную неделю ездил на прогулки в соседние деревни со своей женой, а именно для того, чтобы собрать эти подарки. И редко когда приходилось видеть, чтобы кто-нибудь из села пришел бы в дом и не положил бы бумажку на стол, из чего можно заключить, что местный воевода не так уж легко умрет с голоду...

... Вечером служивые люди устроили потешные бои. На поляне из снега были устроены две стены, соединенные сверху балкой из снега. Это сооружение должно было изображать крепость, вокруг которой собрались служивые с очень длинными палками, а другие служивые на конях должны были напасть на крепость. Невозможно описать, какая тут получилась суматоха. На крепость сразу нападали не больше двух-трех всадников, чаще всего только один. И это на полном галопе. Но их встречали такими колотушками, что даже двое упали с коней

и были сильно искалечены. Всадники вошли в такой раж от того, что не смогли одолеть крепость и уже хотели стрелять стрелами в гарнизон, но это воевода не разрешил, поэтому крепость осталась не взятой. Отсюда легко заключить, какие при случае служивые совершили бы воинские дела, их бы превзошли любые крестьяне, никогда в жизни не носившие оружие. Единственным ремеслом служивых является пьянство. В старое время служивые выглядели очень страшно. Они имели двойные кольчуги, которые закрывали все туловище. Одна состояла сплошь из маленьких железных колец, другая — из тонких железных пластинок. Последний вид кольчуги, по мнению служивых, легче носить, чем первый. Такой панцирь закрывает, как уже было сказано, все туловище, грудь, живот, всю спину и руки. К тому же носили еще шапку, сверху покрытую железом. Я видел оба вида, но они уже не употребляются...» (385—387).

21 февраля Гмелин доехал до реки Кана и до Канского острога, затем до реки Поймы, реки Брюсы и Солёной речки, содержащей минеральную воду приятного вкуса (394). При посещении Удинского острога Гмелин обстоятельно ознакомился с жизнью и бытом бурят (братских), много пишет об их обычаях, религии, о шаманах. О Тулуне Гмелин пишет, что эта деревня лежит на реке Ие, имеет приблизительно 10 домов, 50 домов в Барлуке-погосте на Оке. Через Ангару экспедиция переправилась на другой берег и посетила деревню Шиверскую и Балаганский острог: «Этот острог еще до постройки Иркутска был заложен в виде четырехугольника... В нем имеется канцелярия, дом приказчика, несколько хижин, церковь и две металлические пушки. Вне острога в сторону суши имеется около 60 домов, заселенных отчасти служивыми, отчасти купцами; и это довольно видные дома с высокими окнами и светлыми комнатами. Купцы имеют хороший достаток. Так как летом многие купцы прибывают сюда по пути в Иркутск, недалеко от реки построен дом, где несколько лавок, которые, однако, сейчас заперты и их открывают только тогда, когда проезжающие купцы хотят торговать.

Вокруг этого острога живет много бурят, которые совершенно не заботятся о сельском хозяйстве и живут только от скотоводства. Здешние бурятские быки особенно знамениты. Я видел таких, которые не уступают черкасским. Среди этих братских, наперекор общему для

всех этих пещерных обычаю, ведется ремесло, в котором среди них много мастеров. Они умеют выкладывать железо серебром или золотом так красиво, что это выглядит как дамасковая работа. Почти вся конская сбруя, пояса для охотничьих ножей, поясные ремни и т. д. состоят из такой работы, а также ложки. Последние сделаны из железа, сплошь покрытого оловом. Остальные вещи лишь частично набраны для украшения. Чтобы увидеть, как эта работа делается, мы вызвали несколько мастеров-кузнецов и заставили их сделать при нас пробу. Мы им дали форму пластинки, на которой они должны были выложить имя его императорского величества. Они сначала выковали кусок железа данной формы согласно данному образцу, после чего они еще раз накалили железо и дали ему остыть. После этого они насекли железо вдоль и поперек острым зубилом, которое все время отодвигали от себя и постоянными ударами молотка по зубилу наносили необходимые зарубки на железе. Таким образом они три раза делали зарубки, так что каждый раз зарубки получали другое направление и пересекали друг друга. Они часто рассматривали обрабатываемое железо, чтобы зарубки были ровные. После нанесения насечки они нагрели пластинку до воспламенения и довели дело до того, что можно было сделать требуемое изображение. Серебро, которым они пользовались для своей работы, состояло из тонкой проволоки двух размеров и очень тонких пластинок серебра. Они начали работать, но получилось у них плохо. Правда, линии были ими нарисованы, но в рисунке они неопытны и не смогли его скопировать. Поэтому пришлось им нанести рисунок на пластинку, и тогда дело пошло. Точно по рисунку они в конце одной линии вкладывали конец проволоки и вбивали его; эту серебряную проволоку они вели за линией до другого конца, вбивали его по всей длине и потом отщипывали. Так они поступали по всей линии, пока все изображение не было готово. Но так как проволока была не совсем крепко вбита, они били по ней до тех пор, пока она не садилась в нанесенные насечки. Если они хотят покрыть всю пластинку или большую ее часть, они вырезают серебряную пластинку по форме, какую хотят иметь на железе, и вбивают ее. Для всей этой работы они пользуются одним только молотком. Он расширен с обоих концов, один конец гладкий, другой с насечками, следовательно, шероховат. Но когда они об-

рабатывают железо, они не пользуются концами молотка, а берут его в ширину и бьют им плашмя. Когда же они вбивают серебро, они пользуются шероховатым концом, а для полировки — гладким концом. Проволоку они протягивают через отверстие соответствующего размера. Они же и сами куют серебряные пластинки. Плавят они серебро в железных сосудах, так как не знают глиняных» (408—410).

Проезжая Идринский острог и Олонки, Гмелин обратил внимание на плодородие тамошней земли: «Местность здесь очень приятная, и почва очень пригодна для земледелия. В прошлом году урожай из-за частых дождей, выпавших к осени, был плохим, поэтому и пшеница этого года продавалась по 20 копеек, в то время как за пшеницу предшествующих лет охотно платили в два раза больше» (411).

Утром 8 марта 1734 года Гмелин прибыл в Иркутск. Выявилась возможность задержаться некоторое время, и было решено отправиться сначала в Селенгинск, а потом уже по летней дороге продолжить путешествие. Но сборы закончились только 22 марта — были большие затруднения с получением лошадей для 37 повозок экспедиции. Чиновники чинили всякие препятствия, придавая научным целям экспедиции не так уж много значения и явно саботировали имеющийся у экспедиции царский указ. Тогда было решено для ускорения дела, дабы не пропустить зимний путь по Байкалу, послать людей на рынок и отобрать с помощью приданных солдат пригодных лошадей.

Некоторое время Гмелин задержался на Никольской заставе: «Таможня берет пошлины на все товары, которые прибывают с китайской границы и не могут быть провезены по другим дорогам. Товаров этих много, и должность сборщика очень важна, что видно из того, что такой человек за год может разбогатеть. Наместник дает эту должность, и соискатели приносят ему щедрые жертвы. Обычно эта дань составляет 300 рублей, которые отдают только тогда, когда соискатель действительно назначен. Рассказывают, что этот пост недавно освободился и оказалось три претендента, и всем им наместник обещал дать это место. Каждый думал, что будет назначен. Они в разное время бегали к наместнику и просили о своем назначении. Он обещает каждому. И случилось так, что они пришли все вместе. Каждый потихоньку

просил о своем назначении. Наместник в конце концов удовлетворил всех троих и всех их назначает, чего раньше никогда не было, сборщиками пошлин. Каждый заплатил свои 300 рублей и, как я слышал, никто не пожалел, что принес такую обильную жертву» (416—417).

Описание Байкала, данное Гмелиным, оригинальностью не отличается и, пожалуй, ничего не прибавляет к тому, что сообщали его предшественники (419 и след.). Находясь в Селенгинске, Гмелин осмотрел бурятские юрты и дает подробное их описание (427 и след.). Встреча с монгольским тайшой дает путешественнику повод подробно описывать монгольскую религию, нравы и обычаи монголов.

Вторая часть дневника Гмелина дает описание совершенного им в 1735—1737 годах путешествия по ту сторону Байкала до восточной китайской границы, по реке Лене до Якутска. Автор знакомит читателя с нравами бурят, тунгусов и якутов, вступая по целому ряду вопросов в полемику со Страленбергом.

23 мая 1735 года экспедиция отплыла из Селенги в Удинск, оттуда сушей шли до Читинского острога. Дается подробное описание Аргунских рудников, в частности, Гмелин сообщает некоторые сведения о Петере Дамесе и его полезной деятельности (54—55). 20 сентября Гмелин вернулся в Иркутск и совершил поездки по окрестностям города, знакомясь с промышленными предприятиями. 28-го сентября Гмелин вместе с профессором Миллером поехал в Каштак на «винокуренный завод, находящийся в 6 верстах от города. Мы выехали через монастырские ворота, оставили с левой стороны Девичий монастырь и принадлежащую ему деревню и через гористую местность и сосновый лес прибыли в находящийся в долине Каштак. Там имеется 37 перегонных кубов в одном ряду, и из каждого ведут две трубы, лежащие в желобе, по которому постоянно течет свежая вода... Водка течет по трубам в кадку, поставленную к каждой паре труб. Напротив перегонных котлов, но на более высоком месте, в один ряд поставлены 8 деревянных бочек, в которых бродит солод. Каждая бочка вмещает 147 пудов солода, а заправляются одновременно две из них. В каждую бочку, через засыпанный туда солод, пускают столько кипятку, пока он на несколько футов не покрывает последний. Кипяток из большого котла пускают через желоб. Как это требует время года, добавляют из этого

котла столько теплой воды, чтобы поддерживать брожение. Это длится обычно три дня. Когда брожение закончилось, добавляют холодной воды, пока бочки не заполнятся почти до края. На четвертый день начинают перегонку, и две бочки опустошаются за 24 часа. Водка не лучше и не крепче, чем молочная водка языческих народов и, вероятно, по этой причине ее называют аракой, как называют язычники свою водку. Через повторную перегонку из нее делают вино или настоящую водку. Чтобы сделать крепкую водку (*Spiritus vini rectificatus*), ее еще раз перегоняют. Семь перегонных котлов достаточно, чтобы полученную араку превратить в вино... Имеется три таких винокуренных завода, принадлежащих его императорскому величеству и снабжающих всю Иркутскую, Илимскую и Селенгинскую области. Тот, который мы осмотрели, называется первым Каштаком, так как он ближе всех к городу; более отдаленный, имеющий 53 перегонных котла, называют средним; а самый отдаленный, снабженный 60 котлами, последним. До этого частные лица содержали винокуренные заводы и отпускали водку за определенную плату в казну. Но канцелярия, воеводы и эти частные лица слишком много получали прибыли. И хотя казна особенно от этого не страдала, страдал народ, так как водка была в два раза дороже, чем должна была стоить. Поэтому теперь все винокуренные заводы принадлежат его императорскому величеству... Если бы улучшить устройство, водку можно было бы отпускать за половину нынешней цены, если только соблюсти определенную температуру брожения и не допускать, чтобы при перегонке так много улетучилось. Я пошел в чулан, где хранится водка и где за пять минут можно потерять сознание из-за спиртных испарений. Кадки, куда стекает водка, имеют в диаметре по меньшей мере один фут и стоят открыто, и трубка кончается на высоте в полфута над кадкой. В камере, куда стекает арака, все так же, и хотя запах не так уж силен, можно все же видеть, что много улетучивается. А так как в гуще солода, в самом низу бочки, содержится больше всего спирту, было бы разумно этот осадок перегонять отдельно. Таким путем можно было бы сразу получить водку. Но когда даешь такие советы, отвечают: «как делали наши деды, так и мы продолжаем» (169—172).

Гмелин приводит ряд данных о железорудных месторождениях в районе Иркутска, у Тельмы, недалеко от

Каменки (деревня Бумашкина), указывая, правда, что многие из них уже выработаны (177). Далее идет описание Братского острога, куда путешественник прибыл 14 февраля 1736 года. О Братском остроге Гмелин пишет: «Острог лежит на левом берегу Ангары. Ангара течет здесь на запад и принимает реку Оку, притекающую с юго-востока и примерно в 6 верстах повыше острога разделяющуюся на два рукава, из которых каждый имеет свое устье, именуемые Верхней и Нижней протоками. Нижний рукав впадает в Ангару повыше острога, верхний еще на несколько верст повыше. От нижнего рукава немного выше его устья отходит другой малый рукав прямо в Ангару, называемый Кровавой протокой; следовательно, верхним, нижним и малым рукавами Оки и Ангары создается большой, а затем нижним и малым поперечными рукавами Оки и Ангары — маленький остров. Я об этом говорю так подробно потому, чтобы объяснить события, случившиеся в этом остроге. Прежде чем начать свою поездку в это место, чтобы захватить местные земли, енисейский воевода Пашков послал в 1652 году 105 служивых с сыном боярским Дунаевым водой из Енисейска, которые построили зимовье повыше большого водопада Падуна, находящегося в 30 верстах пониже острога; сын же боярский отправился с 50 людьми вверх по Ангаре и Оке до маленького ручья, расположенного на несколько верст повыше места, где Ока разделяется; зимовье это и ныне называется Дунаевым. Здесь он высадился со своими людьми, чтобы получить сведения о земле и народах, но буряты этого места убили его со всей свитой. Как только оставшиеся в живых 75 человек об этом узнали, они поднялись по верхнему рукаву Оки и в нескольких верстах повыше устья построили острог. Буряты сделали вид, что покорились и согласились платить дань, но в третьем месте (на ничейной земле. — Э. З), и предложили большой остров, о котором я выше упомянул. Служивые согласились и приехали, как и буряты со своей стороны. Буряты угостили служивых людей своей обычной молочной водкой, пока все не опьянели. Но как только дело дошло до взятия дани, буряты начали убивать служивых. Некоторые из них пытались спастись через меньший рукав, но буряты догнали их и убили оставшихся в этом рукаве, почему он и называется Кровавой протокой. Вероятно, служивые думали, что они, если переправятся через меньший про-

ток, сумеют через нижний, следовательно, по своей земле, добраться в свое зимовье. Может быть, некоторые и спаслись и принесли известие об этом убийстве и последовавшем за этим разрушении огнем острога в Енисейск. Ибо три года спустя, а именно в 1655 году, пришла опять группа служивых из Енисейска и построила новый острог, который и ныне существует... Пашков в том же году прибыл в острог и там перезимовал. В следующем году он водой поднялся по Ангаре до озера Байкал, через Селенгу и Хилок до Иргена-озера и перезимовал в остроге, расположенном недалеко от озера на Хилке. Этот острог был покинут 8 или 10 лет тому назад, и, пришедший уже в полную ветхость, был уничтожен степным пожаром. В следующем году он отправился дальше и основал Нерчинск.

Братский острог имеет в квадрате 30 саженей; на стороне к Оке он имеет большой, на стороне ангарской — малый вход. Приказная изба находится справа от большого входа. На стороне, противоположной Оке, в каждом углу острога — башня и под ними — старые, полуразвалившиеся черные избы, когда-то построенные служивыми при закладке острога. При остроге несколько церквей, несколько складов, а также пороховой и водочный погреба. Вне острога стоят 50 жилых домов, а в 5 верстах повыше — мужской монастырь, названный Спасским, принадлежащий Вознесенскому иркутскому монастырю. Жителей я не могу особенно хвалить, мы с трудом за деньги могли от них получить столько, чтобы только не голодать, а скотом они так богаты, что не только себя, но жителей города Илимска в состоянии прокормить. Они только и пользуются скотоводством и тем, что выжмут из тунгусов. Острог подчинен Илимску, но он, так же как и Ендинский, получает приказчика из Иркутска, ибо вице-губернатор счел для себя более выгодным не предоставлять эту власть Илимскому управителю. Буряты почти все отсюда уехали, но тунгусы в довольно большом количестве населяют это место. У них нет скота, живут они в лесах, но так бедны, что многие даже не имеют оленей, чтобы отправляться на охоту. Тех, которые не имеют оленей, называют бедными. Впрочем, они, может быть из-за своей бедности много общаются с русскими жителями и в большинстве случаев понимают русский язык и часто позволяют себя крестить. Среди них находятся шаманы, как и среди остальных языческих

народов. У нас был старый знаменитый шаман со своими инструментами. Одежда его отличалась от шаманской одежды, какую мы до этого видели. Она, правда, как всегда, состояла из тяжелого кожаного балахона, обвешанного различными железными предметами и беличьими, горностаевыми и хорьковыми шкурками, но, кроме этого, он носил фартук, похожий на фартук слесаря и также обвешанный многими железками. Под ним виднелись железные пластинки, некоторые из них своими углублениями и выпуклостями напоминали лица. Были еще в этом костюме кожаные чулки, обитые снизу доверху железом, а на концах имели пять железных пальцев. Говорят, что и шапка необыкновенная, но у этого шамана ее не было, она сгорела в результате несчастного случая, а черт, как он утверждал, его еще не облагодетельствовал новой шапкой. Когда мы ему предложили немного поколдовать, он натянул свои облачения, но не на голое тело, а на рубашку. Он взял в руки барабан, издали кажущийся овальной формы, но, верно, из-за плохого мастера — почти пятиугольный, и вызывал черта при помощи довольно продолжительного барабанного боя и длинной речи. Последнюю он ял и, чтобы она звучала сильнее, другие подпевали. Современные тунгусы и русские говорят, что язык, на котором он держал речь, неизвестен, что подтвердил состоявший в хоре тунгус, склонный принять крещение. После этого началось обычное фиглярство с невероятным шумом и криком, где он подражал то льву, то быку, то собаке, и его ужасные ужимки были очень похожи на ужимки черта, как их описывают. Наконец было объявлено, что черти появились, и шаман действительно вступил с ними в беседу. После многих ужимок побежал он со своим барабаном на запад, как будто барабанным боем хотел прогнать черта, а также проводил он часто руками по всему телу, как будто хотел что-то стряхнуть, это последнее движение он доводил до ног, и всем этим показал, что в своем ремесле имеет хорошие навыки. Фокусы кончились тем, что он, вроде утомленный тяжким трудом, остановился недолго, чтобы отдохнуть. Потом он сказал, что черт его только измучил, но в беседу с ним не вступил... Черт, говорят, имеет вид голого человека, но волос у него не больше, чем у обычного человека, и нет у него ни хвоста, ни козых копыт» (188—195).

О городе Илимске Гмелин пишет в своем дневнике: «Он расположен на северном берегу реки Илима в очень узкой долине, которая простирается с востока на запад и по обеим сторонам окружена высокими горами. Река Илим там шириной в 40—50 саженей, вся долина с рекой — в 80—100 саженей, из чего можно заключить, что город должен быть очень узким, но зато длинной он в версту. Почти в середине города находится деревянный острог четырехугольной формы длиной в 120 саженей и шириной в 40. Он имеет восемь башен, из них три сторожевые, а остальные пять — боевые. Сторона, выходящая к воде, и связанные с нею две стены имеют каждая по одной сторожевой башне, противоположная к воде стена и каждый угол острога имеют боевые башни. Внутри острога имеется церковь, канцелярия, дом коменданта, таможня, склад для товаров, под ним трактир, мелочные лавки, соляной склад, другой дом для денег и для дани, водочный погреб, сторожка и т. д.

Жилые дома построены повыше и пониже крепости, и число их доходит до 77. Из общественных зданий там церковь, два трактира и 6 зерновых амбаров. И еще видно 5 старых, полуразвалившихся лавок, где раньше торговали провизией. Наконец в верхней части города находится мельница, приводимая в движение маленьким ручейком Микитиным, впадающим там в Илим. Все жилые дома частных лиц очень плохи. Во всем городе только одна комната, свободная от дыма, но и она так плоха, что лучше нее взять черную избу. Я жил в паршивой черной комнате, в которой часто в облачную погоду среди бела дня приходилось зажигать свечу. Если я что-нибудь писал или читал, то вскоре бумага покрывалась падающей копотью. Но кто хоть немного прожил в Илимске, тот не удивляется, что нет в нем домов получше. Люди там делают только одно: пьют и спят. Зачем им дома получше? Некоторые кормятся дичью, но вся их работа состоит в том, что они делают для маленьких зверей ловушки или для больших — ямы, а лисицам выбрасывают сулему; они слишком ленивы, чтобы пойти на охоту. Другие выжимают из тунгусов все, что им необходимо для поддержания жизни. Большинство из них служивые; но сами они службой почти не занимаются, так как или откупаются у корыстолюбивых управителей от случающихся поездок или же кого-нибудь нанимают, кто совершает за них поездки. Когда жители должны

дать почтовых лошадей, они едут не сами, а нанимают для этого ссыльных, а сами они в городе ничего не делают, как только посещают трактиры.

Первый Илимский острог, положивший основание этому городу, был построен (приезжими) из Енисейска в году 1641 или 1642. Он находился примерно в полторы версты повыше нынешнего и деревня в 7 домов с церковью, построенная в этом месте, сохранила о нем память. Так как был построен в очень узком месте долины и горы были в 8—10 саженьях от реки, так что острог примыкал к горам, он в 1667 году был перенесен на место, где и ныне находится» (218—220).

Выше уже было указано, что Гмелин прежде всего интересовался имеющимися в Сибири ремеслами и предприятиями и, узнав, что в том или ином месте имеются те или иные предприятия, спешил их посетить и описать. Услышав, что недалеко от деревни Тюменской, на реке Куте имеются солеварни, он отправляется туда: «На южной стороне Куты имеются два соляных источника, отдаленные друг от друга на ружейный выстрел. Нижний имеет в диаметре полторы сажени, и в нем так много воды, что он похож на маленькое озерце, и озерцом его и называют. Другой не шире аршина. Заметим, что если в озерце приток сильнее, маленький источник скудеет, и наоборот, из чего можно заключить, что эти источники связаны между собой. Люди также полагают, что из большого источника летом имеется сток в Куту, но в жаркую погоду он высыхает. Я не видел маленький источник, так как дорога к нему была занесена снегом, и из него в это время не берут рассол. Маленькое озерце вокруг большого источника замерзло, из чего легко заключить, что рассол не очень крепкий, и я нашел, что в одном фунте воды не на много больше трех лотов соли. Правда, говорят, что эта вода обычно содержит больше соли, чем сейчас, и что источник немного закупорился, из-за чего все так и получается. Да еще говорят, что меньший источник замерзает только последние три года, что кажется мне подозрительным, так как на мой вопрос, варят ли круглый год соль, ответили, что это делают только в самое морозное время зимы, так как рассол в источнике замерзает.

Над большим источником устроен ящик, вроде колодезного сруба, из которого вытаскивают воду, и через желоб она идет в хижину, находящуюся на расстоянии в

10 сажень, и течет прямо в выварочную сковороду. О градировании и градириях в этих местах ничего не знают. Выварочная сковорода имеет в квадрате примерно 7 локтей и в глубину 7 вершков и выкована из железа. Новая такая сковорода держится 6 лет, после чего она уже никуда не годится, но и на протяжении этого времени часто нуждается в исправлении. Она подвешивается за большие балки, и под нее подкладывается огонь из дров. Первые два или три раза, когда в ней варят, соль получается серая, так как сковорода кое-где протекает, и за 24 часа получают 20—25 пудов соли. Но когда все щели законопачены и в сковороде образовалась корочка из соли, соль становится белая как снег и за 24 часа получают 60 пудов соли, за какое время вываривают по меньшей мере 847 ведер воды; так как на дно оседает нечто вроде белого песка, правда, соленого, но выбрасывают его как ненужный, и если этот песок оседает в большом количестве, как говорят, каждый раз на палец толщиной, то можно считать еще дополнительно 200 ведер воды, которые нужно выварить. Этот соляной песок применяется с большой пользой на медеплавильных заводах в Селенгинске, чтобы отделить железо. На месте эту соль казна продает за 17 копеек, в Илимске же и в других местах Илимской области за 27 копеек за пуд. Очень выгодно для этой солеварни, что в тамошних местах большой избыток дров. А так как там еще и много хорошей пахотной земли, то помимо солеварни там заложил деревню, которую называют Усольской деревней, и имеет большое население» (224—226).

31 марта 1736 года Гмелин пишет в своем дневнике: «Мы ехали из Усть-Кута почти все время в направлении между западом и юго-западом, в некоторых местах река имела большие повороты. По дороге мы встретили довольно много деревень, которые были очень малы, и чаще всего состояли из одного дома. Ибо горы подходят к самому берегу, и в некоторых местах, где нет гор, находится густой лес. Ни один сибирский крестьянин не рискует устроить пашню там, где она не приготовлена уже самой природой. Должно быть свободное поле с хорошим черноземом, или по крайней мере там должно быть совсем мало деревьев. Следовательно, только в таких местах могут быть деревни, а так как редко в одном месте бывает земли поболее, чем нужно, чтобы содержать крестьянина и его семью, то и деревни обычно состоят толь-

ко из одного дома. Во всех деревнях, мимо которых мы проезжали, мы заметили, что крестьяне много занимаются ловлей белок, которые в этих местах очень часто встречаются. Способ, которым пользуются при их ловле, не очень труден. Это происходит через ловушку, которая называется плашкой. Две тяжелые доски одинаковой величины кладут друг на друга и в одном конце так скрепляют, что верхнюю от нижней в другом конце по желанию можно приподнять. Между этими двумя досками в том конце, где они расходятся, вставляется тонкая деревяшка высотой приблизительно в 4 дюйма; эта деревяшка имеет приблизительно в середине вырез, и между этим вырезом и нижней доской вставляется для большей чувствительности еще деревяшка покороче. Эта деревяшка тоже имеет вырез, и на нем покоится другая тонкая деревяшка, положенная по длине доски и заканчивающаяся примерно в середине доски. К этому концу привязывают кусок сушеной рыбы для приманки, ибо ни мясо, ни свежая рыба для этого не годятся. Ловушка ставится на дерево, и белка, когда добирается до приманки, убивается верхней доской. Некоторые крестьяне имеют тысячи таких ловушек, и главная добыча идет с начала марта до середины апреля. Те, которые занимаются ловлей с большим рвением, в это время живут в лесу, чтобы все время готовить ловушки. Для этой цели многие строят себе в лесу зимние хижины. Те, которые довольствуются меньшим, особенно если ловушки расставлены вблизи, каждые пять-шесть дней идут из своей деревни, чтобы осмотреть ловушки и снова их насторожить. Как выгодна эта ловля, можно легко видеть из того, что многие рабочие нанимаются крестьянами на год и довольствуются третьей частью пойманных белок вместо жалованья. Если же нанимать в этих местах рабочих за деньги, то они редко берут меньше 20—25 рублей в год, и еще надо им дать еду. Продажа пойманных белок не затрудняет крестьян, и хотя эти белки и не лучшего сорта, иркутские купцы их прилежно скупают и чуть ли не дерутся из-за них. За тысячу белок дают 27 рублей. Так как крестьяне часто находят в ловушках белок-летунов, то бывает, что они в связки настоящих белок примешивают летучие, что покупатель не сразу замечает, так как нет такой привычки, чтобы развязывать все связки. Но обман легко заметить, так как эти два вида белок почти ничего общего кроме названия и способа передвижения

по деревьям не имеют. Форма тела у одного совсем иная, чем у другого, и летучие белки похожи больше на крысу. Отличаются они между собой главным образом тем, что между передними и задними лапами имеют мех шириной свыше дюйма, который они могут распушить и ослаблять, и поэтому могут немного летать. Хвосты их не такой длины, как у белки, и цвет их больше отдает желтым, чем черным». (231—234).

Находясь в Усть-Ильгенской в мае 1736 года, Гмелин обратил внимание на оживленную навигацию по реке. Он пишет: «Мы видели, как только вода открылась, много плотов, проплывающих мимо Усть-Илги. Жители этих мест слишком ленивы, чтобы строить суда. Они имеют обыкновение возить большое количество муки в Якутск, так как могут ее там выгодно продавать. Постройка плота обходится крестьянину дешевле; лес для этого у них перед дверью и бесплатно, и постройку совершают они сами. Они могут нагрузить на плот 1000—2000 пудов муки, если плот достаточно большой. Таковую (муку) грузят они не в мешках, а делают шалаш в середине плота, куда засыпают всю муку. В Якутске продают они не только муку, но и плот, который тамошние жители используют как топливо, так как они рано выезжают из своих деревень, они в то же лето возвращаются. Правда, иногда случается, что якутские жители не сразу покупают всю муку, если ее слишком много доставили, в этом случае канцелярия его величества казны скупает муку по более дешевой цене, чтобы не отпугивались крестьяне возить муку в дальнейшем. Поэтому они всегда возвращаются с хорошей прибылью, а так как они еще хорошо зарабатывают белкованием, то крестьяне на Лене не могут жаловаться на плохое существование... Каждая крестьянка имеет шелковые платя, и мужчины пьют по любому поводу. Эта привычка ленских крестьян возить каждый год муку в Якутск была одна из причин наличия многих плотов, другая была связана с Камчатской экспедицией. Так как для отправляемых туда людей не было достаточно провизии, то в этот год нужно было ее еще много доставить, и для этого нужны были плоты, так как считали, что фрахт обойдется казне не так дорого, как обычно. Я не могу об этом судить, я только заметил, что плот, оплачиваемый казной, той же величины, как и крестьянский плот, берет только половину его груза, не говоря уже о том, что казна оплачивает плохой плот

дороже, чем частные лица хороший. Кроме того, ни один плот, принадлежащий его величеству, не имеет меньше восьми, а то и больше человек, в то время как крестьяне никогда больше четырех не берут, а по первой воде не больше двух. Наконец, нужно еще учесть, что и на хороших плотях во время поездки много муки мокнет и портится, а на плохих погибает еще того больше. Я еще по поводу этих плотей могу сказать, что для их причаливания к берегу не применяются обычные канаты из конопльи, а вяжут из тонких веток особой ели канат толщиной в руку и больше, и такой канат держит так крепко, что не было примера, чтобы он разорвался» (251—253).

6 августа 1736 года Гмелин вместе с группой участников экспедиции посетил слюдяные разработки на Маме. Они перебрались через Маму, поднялись по Витиму до ручья Колотовки: «Слюдники — люди, которые разыскивают слюду, и там, где они находят места с слюдой, они поджигают лес, чтобы найти еще такие места. Все горы покрыты мохом и деревьями, и снаружи не видать, что в них имеется, и когда мох и корни сгорят, то при солнечном свете можно видеть блестящие слюды, и многие находят таким путем (слюду). Когда мы приблизились к ручью Колотовке, мы видели большую лодку с навесом, вытянутую на берег, и несколько собак, а вскоре затем увидели шалаш промышленников и их самих. Было большим счастьем, что мы прибыли как раз в этот день, в праздник Преображения господне. Никогда не найдешь в шалаше промышленника, как только в воскресенье или в праздник, и местность такая дикая, что долго нужно было бы бродить, чтобы их найти. Они не устраивают себе дорог, и редко рудники существуют так долго, чтобы от ходьбы образовалась бы в конце концов дорога. Промышленники валялись в шалаше. Там не было печки, а печь для выпечки хлеба была снаружи, сложенная из камней без глины. Но они не могут быть без печи. Как бы далеко они ни отправлялись, они не берут с собой хлеба. Они выпекают время от времени свежий, от чего они еще имеют то преимущество, что всегда могут сделать себе квас.

Мне очень захотелось в тот же день осмотреть слюдяной рудник. Вместе мы отправились в путь, и предводитель промышленников шел впереди как проводник. Он вел нас вверх по ручью Колотовке, но так, что несколько раз пришлось переходить через него вброд, а в некоторых

других местах, где он был очень быстр и глубок, переправлялись по сваленным деревьям. Остальной путь вел по лесу, частично по гари, или настолько густому, что лишь с большим трудом мы пробрались. В некоторых местах дорога вдоль берега ручья была так узка, что нельзя было оступить без опасности свалиться в ручей. Кустарник от дождя, выпавшего в предшествующую ночь, так промок, что мы, когда, наконец, добрались до рудника, насквозь промокли и изрядно устали. Ибо промышленник, который показывал дорогу, шагал по своей манере. Мы не видели никакого рудника, а только род шурфов, сделанных в утесе на высоте примерно 5 саженей над ручьем. Их проходят только за три недели, и у промышленников нет других способов добычи, кроме молотка и огня. Они ничего не знают о взрывных работах с порохом. Слюда находится в породе, частично — в беложелтоватом кварце, частично — в сером плавиковом шпате и в этом камне лежит слюда самым различным образом. Она не идет жилами, а находят ее отдельными пластинами, иногда на пять четвертых, иногда на пол-аршина и меньше в квадрате и толщиной в несколько вершков. Эти листы иногда целые, иногда разделены поперечными жилами. Только редко проникают в породу глубже трех аршин; людям или надоедает долгая работа, или порода становится слишком твердой...

...Поиски (слюды) у Витима начались примерно в 1689 году, как это показывают архивные документы. Еще в 1680 году было известно о нахождении слюды у ручья Элдмак, впадающего в Тонтору, и несколько лет спустя у ручья Мамушкана, а в 1688 году у реки Зеи. Я думаю, что тогда этим больше занимались, чем сейчас. Стоило только что-нибудь найти, как сразу появлялись приказы доставить ее столько, сколько только возможно, хотя в наши дни такие поиски легче, чем в старое время. Но витимская слюда была найдена не сразу. В якутском архиве имеется доклад, посланный одним из тамошних воевод Трауернихту, затем знаменитому Андрею Виниусу в Сибирский приказ в конце прошлого столетия, где сообщается о слюдяных рудниках на реках Алдане и Чаре во владениях якутского жителя казака Ивана Лыткина, но ни слова о Витиме не упоминается. Они говорят, что Лыткин и другой казак, Тимофей Тварагов, были первыми среди искателей слюды. Лучшие их рудники были на реках Чуе и Чаре, особенно между двумя ручья-

ми Нетшере и Бединте (Nätshera, Bedinta), впадающими к северу в реку Ею (Jeju). А река Ея от запада к востоку впадает в Чару, а та в направлении от юго-запада к северо-востоку в Олёмку. Они также говорят, что некто по имени Федора Лялина из Якутска присвоил себе в собственность этот последний рудник, не знаю, в связи с чем.

Только в 1705 году начали по-настоящему искать слюду на Витиме, и так как она была признана лучше любой другой, с этого времени на другие места перестали обращать внимание и вскоре они пришли в полный упадок. В этот же год Илимский воевода Федор Родионович Каршанов был в Киренском остроге, где несколько вкладчиков тамошнего монастыря 26-го мая внесли челобитную и просили его разрешения добывать на Витиме и впадающих в него ручьях слюду, так как они получили известие, что там таковая имеется; они обязались десятую часть всего, чего найдут, внести в казну. А ведь у Илимского воеводы в старых архивах имелись приказы о посылке казаков на поиски слюды, поэтому он без колебаний дал разрешение. Согласно этому разрешению, компания 1-го июня того года отправилась на Витим и вернулась с хорошей добычей осенью. Ее следует считать первой, открывшей на Витиме слюду. С того времени продолжили это дело, и слышно о многих рудниках, которые с этого времени там возникли... Хороший рудник был у ручья Коссова (Kossowa), который примерно в 10 верстах выше устья Нижней Мамы впадает в означенную Маму с южной стороны, получивший от своего открывателя название Скорнянского, во-вторых, второй на речке Луговке, впадающей 12 верст повыше с той же стороны в Маму, названный Луговским, в-третьих, у речки Слюдянки, впадающей в 8 верстах выше в Луговку с севера, в-четвертых, один у речки без названия, которая в нескольких верстах отсюда впадает с востока в Красную (она впадает в полдня пути или 12 верстах с севера в Маму), в-пятых, у речки Барчихи, впадающей в 30 верстах ниже Нижней Мамы в Витим, в 30 или 40 верстах выше его устья на южном берегу, вблизи лежащего на юге гольце Челым-чале (Tschelim-tschal) или Челинченды, видного с Витима, не говоря о множестве других. До сих пор ни один рудник долго не разрабатывался, так как слюда для своего образования нуждается в воздухе и не встречается глубоко в породе, а может быть и по-

тому, что людям, не имеющим ничего, кроме молотков, ломов, кирок и зубил, слишком затруднительно проникнуть в глубину породы.

Лучшей считают слюду светлую, как чистая вода, а та с зеленым оттенком считается намного хуже. Далее смотрят главным образом на размеры. Находили уже такую в один и три четверти, одну и одну пятую и пять четвертых локтя в квадрате. Но это очень редко, и большую ценность имеет уже та, которая имеет только три четверти до одного локтя в квадрате, и на месте за нее дают охотно 1—2 рубля за фунт. Самой обычной является четвертная, получившая такое название от того, что имеет в квадрате четверть локтя. За такую платят за пуд 8—10 рублей. Наихудшей считается шитуха, меньшего размера, которую шивают, отсюда она и получила свое название. За пуд дают 1,5—2 рубля. Чтобы подготовить слюду к употреблению, ее щиплют, что делается с помощью двустороннего тонкого ножа, если ее немного потрясти, то она щиплется как угодно. Но ее щиплют не очень тонко, а так, чтобы она сохранила крепость. Во всей Сибири ею пользуются вместо оконного стекла, и фонарные стекла из больших пластин выглядят очень хорошо. Нет стекла такой прозрачности и чистоты. В России в деревнях и во многих маленьких городах ее также ставят в окна... Кроме того, что она так прозрачна, она не ломается и не страдает от сотрясения при пушечных выстрелах. В русском флоте много ее применяют, и все стекла на кораблях делают из слюды. Но все же она подвержена некоторым изменениям. Если она очень долго находится на воздухе, то на ней возникают постепенно пятна, которые делают ее непрозрачной, особенно если на ней оседает пыль. Жир и копоть с нее тоже нелегко удалить» (323—333).

Гмелин в своем дневнике мало затрагивает вопросы социальных отношений сибирских народов и там, где на таких вопросах все же останавливается, исходит из весьма примитивных «социологических» предпосылок, объясняя бедность, голод, болезни, угнетение — одним: пресловутой «ленью» сибиряков, их склонностью к пьянству и разврату. Но в отдельных случаях все же в его записках встречаются довольно глухие, правда, намеки на эксплуатацию коренного населения Сибири и на попытки сопротивления с его стороны. Некоторые такие сведения мы находим в третьем томе дневника Гмелина, ох-

ватывающим период с 1738 по конец 1740 года. Так, например, находясь в Братском остроге 9—11 августа 1738 года, уже на обратном пути в Петербург (в связи с болезнью Г. Ф. Миллера Гмелин упорно добивался досрочного возвращения, и ему на смену был выслан Штеллер) ученый пишет: «Здесь держали в аресте около 50 бурят и тунгусов из-за бунта, который они замыслили против здешнего острога и деревень у Ангары. Что они собственно предполагали делать, я не мог узнать. Об этом говорили лишь шепотом. Говорят, что у них находили больше ружей и пороха, чем им полагается. Говорят также, что свой умысел они хотели осуществить в три разных срока: в день Петра и Павла, Ильин день и 1-го августа. Маленький бурятский мальчик, недавно крещенный, узнал об этом и все выдал. Зачинщиками были, как говорят, буряты и тунгусы Братского острога, и их обвиняли вместе с удинскими бурятами и илимскими тунгусами. Двое из этих захваченных предводителей, сидящие в одной колодке, повесились в тюрьме. Для этого они воспользовались ремнем, которым подвязывали свои штаны, на котором повесился сначала один, другой сбросил повешенное тело, отвязал ремень и воспользовался им с той же целью. Откуда же узнали эту ужасную историю? Нашли повесившегося, а его товарища лежащим недалеко от него, и на шее его признаки удушья, и об остальном догадались. Говорят, среди илимских тунгусов также имеются недовольные, которые, однако, не принадлежат к банде названных пленников. Три года тому назад такие беспорядки были среди бурят, так что многих, признанных виновными, связанными повезли в Иркутск, но, продержав их некоторое время в тюрьме, опять освободили, в результате чего они еще больше ободрились в создании беспорядков, в надежде, что когда попадутся, их снова отпустят. Я действительно не могу себе представить, что они в состоянии со своими злыми планами что-нибудь сделать, можно их всех держать строго в узде. Но я бы не советовал оставить их без наказания. С ними надо вести себя как с детьми, которым иногда следует давать розгу, чтобы они были бы хорошими» (79—81).

Находясь в Кежемской слободе, Гмелин снова услышал о бунтовщиках. 17 августа он записывает в дневнике: «Здесь мы также слышали, что продолжали искать тунгусов, чтобы доставить их в Илимск, так как их счи-

тали бунтовщиками. Я почти не могу себе представить, чтобы этот народ, который, правда, иногда обнаруживает признаки своей дикости, может предпринять что-либо дурное против начальства. Ничего нет в этом случае чего-нибудь более простого, как усмирить их, что может произойти без промедления со строгим и серьезным наказанием. Это, во всяком случае, было бы лучше, чем их подолгу таскать, освобождать некоторых, других сажать и без достаточных оснований наказывать, а других оставлять без наказания. И если их без вины арестовать и посадить, то это может причинить гибель всего народа, уже и так говорят, что илимские тунгусы не являются более тем многочисленным народом, каким они были...» (99).

Некоторые интересные сведения о состоянии сибирской и уральской железодельной промышленности и условиях труда занятых в ней рабочих находим мы и в четвертом томе дневника Гмелина, охватывающем период времени с 1740 по 1743 год. 4 августа 1742 года Гмелин прибыл в Катериенбург и, поскольку он ранее ограничился лишь некоторыми общими сведениями об этом городе, он считал необходимым дать более полное его описание: «Основан город в 1723 году. Там плотина длиной в 98 сажений, высотой в 3 и шириной в 20 сажений. Деревянная церковь посвящена великомученице Катерине, стоит она на левом или восточном берегу реки Исети и выполнена клетчатой постройкой. Каменная церковь которую начали строить в мое предыдущее пребывание в 1735 году, тогда уже наполовину возведенная, по неизвестным причинам была снова сломана. Недалеко от этого места стоит теперь большое каменное здание канцелярии. Раньше канцелярия была деревянной. Там еще был большой деревянный гостиный двор с 84 лавками, который, однако, в ночь с 19 на 20 июля почти полностью сгорел. Напротив канцелярии находится гауптвахта и цейхгауз. До 1735 года здесь был железодельный завод с двумя мачтовыми печами, постоянно находившимися в работе. Но в указанный год он был перенесен на Верхне-Исетский завод. Было тогда произведено и изменение в выплавке меди, ибо до этого совершалась она на особом медеплавильном заводе с тремя крумофенами, двумя очистительными горнами и еще двумя другими горнами, и не только плавилась медная руда, но и очищалась выплавленная на Полевском заводе чер-

ная медь и разливалась в чушки, выдувалась железная кислота, что теперь делается на Полевском. При нынешнем состоянии в работе следующие заводы, приводимые в движение водой: 1) три большие кузницы для выделки прутьев, каждая в четыре горна и с двумя большими молотами, для которых сырое железо доставляется с Верхне-Исетского завода водой по Катериненбургскому пруду; 2) большая кузница по выделке листового железа с двумя горнами и двумя большими молотами, которые из пруткового железа изготавливают листовое для покрытия крыш; 3) якорная кузница с 5 горнами и большим молотом; 4) мастерская, где прутковое железо с помощью машины режут на прутья различной длины и прутья выпрямляются с помощью другой машины и вытягиваются; 5) маленькая кузница с одним горном и маленьким молотом; 6) мастерская для обработки чугуна с 8 горнами и двумя волочильными молотами; 7) мастерская по производству проволоки с маленьким горном, вытяжным молотом и 12 захватами; 8) мастерская по тонкой обработке стали с тремя горнами и двумя молотами; 9) кузница в 28 горнов, где куют инструмент и другие необходимые для горного и железоделательного производства вещи и все дутье приводится в движение водяным колесом; 10) две лесопилки, одна с двумя, другая с тремя поставами, из которых последняя работает со дня основания завода, а другая построена на месте перенесенного в Верхне-Исетск завода; 11) мукомольная мельница с тремя поставами. Из других заводов и мастерских, не приводимых в движение водой, там имеются: 12) гвоздильная кузница с 4 горнами; 13) маленькая кузница с 4 горнами для тонкой работы; 14) жестяная мастерская; 15) мастерская по лужению жести с одним горном; 16) мастерская по изготовлению раздувальных мехов; 17) кузница для изготовления котлов, где раньше делали различные сосуды из меди и белой жести для продажи, которая, однако, уже несколько лет не работает; 18) токарная мастерская; 19) машинное отделение, где изготавливают модели различных горнов и железоделательных машин, а также большие пожарные насосы голландского образца; 20) мастерская по шлифовке камня; 21) лаборатория, где делают пробы руд, с пробирной печью и горном. К этому прибавляется еще: 22) дом, где уже три года обрабатывают серый с белым мрамор, добываемый в карьере, расположенном в 35 верстах от Ка-

териненбурга по направлению к Полевскому заводу, обтесывают столы и колонны, шлифуют и полируют. А так как с 1735 года действует распоряжение, по которому вся медь из сибирских, пермских и кунгурских заводов, предназначенная для разменных монет, как денежки и полушки, должна быть разрезана на пластины и для чеканки отправляется в Москву, хотя некоторое время тому назад деньги чеканились и в Катериненбурге, что, однако, в прошлом году было снова отменено царским приказом и было приказано делать только пластины для монет и отправлять их в чеканку в Москву, то имеется еще несколько заводов и мастерских, из которых шесть также приводятся в движение водой; а именно 23) завод по выплавке меди с одной печью и 4 горнами; 24) две мастерские, где медь расплющивают на пластины, каждая в два горна и с двумя большими молотами, и у каждого молота три большие ножницы для резки пластин на узкие полосы; 25) мастерская в три постава, чтобы эти полосы с помощью машин растягивать в ширину и длину, как этого требует толщина монет, и выравнивать; 26) две мастерские, где названные медные полосы с помощью особых машин очень быстро и точно режут на круглые монетные пластинки, одна в 9 и одна в 12 поставов; 27) токарный станок, чтобы вытачивать валы гладильных машин № 25); 28) кузница в три горна; 29) ручная кузница, также в три горна; 30) комната, где просматривают круглые монетные пластинки, соответствуют ли они требуемому весу; 31) комната, где отобранные монетные пластинки передаются монетным мастерам (мицмейстерам) для чеканки, а отчеканенные снова у них отбираются, что как и следующее устройство сейчас прекращено; 32) калильная печь, чтобы медные пластинки закаливать; 33) мастерская для накатки ободков монет, в два постава, каждый в 10 машин, из которых 6 для денежек, и четыре для полушек; 34) два дома, каждый в две комнаты, где снабженные ободком монетные пластинки чеканятся монетным штампом, с 24 прессами — 22 для денежек и 2 для полушек. Эти, как и ранее названные, машины сейчас разобраны, и их должны отправить в Москву; 35) мастерская по изготовлению монетных штампов и 36) пресс для отчеканки штампов, которые из-за изменившихся обстоятельств тоже могут быть приостановлены, но пока еще работают, и есть намерение отправить готовые штампы в Москву; 37) каменный

подвал для хранения отчеканенной монеты, при нем 38) монетная контора. Все эти здания с № 30 занимают четырехугольное место, так что между домами там и здесь остается свободное пространство, заполненное палисадами, и оставлен только один вход во двор, охраняемый караулом. Только контора завода имеет вход снаружи, и из нее нельзя попасть во внутренний двор. Ранее названные мастерские и заводы стоят вперемешку с другими заводами и мастерскими, некоторые в тех местах, где раньше находился медеплавильный завод, остальные в других местах, где их было удобно расположить.

Со времени моего последнего пребывания город в западной части немного расширился, и после разрушения вала вместо прямой линии по угловым бастионам сделан ряд палисадов с двумя выпуклыми углами таким образом, что теперь имеются три стороны к юго-западу, западу и северо-западу, каждая из них в 126 сажений, с воротами в середине. В городе около 460 жилых домов, и вне крепостных укреплений и сверху, по обеим сторонам пруда, снизу по обеим берегам реки Исети еще имеются пригороды, где живут ссыльные, а частью свободные люди, которые с момента закладки города из-за пропитания своего здесь поселились и работают на заводах с поденной оплатой. В конце верхнего пригорода на восточной стороне пруда на холме построен большой дом для главнокомандующего с большим парком, откуда можно обозреть всю местность. В конце нижнего пригорода на восточном берегу Исети имеются госпиталь и аптекарский сад.

Гарнизон Катериненбурга состоит из двух рот солдат с капитаном. Артиллерийская команда состоит из штикюнкера, трех унтер-офицеров и 36 рядовых.

Главнокомандующим сейчас подполковник, и он помощниками в главной горной канцелярии имеет двух бергмейстеров. Земская и судная контора, как и полиция, обособлены, и та управляется подполковником, а эта капитаном, поставленным над гарнизоном. Каждое из этих учреждений имеет секретаря, а кроме них есть еще секретарь, который проверяет старые счета. Таможенные служащие, которые одновременно собирают доходы от трактиров всей Катериненбургской области, подчиняются наместничеству в Тобольске» (387—394).

Далее идет подробное описание Верхне-Исетского и других уральских заводов (396 и след.).

Гмелин указывает, что на Тагильском заводе широко применяется детский труд: «В мастерской по производству проволоки большинство работ выполняют маленькие мальчики с 10 до 15 лет, и так же хорошо, как и взрослые. Это одно из хваленых устройств господина Демидова, кто только может работать, привлекают к работе. На Невьянском заводе я видел мальчиков в 7—8 лет, которые делали медные чашки и различные сосуды из этого же металла. Им платят в зависимости от выполняемой работы, к которой стремятся и с ранних лет привыкают. Этим детей таким образом удерживают от безделья, и они подают надежду со временем стать хорошими мастерами» (412).

Детский труд применялся и на уральских рудниках: «Работа в этих рудниках тому, кто такое еще не видел, кажется необычной. Немногие взрослые мужчины отбивают руду, а многие мальчики и девочки 8—10 лет собирают ее в кучу» (414).

Значительный интерес представляют приведенные в дневнике Гмелина статистические сведения о Соликамских солеварнях, дающие возможность довольно точно подсчитать количество занятых здесь рабочих и производительность их труда (522—551).

16 февраля 1743 года Гмелин прибыл в Санкт-Петербург.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Татищевские «Примечания на книгу учиненную г-ном Страленбергом, имянуемую северной, восточной страны Европы и Азии, печатанной 1730 году в Стокгольме»: «Сей господин издатель по его любопытству и трудам весьма похвалы достоин и подлинно можно сказать, что он другим подал немалую причину о происхождении и переселениях народов, обретающихся в сих странах... и хотя некоторые погрешности в его мнении находятся, однако ж видно, что то наиболее от недостатка полученных им известий и знания русского и татарского языков». Библиотека АН СССР (Ленинград), 17.9.7, стр. 1—2. Сам Страленберг в предисловии к книге указывает, что описание начал «нечаянно» писать, находясь в плену, и не всегда мог иметь необходимые сведения, а записывал то, что слышал и видел. О слабости теоретической подготовки Страленберга см. В. Г. Мирзоев, Историография Сибири (XVIII век), Кемерово, 1963, стр. 21.

² В. Г. Мирзоев, Ук. соч., стр. 49.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Мессершмидт Даниил Готтлиб (1685—1735) окончил в Галле курс медицинского факультета и обладал большими знаниями в ес-

тественной истории, географии, археологии и других науках. В 1716 году он был вызван Петром I в Санкт-Петербург, и здесь с ним был заключен контракт, по которому он обязывался ехать в Сибирь для занятия географией страны, натуральной историей, медициной, лекарственными растениями, эпидемическими болезнями, описанием сибирских народов, филологией, памятниками древности и вообще всем достопримечательным. Мессершмидт, работая сначала без помощников (потом к нему, как указывалось выше, был прикомандирован Страленберг) и с очень скромными средствами, все же мог собрать большой материал по истории и этнографии Сибири, создал значительные коллекции растений, сам набивал чучела попадавшихся ему птиц и делал с них рисунки, на каждом значительном месте определял высоту полюса, составлял карты и т. д., хлопотал у сибирских властей, чтобы ему доставляли всякие «к древности принадлежащие вещи, якобы языческие шайтаны (кумиры), великие мамонтовы кости, древние татарские и калмыцкие... письма и их протеческие письмена, такожде каменные и... могильные образы». Наконец, Мессершмидт был эрудированным ориенталистом, разыскивал монгольские рукописи, собирал слова из языков сибирских народностей и много трудился над их сравнением. В Сибири Мессершмидт пробыл 7 лет, результаты его поездки, хранящиеся в архиве АН СССР, долго не издавались, небольшие отрывки были опубликованы Палласом в 1782 году. (*Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidts siebenjährige Reise in Sibirien. Neue Nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung Naturgeschichte und Oekonomie. Dritter Band, St. Petersburg und Leipzig, 1782.*)

В настоящее время в ГДР совместными усилиями немецких и советских ученых начато издание записок Мессершмидта: D. G. Messerschmidt Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Teil I. Herausgegeben von E. Winter und N. A. Figurovsky. Mit einem Vorwort von W. Steinitz und A. V. Topciw, Akademieverlag, Berlin, 1962. Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Herausgegeben von E. Winter, Band VIII, Teil I.

⁵ Иоганн Георг Гмелин (1709—1755) жил в России с 1720 по 1747 год, в 1731 году избран членом Петербургской Академии наук. В 1733—1743 годах посетил ряд мест Западной и Восточной Сибири, где собрал ценный ботанический материал. В 1747—1769 годах Академия наук издала 4 тома его труда «Флора Сибири». Уже после возвращения в Германию Гмелин в 1751—1752 годах опубликовал свои сибирские записки: D. Johann Georg Gmelins der Chemie und Kräuterwissenschaft auf der hohen Schule zu Tübingen öffentlichen Lehrers Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. I—IV Theile, Göttingen, 1751—1752; *Jenseits des Steinernen Tores. Entdeckungsreisen deutscher Forscher durch Sibirien im 18. und 19. Jahrhundert.* Berlin, 1963.

⁶ Георг Вильгельм Штеллер (1709—1746), участник второй камчатской экспедиции, автор работ «О морских животных» (1753), «Описание земли Камчатки» (1774), «Путешествие от Камчатки к Америке вместе с капитан-командором Берингом» (1793). См также *Leben Herrn Georg Wilhelm Stellers, gewesenen Adjuncti der Kayserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg; worinnen die*

bissher gemachten Nachrichten von deselben Reisen, Entdeckungen und Tode, theils wiederleget, theils ergänzt und verbessert werden. Franckfurt, 1748;

В. Г. Мирзоев, Ук. соч., стр. 24—26.

⁷ Эрик Г. Лаксман (1737—1796), финн родом, жил в России с 1762 года, был пастором лютеранского прихода Кольвань-Воскресенских рудников (Барнаул), в 1764 году избран корреспондентом Академии наук, в 1781 году был горным советником в Перчинске, много занимался изучением горного дела и прикладной химией, долго жил в Иркутске. См. «Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка Вильгельма Лагуса, СПб., 1890 (перевод с шведского издания 1880 года); Я. К. Грот, Эрик Лаксман (рецензия на книгу Лагуса), Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. XXIX, СПб., 1882. M. Erich Laxmanns, Predigers bey der deutschen Gemeinde zu Barnaul auf den Kolyvanischen Bergwercken in Sibirien, Sibirische Briefe, herausgegeben von A. L. Schlözer, Göttingen und Gotha, 1769.

⁸ Петер Симон Паллас (1741—1811) родился в Берлине, в 1760 году защитил докторскую диссертацию, был приглашен Екатериной II, в качестве адъюнкта Академии наук, результаты своих исследований изложил в «Путешествии по разным провинциям Российского государства в 1768—1774 гг.»; изданы на немецком языке в 1771—1776 годах, на русском — в 1773—1788 годах.

⁹ Иоганн Готтлиб Георги (1729—1802), ученик К. Линнея, с 1768 года принимал участие в русской академической экспедиции под руководством П. С. Палласа. В 1770 году поступил на службу в Петербургскую Академию наук, с 1783 года — действительный член Академии. В 1770 году отправился через Москву, в Астрахань, посетил Уральск, берега Урала, кочевья башкиров, Исетскую провинцию (1771). Присоединившись к академику И. П. Фальку в Омске, вместе с ним через Барабинскую степь отправился на Колыванские серебряные рудники, побывал в Барнауле, на Алтайских рудниках, в Томске и Иркутске, откуда отправился на Байкал, снял карту озера, был в Даурии и через Екатеринбург и Уфу в 1774 году возвратился в Санкт-Петербург, где в 1776 году издал на немецком языке свои путевые записки: *Beschreibung aller Nationen des russischen Reiches, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten*, Petersburg, 1776—1780.

¹⁰ Иоганн Зиверс (ум. в 1795), ученый, ботаник, член Академии наук и Вольно-экономического общества в Петербурге, много путешествовал по Сибири, в частности, был членом экспедиции 1750 года, снаряженной для изучения вопроса о разведении и собирании ревеня, оставил любопытное во многих отношениях описание страны в „*Briefe aus Sibirien an seinen Lehrer den Königl. Grossbritanischen Hofapotheker Herrn Brande, den Königl. Grossbritanischen Botaniker Herrn Ehrhart und den Bergcommissaris und Rahtsapotheker Herrn Westrumb*, 1796 (*Neue Nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie*, B. VII, St. Petersburg und Leipzig, 1796).

¹¹ В. Г. Мирзоев, Ук. соч., стр. 18.

¹² Там же, стр. 32.

¹³ *Jenseits des Steinernen Tores*, Berlin, 1963; D. G. Messerschmidts Forschungsreisen durch Sibirien 1720—1727, Berlin, 1962.

¹⁴ Э. Зиннер, Плодотворное содружество ученых, ж. «Сибирские огни», 1956, № 1, стр. 185—187.

¹⁵ *Jenseits des Steinernen Tores*, S. 40—41.

¹⁶ *Neue Nordische Beiträge*, B. VII, 1796, S. 147—148.

¹⁷ Там же, стр. 151.

¹⁸ Там же, стр. 363—366.

¹⁹ M. Erich Laxmanns... *Sibirische Briefe*, S. 36—48.

²⁰ Труды И. Г. Гмелина знаменитый немецко-швейцарский ученый и поэт Альбрехт Галлер посвятил стихотворение, открывающее первый том «Путешествия по Сибири»; поэт воспеваеет безграничную ширь Российской империи, где в туманной дали, куда еще не проникла людская любознательность, не известные еще звери служат неведомым еще народам, и в горных глубинах руда ждет еще своих открывателей, зеленеют еще никем не описанные травы, — целый неведомый мир, открытый Гмелиным. Галлер был знаком с Гмелиным с 1723 года, когда вместе с ним учился в Тюбингенском университете; долгое время он вел с ним оживленную переписку. Сибирские материалы Гмелина, как и сведения, почерпнутые из книги Страленберга, Галлер широко использовал в своем поэтическом творчестве, например, в романе «Узонг». См. Э. Зиннер, Сибирь в поэтическом творчестве Альбрехта Галлера. Русско-европейские литературные связи. М.—Л., 1966, стр. 270—275.

²¹ Социально-политические взгляды Гмелина не были радикальны; в лучшем случае их можно назвать умеренно-либеральными. Это проявляется, например, в оценке отдельных фактов борьбы малых сибирских народностей против жестокости и эксплуатации со стороны русских купцов и чиновников (рассказ о бурятах-повстанцах, т. III, стр. 79—81 и 99), в описании детского труда на уральских заводах (т. IV, стр. 412—414). Но в ряде случаев в Гмелине все же просветитель берет верх над умеренным немецким бюргером, и Гмелин, сам того может быть не подозревая, дает злую сатиру на сибирские порядки, в частности, на деятельность православных миссионеров в Сибири.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗАПИСКИ РЕНЬЕ О БУРЯТАХ*

Первые сведения о бурятской народности проникают в западноевропейскую литературу в начале XVII века. По мнению Г. Хеннинга, некоторые, правда весьма туманные и единичные, намеки о ней содержатся уже в описании Сибири голландца Исаака Массы (1612)¹. Более определенные данные о бурятах дают европейские источники конца XVII и начала XVIII века. Французский иезуит Жербильтон, описавший Забайкалье, приводит несколько любопытных сведений о народах, населяющих берега озера, в том числе и о «браттах»; о бурятах упоминает и Ф. Авриль. Содержащиеся в книге Н. Витсена материалы об этой народности, по-видимому, почерпнуты из труда Исбранда Идеса, известия которого являются одной из первых более или менее обстоятельных характеристик бурят этнографического характера². Анонимный автор книги «Наинновейшее государство Сибирь» буквально воспроизводит характеристику нравов и обычаев бурят, описание их жилищ, одежды и т. п., сообщенную Идесом. В частности, 20-я глава (175—179), специально посвященная бурятам (*von denen Buratten*), оказывается простым переводом соответствующего места из описания путешествия Исбранда³.

* Материал для этой главы в преобладающей степени основан на сведениях, содержащихся в рукописи доклада академика М. П. Алексеева «Несколько данных о бурятах в западно-европейской литературе XVII—XVIII вв.», прочитанного 14 марта 1931 года в Иркутске и любезно предоставленного автором в мое распоряжение.

Во второй половине XVIII века ряд очень интересных данных о бурятах сообщили на основании личных наблюдений Г. Ф. Миллер в своей «Истории Сибири», Георги⁴, Паллас⁵. Путешествия Палласа, между прочим, обратили на себя внимание известного немецкого писателя и философа Гердера, который поместил бурятскую песню в свой знаменитый сборник «Голоса народов», а в своем трактате «Идеи к философии и истории», говоря о монголах, разделяя их вслед за Палласом на собственно монголов, калмыков и бурят, посвятил последним несколько размышлений историко-философского характера⁶.

Все эти данные, вкрапленные в повествования о путешествиях по Сибири, несмотря на свою несомненную ценность, все же отличаются отрывочностью и разбросанностью. Тем любопытнее, что в эти же годы в Германии было опубликовано специальное сочинение о бурятах, представляющее цельную характеристику бурятской народности, ее внешнего быта, нравов, привычек и нравственного облика, языка, хозяйственной жизни и т. д. Таков забытый у нас трактат: «Описание бурят» Ренье, опубликованный Мейзелем в Аугсбурге в 1780 году.

Иоганн Георг Мейзел (1743—1820), профессор истории в г. Эрфурте, а потом в Эрлангене (с 1779 года), известен как плодовитый компилятор и издатель конца XVIII века, выпустивший целый ряд весьма обширных сборников, по преимуществу исторического содержания⁷. Главный интерес этих сборников заключается в весьма ценных материалах, опубликованных полностью или в извлечениях, которые Мейзел неутомимо собирал в самых разнообразных местах; из них многие имеют значение первоисточников и не потеряли его и поныне. Роль Мейзеля в истории науки правильно определил уже Вахлер⁸ в книге «Handbuch der lit. Kultur» (1804, III, 314), метко назвав его «заслуженным регистратором всего, относящегося к историческому знанию»; с этой оценкой вполне согласуется и та, которую дает Мейзелю его новейший биограф Штейнмейр⁹; по его мнению, Мейзел получил известность не благодаря каким-либо самостоятельным изысканиям или плодотворным идеям, оставленным им потомству, но исключительно благодаря заботливому подбору и публикации разнородного исторического материала. У Мейзеля была настоящая страсть к собиранию, систематизации и редактированию этих ма-

териалов, и он — надо отдать ему справедливость — берег для науки и старательно издал памятники, которые без него и не сохранились бы. Один из таких сборников исторических материалов Мейзель выпустил в свет через год после получения им профессуры в Эрлангенском университете. Он издан в Аугсбурге и носит название: «Статьи, служащие к обогащению исторической науки»¹⁰. В этом сборнике и помещена интересующая нас статья о бурятах.

О том, как она попала к нему в руки, Мейзель рассказывает в предисловии к своей книге: оказывается, он получил ее от профессора Московского университета Иоганна Матиаса Шадена, приехавшего в Россию в 1756 году, читавшего здесь вплоть до самой своей смерти (в 1797 году) разнообразные философские дисциплины и очень ценившегося своими слушателями, того самого, который вошел в историю русской литературы как наставник Фонвизина и Карамзина, имевший большое на них влияние¹¹.

Об обстоятельствах и дате передачи ему рукописи Мейзель говорит следующее: «Шестая по счету статья сборника «Описание бурят или братских», которая, вероятно, понравится любителям исторических материалов, прислана мне из Москвы ученым, тамошним профессором, г. Шадемом. Она написана, как он сообщил мне при этом, господином Ренье, швейцарцем родом, который в течение нескольких лет был домашним учителем детей иркутского губернатора фон Бриля. Несмотря на то, что его работа, написанная в 1774 году, не отделана со стороны своего стиля, даже после того, как я исправил в ней много выражений, все рассказанные в ней факты, по свидетельству профессора Шадена, совершенно соответствуют действительности. Я сравнил их с теми известиями, которые д-р Паллас, тоже очевидец, поместил в первой части своего собрания исторических известий о монгольских племенах (СПб, 1776) и с удовольствием заметил, что одно свидетельство подтверждает собою другое, что они не зависят друг от друга и рассказывают о совершенно различных вещах, так что одно дополняет собою другое. Однако «Описание» Ренье следовало бы рекомендовать как более обстоятельное и достоверное, так как он провел несколько лет в стране бурят, бок о бок с главным администратором края».

Когда написано сочинение Ренье? Мейзель говорит, что в 1774 году, однако не замечает, что сам автор в одном месте дает другую дату — 1769 год. Говоря о летоисчислении у бурят и приводя названия двенадцатилетий, Ренье иллюстрирует это таким примером: «Когда пройдет период по его первому году, так, например, теперешний 1769 год носит у них название Gachau, т. е. год свиньи и заканчивает собой один период, будущий же 1770 год начинает, стало быть, новый период, медведя или пантеры, и так далее» (123). Правда, на основании этой цитаты 1769 год нельзя считать годом окончания рукописи, но лишь тем годом, в который наблюдения и записи Ренье уже производились; это, во всяком случае, подтверждает, что материал собирался в течение нескольких лет, о чем говорит и Мейзель. Что касается 1774 года, то его можно было бы считать годом завершения работы, окончательного оформления рукописи или передачи ее в Москве профессору Шадену. Для решения этого хронологического вопроса не может служить подспорьем и справка о том, какие годы провел фон Бриль в должности иркутского губернатора, поскольку мы не знаем, сколько времени и когда именно Ренье прожил в Иркутске в его семье. Иркутская летопись П. И. Пеземского указывает, что фон Бриль прибыл в Иркутск 4 ноября 1767 года и уехал отсюда 12 апреля 1776 года, получив назначение в Москву на должность президента мануфактур-коллегии¹², тем не менее эти даты важны в том отношении, что они дают определенные хронологические границы. Итак, Ренье, если он приехал в Иркутск вместе с фон Брилем из Петербурга, что всего вероятнее, не мог приступить к изучению бурят ранее 1767 года и окончил свои наблюдения не позже 1774 года. Если сопоставить полученные даты с датами наблюдений Георги (1772) и Палласа (1774), то мы увидим, что он проводил свои изыскания примерно в то же время, и даже несколько ранее, в конце 60-х и начале 70-х годов XVIII века. Если принять во внимание почти полное отсутствие материалов для бурятской истории и этнографии в этот период времени, то трактат Ренье приобретает для нас тем больший интерес, изучение же его со стороны содержания подтвердит его значение первостепенного исторического источника.

Сочинение Ренье занимает около 60 страниц сборника Мейзеля (119—180), разделено на 27 параграфов или

глав, с отдельными заглавиями для каждой из них, и носит следующее заглавие: «Описание бурят или, как зовут их русские — братских, подвластного русским татарского народа, который без всякого сомнения происходит от монголов и населяет сибирские местности около Красноярска, Иркутска, Химска (Himsky — быть может Илимска?), Нерчинска, Селенгинска и Кяхты¹³. Следует небольшое обращение автора к читателям: «Описание этого народа, живущего в степях или пустынных местностях, чаще всего в землянках, будет, как мне кажется, небезынтересно любознательному читателю, так как из него он сможет узнать не только об его идолослужении, но также преимущественно о его нравах, обычаях и привычках... Этот народ живет в грубейшем безбожии и тем не менее любит правду. Дружба и любовь к ближнему соблюдаются у бурят не только среди тех, кто связан между собою узами родства или товарищества, но являются всеобщими и простираются на всех единоплеменников. Их обычным жилищем является юрта, т. е. вырытая под землей скверная хижина, с дымовым отверстием, устроенным вместо окна, и это жилище является для них гораздо более приятным, чем роскошный дворец: их стены и безлюдные местности не променяли бы они на красивейшие поместья и города. Их скотоводческое хозяйство, которое доставляет им молоко от коров, лошадей и коз, а также дичь составляют все их богатство, откуда получают они не только свою пищу, но и летнюю и зимнюю одежду. Этот народ имел бы действительное основание считать себя счастливым, если бы стада его не уничтожали удивительные холода и частые эпизоотии. Впрочем, что касается их религиозных заблуждений и прочих обычаев, то я порешил не пускаться в разыскание того, откуда они происходят: я не буду ни порицать, ни восхвалять их, но постараюсь главным образом о том, чтобы с наибольшей точностью и беспристрастием описать все то, что я сам видел и что я услышал из заслуживающих доверия бесед». В этом небольшом предисловии чувствуется сын просветительского века; этнографические интересы Ренье имеют философскую подкладку; он не прочь размышлять в духе Руссо о преимуществах дикого состояния перед цивилизацией и даже как будто немного склонен к наивной идеализации первобытного состояния человечества. Нужно помнить, однако, что именно этой идее обязано рождение этнографии как

науки и постановка ряда отдельных наблюдений; образ «доброе дикаря» был необычайно распространен в европейской литературе XVII—XVIII веков, и многочисленные путешествия этой эпохи, особенно в южные моря, непрерывно поддерживали к нему интерес¹⁴. Ренье, таким образом, только повторял ходячие формулы своего времени.

Тем не менее, он сдержал свое обещание, — быть только точным и беспристрастным и не вдаваться в размышления по отдельным вопросам; он правильно понял свои задачи и справился с ними вполне удовлетворительно, — в самом тексте его работы нет уклонов в сторону от трактуемого им предмета; он повествует обстоятельно, спокойно, как сведущий этнограф-наблюдатель; он отмечает порой и место, в котором наблюдался тот или иной факт, и время, когда наблюдение сделано; он всегда отмечает, был ли он сам свидетелем данного случая, если же нет, то кто сообщил ему свой рассказ об этом. Источниками его изучений были исключительно сами буряты; во всей работе по случайным поводам даны только две ссылки, на «Сибирскую историю» Г. Ф. Миллера и на журнал Академии наук «Ежемесячные сочинения», да и они, собственно, не относятся непосредственно к трактуемым им вопросам и затрагивают более общие темы (162). Приходится поэтому согласиться с создателем работы, который рекомендовал ее читателям как сочинение свежее по материалу и в то же время достоверное и вполне надежное.

Первая глава статьи Ренье посвящена вопросу о «Происхождении бурят» (120—121): «Не легко установить происхождение иркутских, нерчинских, селенгинских, кяхтинских и красноярских бурят, равно как и время, в которое они осели в названных местностях; тем не менее можно утверждать, что они несомненно жили здесь задолго до того, как они стали известны русским. Некоторые русские старожилы передают, что многие из русских крестьян были поощряемы хорошим приемом, оказанным им бурятами при начале знакомства с ними, к тому, чтобы поселиться у них. За достоверность этого известия, впрочем, не ручаюсь. Несомненно, что русские подчинили себе этот народ частью хорошими словами, частью же силою, что ясно видно из «Русской истории» профессора Миллера. Все различные бурятские племена, несомненно, происходят от монголов, что более чем до-

статочно подтверждают их образ жизни, нравы и религиозные обряды. Главным образом происходят они от тех татаро-монголов, которые имеют свое местожительство по эту сторону от Калганской стены (Kalganskischer Mauern) и в настоящее время находятся в подданстве у Китая. Некогда эти буряты разделились на множество различных племен, у которых каждое имело своего повелителя. Братские рассказывают, что они происходят от двух братьев — Мунгала и Бурята, потомство которых впоследствии разделилось. Мунгал вместе со своим потомством расселился в сторону калганских, Бурят же по направлению к северу. Братские рассказывают далее, что Бурят после разделения со своим братом взял с собою письменные известия и, заснув, будучи в нетрезвом виде, на лужайке, выронил это писание из своей сумки, так что съела его овца, таким образом, ничего не осталось от этого писания, и они жили, как два совершенно самостоятельных народа. Убежденные в этом, сжигают буряты еще и теперь, перед началом колдования, клочок овечьей шерсти, как это с большими подробностями можно узнать из § 5 нашей работы». В этом известии, которое приводит Ренье, интересна мифическая генеалогия бурят и типичный для подобного рода легенд эпоним — имя мифического родоначальника, но, по существу, в нем нет ничего нового. Аналогичные предания в XVIII веке были записаны Миллером и Георги, в начале XIX века — Ковалевским¹⁵. Миллер, например, в своем «Описании сибирского царства» заносит легенду о том, что «Элет и Бурят были два родные брата, первый из них — предок калмыков, а второй — бурят, что оба брата жили в пределах Западной Сибири, но вследствие ссоры Бурят удалился на восток, к Байкалу». Есть целый ряд вариантов, позже записанных. По одному из них родоначальником бурят был Барго-Батур, имевший трех сыновей, которые назывались Илюта-Торогут, Бурят-Гур и Хоредой-Тайхсий. Перед смертью Барго-Батур дал своим сыновьям завещание: «первому сыну остаться на своей родине Амур-Дарье, второму сыну заниматься рыболовным промыслом и жить кочевой жизнью повсеместно на востоке, наконец, третьему сыну завещал приискать себе удобное место для скотоводства и кочевой жизни»¹⁶.

Не лишен интереса приводимый Ренье вслед за приведенными словами отрывок из бурятской космогониче-

ской легенды: «О происхождении человека рассказывают они следующее: бог послал с небес на землю, и именно на Тункинскую гору, сына и дочь, детей, наделенных человеческими потребностями, где они были воспитаны свиньей (эта гора находится недалеко от Тункинского острога). Поэтому буряты приносят на этой горе жертвы и после того оставляют на ней либо убитую овцу, либо что-нибудь съестное. Нерчинские и селенгинские братские утверждают, что сотворение человека имело место на острове Ольхон, на котором будто бы еще и в настоящее время должен сохраниться котел, в котором первые люди варили себе пищу. Остров Ольхон находится на озере Байкал, имеет в длину около 18 верст (т. е. 2 1/2 немецких мили) и 4—5 верст в ширину»¹⁷.

Небольшая вторая глава посвящена «Бурятскому времяисчислению» — выдержка из нее была уже приведена выше; третья трактует об их религиозных обрядах» (124 и след.).

«О происхождении человека, о бытии и вездесущии божием не знают они ничего или же имеют очень ошибочные, темные и легендарные представления; столь же мало знают они о загробной жизни и страшном суде. Когда их об этом спрашивают, они обычно отвечают: «Сами мы там не были, а из мертвых еще никто не вернулся обратно, следовательно, мы не можем знать ни местопребывания, ни состояния покойников». Они обожествляют небо, солнце, луну, звезды, Венеру, которая на их языке называется *Salbon*, далее землю, воду, огонь. Среди птиц почитают они орла и лебедя, из зверей — пантеру (*Parden*) и медведя; наконец, почитают они самого черта. Жертвы, которые они приносят своим божествам, чаще всего состоят из овец, которых они убивают и натыкают на жердь перед своей юртой. Они имеют также своих домашних божков, как мужского, так и женского пола, которых они мастерят из черной овечьей шерсти с лицами из черной кожи. Этих божков вешают они на лучшие места в своих юртах, перед ними стоит маленький столик, а на нем — две или больше латунные чашки, по своей форме похожие на солонки, в которых время от времени жжется масло или куда до краев наливается чай. Среди их святынь находится некое писание, сделанное их ламою на желтой китайке, затем целый ряд медных или сделанных из алебаstra изображений, представляющих не то юного царевича, не то осо-

бу женского пола. Последние очень заботливо обматываются до десяти раз и больше в шелковые тряпочки и прячутся, вынимаются же очень редко и кладутся тогда на упомянутый маленький столик. Все приходящие в такую юрту воздают этому столику молитвенные почести, три раза преклоняясь до земли с приложенными ко лбу руками. Подобные же почести воздают они старейшему из своих лам. Перед дверями юрты вешают они в деревянных котелках полученных от шамана чертей, изображенных в виде одноногих, слепых, хромым, с двумя и тремя ногами, искалеченных человеческих фигур. Кроме того, около дверей вешают они в память своих матери и бабушки два войлочных лоскутка, которые ежедневно мажутся маслом, в надежде, что сами они будут столь же богаты скотом, как и их предки. Если орел или какой-нибудь зверь убьет птицу и кто-нибудь найдет эту добычу и съест ее, то они полагают, что такой человек являлся шаманом или колдуном и что он должен лишиться рассудка; несколько дней бегают он как сумасшедший, размахивая руками таким образом, как будто он хочет полететь. Если случится, что орел или лебедь пролетит над их юртой, они приносят ему молоко в жертву, чай или то, что в данный момент случится под руками, причем они танцуют вокруг, прыгают и скачут. Если кто-либо из них уложит из ружья пантеру или медведя, почитающихся у них священными животными, то они отклоняют от себя этот грех, говоря: «не я выстрелил, а мое ружье, и оно заряжено было порохом и пулей, которые умеют готовить русские, но не мы». Зато о своих священниках или ламах думают они, что те могут не только избавить их от болезней, но и сделать счастливыми. Забайкальские буряты имеют много подобных лам, а также школы». Следует довольно подробный рассказ о ламах и ламаизме, основанный несомненно на личных наблюдениях (127—130). От ламаизма естествен переход к шамаизму, которому и посвящена вся четвертая глава («Von denen Schamanen oder Zaubereyn», S. 130). О костюме шамана и о самом процессе камлания Ренье рассказывает следующее: «Шаманы или колдуны, безразлично мужчины или женщины, производят свои заклятия следующим образом. Они становятся на важнейшее место в юрте, где специально для этого предназначенные мальчики надевают на них соответственные одежды. Шаманская одежда состоит из своего рода

длинного одеяния, которое обвешано маленькими колокольчиками и железными бляхами, производящими звон и шум. На голове носят они круглый железный обруч, с двумя маленькими рогами¹⁸ из того же металла. В левой руке держат они обычно свой волшебный бубен, а в правой — трость. Как только они разоденутся таким образом, все сидящие с обеих сторон шаманы также берутся за свои бубны и, примешивая к ним пение, которое можно было бы скорее назвать ревом, вызывают они умерших шаманов; сначала они совсем тихо бьют в свои бубны, затем все сильнее и сильнее, присоединяя к ним вопли. Тогда колдун передает другому шаману свой бубен, берет две трости длиной приблизительно в 4½ фута, так что от земли они достают ему до груди; этими тростями, которые обвешаны всевозможными издающими звон безделушками, бьет он по земле и вопит, в то время как остальные продолжают бурно барабанить и издавать отвратительные крики, затем один из них начинает танцевать вокруг разведенного посредине юрты огня; опираясь на две трости, скачет, и чем дольше, тем все выше и выше, часто подбегает к двери юрты, с которой снят войлок, скачет долго и достаточно высоко около нее; когда же, наконец, остальные перестают звенеть своими бубнами, начинает он бормотать какие-то невразумительные слова и хрипеть, так закатывает свои глаза, что в них не видно ничего, кроме белков, носится по юрте как одержимый, бледнеет, барахтается, упирается, как если бы его кто-нибудь хотел вытащить за волосы, затем выкрикивает, что ему черт показал, какую жертву он требует, падает навзничь, совсем беснуясь на земле, еле удерживаем другими; наконец, он встает совершенно расстроенный и заявляет, что не знает, что с ним такое приключилось. На реке Шилке мне однажды случилось видеть такого шамана, который во время камлания всадил себе нож в грудь, и так глубоко, что его кончик выступил на спине; однако этот фокус он мог произвести только со своим, но не с чужим ножом, из чего видна ловкость этих людей в обмане. По рассказам различных людей, существуют и такие шаманы, которые могут глотать раскаленные угли или куски железа; мне, однако, не удалось разыскать подобных, несмотря на все приложенные усилия. И шаманы, и простые буряты иной раз колдуют, сжигая лопатки овцы или дикой козы, по которым, как они полагают, можно узнать будущее. По их мнению,

лишь редкий человек может сделаться шаманом, и то потому, что шаманами были его предки, и что только им дана колдовская власть. Когда кто-либо из них посвящает себя шаманскому служению, и придет ему время сделаться шаманом, он делает вид, что на него напала падучая болезнь и днем и ночью, подобно сумасшедшему, бегаёт по лесам. Следует еще заметить, что шаманы они предпочитают ночью и только в редких случаях делают это днем, при этом они выглядят безобразными и поистине страшными; тот шаман с реки Шилки, который, как замечено выше, втыкал себе в грудь нож, в особенности имел такой отвратительный вид, что два казака, которые сопровождали меня, не могли на него смотреть и убежали, оставив меня одного. Замечательно при этом, что шаманы редко бывают самостоятельными, но обычно очень бедны».

В главах пятой и шестой автор говорит об обрядах, связанных с именованием новорожденных, о первых месяцах жизни младенца, когда его кладут в маленький «по его росту выделанный коробок, вроде гробика», устилая последний травой или овечьей шерстью, отчего у взрослых часто бывают искривленные ноги; глава седьмая посвящена калыму (Kalim oder Taufgeld). В главе восьмой автор довольно подробно рассказывает об обыкновенном обряде погребения, заключая его описанием того, как буряты хоронят своих шаманов. «С погребением их шаманов обстоит дело несколько иначе: их тела ни в каком случае не сжигают, но уносят в лес, помещают между четырьмя деревьями и предоставляют их ветру и непогоде, диким зверям и птицам, вплоть до их полного уничтожения. Нерчинские и селенгинские буряты очень редко сами хоронят своих шаманов, так как они их боятся; поэтому они предоставляют эту работу какому-нибудь русскому, который принимается за нее за определенную плату, что подают повод к разным мошенническим проделкам. Меня многие уверяли, что однажды один русский зимовщик, взявшийся как-то похоронить шамана и получивший за это условленную мзду, призывая к себе его труп и спрятав в кладовую. Через несколько дней он опять вернулся к бурятам и уверил их, что хоть он и похоронил их шамана обычным порядком, но что покойник прошлой ночью каким-то необыкновенным образом пришел к нему в зимовье, выбрал себе место для погребения в его кладовой и там улегся; так как

для него этот гость в высокой степени неприятен, то пусть они сами придут к нему и похоронят его по своему вкусу, в противном же случае им придется войти в близкое соприкосновение с властями; братские, дрожавшие от страха от этого происшествия, хотели избавиться от этой неприятной тяжды и принуждены были ласковыми словами и тройной платой упросить зимовщика похоронить мертвеца второй раз. Плата за погребение шамана состоит обычно в одном или даже в двух конях. Когда бурят вынужден проезжать мимо могилы колдуна или колдуньи, он выкуривает на ней, вместо жертвоприношения, свою трубку и сыплет немного табаку на самую могилу. Тем, кто покончил жизнь самоубийством, приносят они также определенные жертвы и делают это потому, что якобы они лишили себя жизни не по собственному побуждению, а по наущению дьявола» (137—138).

Глава девятая посвящена характеристике брачных норм у бурят; автор говорит о полигамии и связанной с нею обрядности (139—141); в главе десятой говорится о внешности бурят и дано описание их зимней и летней одежды; упоминаются между прочим доха и унты. «Когда буряты хотят появиться во всей своей красе, они носят нечто в роде длинного сюртука, почти как поляки, который подпоясан платком или куском материи, называемым хормойши» (142). В главе одиннадцатой, посвященной жилищам бурят и их хозяйственному инвентарю («Von ihren Wohnungen und Habseligkeiten»), есть несколько интересных данных, касающихся ведения сельского хозяйства не только бурятами, но также и русским крестьянством Иркутской губернии. Дано довольно подробное описание юрты, причем автор отмечает, что юрта иркутского бурята называется у них балмагуной (балгасган?), забайкальские же буряты называют ее гир (гэр, гыр). Входные двери юрт всегда обращены к югу¹⁹: «Дверь всегда выходит в восточную сторону (на юго-восток); буряты говорят, что дверь должна быть обращена на восход солнца), некоторые буряты в подражание русским крестьянам стали возводить свои постройки над землей, но таких жилищ еще очень мало». В главе двенадцатой характеризуется обычная пища бурят; здесь между прочим подробно описан способ приготовления из кобыльего молока сорта спиртного напитка, называемого араки (146—147); автор отмечает, что буряты, подобно русским поселенцам Забайкалья, «большие люби-

тели чаю, без которого они прямо не могут жить. Они варят его обычно в горшке, пьют просто его крепкий настой или забеляют его молоком». Употребляют они также напиток, называемый ими затуран, причем опять автор довольно обстоятельно описывает способ его приготовления. «Помимо затурана и других теплых напитков, которые этот народ употребляет вместо чая, приготовляя его из брусники или из корней растения, называемого ими мукир шуду каталон²⁰, у них очень излюблен также так называемый кирпичный чай. Весною буряты питаются чаще всего луковицами сараны (Saranoi oder Lilienwurzeln). Они варят их с мясом. Луковицы эти имеют сладкий вкус: их находят под землей в норках полевых мышей, куда мыши собирают на зиму порядочные запасы подобных луковиц. По рассказам бурят и некоторых русских, эти полевые мыши, если они осенью находят опустошенными свои запасные склады, от досады вешаются на маленьких прутиках»²¹. Небезынттересным покажется, вероятно, и указание автора на то, что «буряты, живущие в окрестностях Иркутска, Удинска, Балаганска и Тункинска, начали уже сеять, огородничать и варить кашу».

Большой интерес представляет тринадцатая глава сочинения («Von ihrem Pferdeputz und Kriegsgeschicklichkeit», стр. 149—151), в которой подробно описан военный быт бурят, их вооружение и уход за конем. «Как предбайкальские, так и забайкальские буряты и тунгусы — очень ловкие наездники и замечательно меткие стрелки из лука, — замечает Ренье. Они в состоянии попасть из лука в стрелу, воткнутую в землю, проносясь мимо нее верхом, на полном скаку, и сейчас волею затем всадить вторую стрелу в цель, поставленную на расстоянии десяти шагов от первой. Пешие, они также очень ловко пользуются луком и стрелами, попадая в цель на расстоянии двадцати шагов. Вверх же лускают они стрелу на расстояние до ста и более шагов и могут убить птицу на полном лету. Их обычное оружие, которое они употребляют против своих врагов, состоит обычно из лука и стрел, сабли на боку и кольчуги. Забайкальские буряты имеют, помимо обычной кольчуги, еще особый род панциря, сделанный из своеобразно заплатанной бумажной холстины, которую они не менее десяти раз обматывают вокруг тела и через которую не может проникнуть никакая стрела. На голове носят они шлем или кас-

ку (Helm oder Sturmhaube). Висячих у них на боку колчанах носят они стрелы двух родов: одни, снабженные широким и острым куском железа и продырявленным костяным набалдашником, которые они употребляют против врагов и диких зверей, другие, изготовленные обычно из крепкого и мягкого дерева и употребляемые на малой охоте, например, против зайца, соболя, белки, для того, чтобы выстрел не повредил меховую шкурку. У них есть еще один вид стрел, снабженных очень острым, но не широким железным наколочником, — подобные стрелы они также обращают против своих врагов. Впрочем, они умеют хорошо обращаться также и с ружьем и стреляют из него без промаха. Их конская сбруя очень красива. Уздечка, недоуздок, аржан (седельный остов — Sattelbogen), нагрудные ремни и подхвостники окованы железом и чрезвычайно художественно отделаны всевозможными серебряными фигурами. Чепрак состоит из кожаной или суконой покрышки с кисточками, покрытой изображениями змеиных голов. Их женщины, девушки, а иногда и мужчины, подобно тунгусам и китайцам, ездят также верхами на быках. Хотя среди этого народа нет особенно сильных людей, но тем не менее они очень смелы, отличаются пылкостью, закаленностью и поэтому, следовательно, дают из своей среды хороших солдат, при всем том, однако, только кавалеристов: пешие буряты немного стоят, так как не на лошади они не очень-то расторопны. Вообще же бурят легко отличить от тунгусов по тому, как они ездят верхом: последние очень сильно раскачиваются и приводят в движение все тело».

Глава четырнадцатая посвящена церемонии принесения ими присяги («Von ihrem Eide», стр. 151—152); пятнадцатая кратко говорит о ясаке, шестнадцатая — о так называемой Jela («Von dem Jela, oder der zweyfachen Ersehung des Gestohlenen, S. 153»), которая заключается в похищении пограничными жителями скота с чужой стороны. «Когда братский или тунгус заходит на границу и перегоняет на русскую сторону стадо или несколько штук скота, или же когда монголы таким же образом похищают русский скот, это называется Jela. Когда доносят об этом дежурному офицеру пограничного караула, он отдает распоряжение пойти по следам уведенного скота похитителя. «Наказание за подобное воровство в заключенном между двумя государствами догово-

ре определено следующее: злодей, безразлично русский или китайский подданный, должен отдать пострадавшему в двенадцать раз столько, сколько он перегнал через границу, если же он не в состоянии это сделать, за него должен отвечать весь его род и без всякого возражения возместить причиненный убыток; благодаря этому очень состоятельные и зажиточные братские очутились в затруднительном материальном положении». Воровство братских или тунгусов у русских и наоборот наказуется присуждением возратить похищенное в четырехкратном размере, а при невозможности выполнить это преступника, по законам страны, наказывают кнутом.

Коснувшись юридических вопросов и вопросов обычного права, Ренье всю следующую семнадцатую главу посвящает производству у бурят тяжёлых дел и характеристике правовых отношений между ними. «Буряты, вообще говоря, имеют своих повелителей. Те из них, которые живут по ту сторону Байкала, имеют двух тайш или князей. Каждый род имеет своего собственного сейсанга или начальника, шуленгу или его помощника, наконец, пятидесятника или десятника. Иркутские же буряты имеют только шуленгу, который и разрешает все споры и тяжбы, возникающие между ними, наказывая провинившихся при помощи батогов (Paddogen), наказанием, принятым у русских, главным образом в милиции». Следует весьма картинное описание «битья батагами», которое пропускаем в виду его общеизвестности. «Буряты, — отмечает Ренье далее, — имеют удивительную склонность к тяжбам; самые незначительные проступки, вещи, стоимостью не больше рубля, дают им повод к тому, чтобы начать судебный процесс и войти в канцелярию с соответствующим письменным ходатайством. Их страсть к спорам простирается так далеко, что они судятся не только с посторонними, но беспрестанно ссорятся между собой. Это является причиной того, что их многочисленные знатные фамилии благодаря непрерывным и крупным судебным издержкам буквально разоряют себя». В главе восемнадцатой идет речь о сторожевых постах из бурят на китайской и монгольской границе, причем автор упоминает об их ловкости, чуткости и замечательном умении по следу находить зверя и человека. Глава девятнадцатая посвящена рассказу об охоте и ремеслах у бурят, из которых отмечены кузнечное ремесло и обработка ими различных мехов; здесь же,

между прочим, автор упоминает о диких лошадях, водящихся на русско-китайской границе, низкорослых, но очень быстроходных, которых якобы невозможно приручить, так как они быстро убегают от человека, не желая подчиниться его власти. Глава двадцатая, трактующая о «почтовых станциях», начинается с довольно интересного указания. «Для того, чтобы братские, не понимающие русского языка, равно как и другие туземные племена, находящиеся под русским владычеством, в случае приезда курьера или почтальона могли знать, сколько лошадей нужно ему поставить согласно его проездному паспорту, в канцеляриях, которые выдают эти паспорта, на шнурке, к кончику которого приделана печать, все время завязывается столько узлов, сколько лошадей требуется для данного путешественника». Глава двадцать первая посвящена болезням бурят, причем автор специально останавливается на роли «обманщиков-шаманов», охотно выполняющих обязанности знахарей; между прочим, автор подчеркивает распространенность среди бурят венерических болезней (163). В главе двадцать второй говорится о бурятском гостеприимстве, об их общественной жизни, о приеме ими проезжих чиновников и об обычае выкуривать вместе с ними трубку; описан церемониал приема гостей в юрте. Глава двадцать третья посвящена крещеным бурятам. На странице 168 автор говорит о метизации бурят и русских, процессе, стоящем в прямой зависимости от числа бурят, перешедших к православии: отмечено, что селенгинские буряты сильнее других преданы ламаизму, «так как есть надежда, что эти племена, в конце концов, полностью избавятся от своих колдунов». В главе двадцать четвертой содержатся некоторые любопытные сведения о социальном расслоении бурятского рода.

Обедневших бурят, например, оставляют без всякой помощи. Правда, бурятам, главным образом нерчинским, впавшим в бедность, помогают до трех раз кряду и снабжают их лошадьми, рогатым скотом, овцами и т. д., если они после этого разорятся в четвертый раз, то помощь им больше не оказывается, и они бывают обычно принуждены служить у богачей своего племени, где они, правда, получают полное и достаточное содержание. Иркутские и селенгинские буряты, так же как и тунгусы, тоже оказывают помощь своим обедневшим единоплеменникам, но далеко не в той степени, как первые, по-

этому бедняки здесь обычно поступают на службу к русским или другим бурятам, чтобы пасти скот и часто питаться молоком: в последнем случае, однако, их господа должны уплачивать им определенную плату; при этом следует заметить, что эти буряты пасут скот не так, как это делают пастухи в других местах, но выполняют это, все время сидя верхом».

Очень интересна двадцать пятая глава: о праздниках и развлечениях (170—173). «В начале февраля месяца, — пишет Ренье, — буряты и монголы справляют праздник *Chusasa chaga bagan*, по-монгольски называемый *Sachan-chaga* или белый месяц²². Он длится обыкновенно от пяти до восьми дней. Первого числа этого месяца они чистят все в своих юртах, приводят в порядок, вынимают оттуда, где они хранились, своих божков, кладут их на столы, льют, как уже было замечено, в качестве жертвы богам в поставленные на столе чаши масло и молоко, жгут китайские свечи²³ и украшают свои юрты настолько, насколько это позволяет каждому его благосостояние. В тех же местностях, где существуют настоящие храмы, как например в Кяхте и др., они приносят в жертву своим божкам, помимо упомянутых предметов, также несколько овец, с которых снято сало, и различные по-китайски приготовленные закуски. Перед храмом, на своего рода маленьком алтаре, горит неугасимый огонь. По окончании празднеств ламы или священники берут все эти принесенные жертвенные предметы, обносят их как святыню вокруг юрт, причем, как об этом нетрудно догадаться, они от этого получают и свою выгоду. Подобно тому, как весной, с ростом травы, скот дает приплод и коровы начинают давать больше молока, так увеличивается у этого народа радость и удовольствие по мере приближения того времени, в которое начинают гнать и готовить свой благородный напиток — водку; они имеют к ней неукротимую страсть и пьют в течение всего лета совсем неумеренно, особенно взрослые; молодежь и женщины употребляют ее гораздо умереннее.

Когда буряты спрашивают, когда кончатся их праздники, он обыкновенно отвечает: «Как только трава вырастет, коровы отелятся и жирные станут». Этот народ имеет также весьма удивительную склонность к курению табака и не может прожить без него ни одного дня. Стар и млад, мужчины и женщины, даже дети курят совершенно неумеренно, опустошая иной раз по 20 трубок в

час, впрочем, следует заметить, что их трубки очень малы и вмещают в себя не больше полного табаком наперстка.

Для своих трубок охотно покупают они у китайцев табак, называемый *Machowog*, или *Masctabak*, и тот, который повсеместно в Сибири известен под именем *Vaktschi*; он красного цвета, кудреватый, необыкновенно тонкий и имеет особенный запах, который не всякий может переносить; существует, однако, еще сорт подобного же табаку, который темнее цветом и качеством много лучше первого. Несмотря на это, буряты, в частности иркутские, начинают употреблять черкасский курительный табак и начинают находить в нем вкус. Помимо склонности к водке и табаку, буряты — большие любители пения, в чем также состоит одно из излюбленных ими развлечений. Когда в юрте собирается кружок, или в одной из них находятся в гостях, когда они едут в город или в компании проезжают через лес или поле, обычно затягивают они песню: при этом молодежь подражает голосам некоторых птиц, например, голубей, уток, кур, гусей и т. д., что и смешно, и приятно для слуха.

В главе двадцать шестой объединен ряд разрозненных замечаний, почему-либо не попавших в предыдущее изложение; она носит поэтому странное и не вполне разумительное заглавие: «О стирке ими белья и об их сновидениях» (173—175). Ренье отмечает, что «мытье белья буряты не только не знают, но и не имеют о нем никакого понятия: свои рубахи, невыносимо пропахнувшие дымом, они бросают только тогда, когда последние совсем сносятся», что же касается сновидений, то автор лишь немного мог сообщить об этом; он говорит, впрочем, что буряты, «подобно всем языческим народам», очень любят толковать сны, к чему обычно привлекают своих шаманов; приведено несколько типичных разгадок, например, если буряту приснится собака, то она означает врага. В последней двадцать седьмой главе говорится о способах приветствовать друг друга, здесь же несколько слов сказано о поимке бурятами и тунгусами беглых, в чем проявляют они большую ловкость.

Остается сказать несколько слов о бурято-немецком словарице, заключающем все сочинение. Его значение определяют специалисты; можно только сказать, что словарь этот был в XVIII веке единственным в своем роде и как таковой несомненно ценился. Отдельные бурятские

слова приведены были в третьей части путешествий Палласа, у Георги в первой книге его путешествий²⁴, у Фишера²⁵. В Путешествии Гмелина²⁶ напечатана запись бурятской песни. Таким образом, для ознакомления с бурятским языком лингвисты XVIII века имели самый значительный материал, притом разбросанный в отдельных сочинениях историков и путешественников. Это, несомненно, повышает ценность словаря Ренье, заключающего в себе свыше 300 слов (помимо приведенных в самом тексте сочинения), подобранных притом по определенному смысловому плану. Есть все основания предполагать, что этот словарь может быть назван первым в литературе словарем бурятского языка. Нужно сказать, что он не прошел незамеченным в Западной Европе, и что его называют в своих старых библиографических работах по истории всеобщего языкознания Эйхгорн²⁷ и Аделунг²⁸. Забытым он оказался только в русской литературе, по крайней мере монголист А. Д. Руднев, дающий по возможности исчерпывающий список работ о бурятском языке в приложении к своему исследованию «Хори-бурятский говор»²⁹ и называющий, например, «Bemerkungen einer Reise im Russ. Reich» Георги (1775), ни словом не обмолвился о словаре Ренье, составленном в то же время, что и книга Георги, но гораздо более полном.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ G. Henning, Die Reiseberichte über Sibirien von Herberstein bis Ides, „Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig“, 1905, S. 359.

Академик М. П. Алексеев справедливо оспаривает мнение Хеннинга по этому вопросу, считая его недостаточно обоснованным. См. М. П. Алексеев, Ук. соч., стр. 530.

² М. П. Алексеев, Ук. соч., стр. 520—523.

³ „Die vornehmste Anleitung zu diesem Werckstein hat man gefunden in E. Isbrants Ides drie-jarisch-Reize naar China, ze Lande gedaen...“, „Der allerneueste Staat von Sibirien“, Vorrede.

⁴ Bemerkungen einer Reise im Russ. Reich im Jahre 1772, SPb., 1775, S. 295 ff.

⁵ Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, Frankfurt und Leipzig, *1779, I Th. 1776.

⁶ См. Johann Grundmann, Die geographischen und volkerkundlichen Quellen und Anschauungen in Herders „Ideen zur Geschichte der Menschheit“, Berlin, 1900, S. 42—44.

⁷ A. Baader, Lexicon verstorbener bairischen Schriftsteller I, 2, Augsburg und Leipzig, 1824, S. 13—83.

⁸ „Handbuch der Literarischen Kultur“, 1804, III, 314.

⁹ Steinhilber, J. G. Meusel, „Allgemeine Deutsche Biographie“, XXI, Leipzig, 1885, S. 541—544.

¹⁰ Beiträge zur Erweiterung der Geschichtskunde, hrsg von Johann Georg Meusel, Augsburg, 1780, Th. I.

¹¹ Биографический словарь профессоров Московского Университета, М., 1855, ч. II, стр. 558—571. Ср. Prof. W. Stieda, Deutsche Gelehrte an der Universität Moskau, „Зборник заход знавства“, II, Киев, 1930, стр. 118.

¹² Иркутская летопись. С предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебряникова, Иркутск, 1911, стр. 97.

¹³ Beschreibung der Buratten, oder, nach Russischer Mundart Bratsky, eines unter Russischer Bothmässigkeit stehendes Tartarischen Volkes, das ohne Zweifel von den Mungalen abstammt, und die Sibirischen Gegenden von Krasnajar, Irkutsky, Himsky, Nerchinsky, Selenginsky, und Kiachta bewohnt.

¹⁴ K. Thiess, Entwicklung der Beurteilung und Betrachtung der Naturvölker, Dresden, 1899, S. 17-19; G. Atkinson, Les relations de voyages du XVII s. et l'évolution des idées. Contribution à l'étude de la formation de l'esprit du XVIII s., Paris, 1928, pp. 63—81; A. Riese, Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur, Frankf. a. M., 1875, S. 35—36.

¹⁵ М. Н. Богданов, Из истории бурят, Зап.-Сиб. Отд. Русского географического общества, т. XXXVIII, Омск, 1916, стр. 55—56. В той же статье см. обзор о происхождении названия «братский».

¹⁶ И. Сизой, Мифическая генеалогия бурят, Прибавление к «Иркутским Епархиальным Ведомостям», 1889, № 47, стр. 1—5.

¹⁷ По сказанию, помещенному в «Путешествии на Амур» Р. Маака, стр. 10, с указанием на «Сибирский Вестник», 1824, стр. 22, дети, сошедшие с неба и ставшие предками бурят, выкормлены дикою овиньей. Р. Маак, Путешествие на Амур, СПб., 1859, стр. 10. Ср. Сказания бурят, записанные разными собирателями, Иркутск, 1890, стр. 144—145.

¹⁸ О символическом значении рогов в жреческом убранстве, между прочим и у сибирских туземных племен, громадный сравнительный материал в книге: Fr. Erdmann, Temudschin der Unerstürteliche, Leipzig, 1862, S. 5 ff.

Старинное изображение шамана с головным убором в виде ветвистых оленьих рогов приведено в статье Д. Н. Анучина «К истории знакомления с Сибирью до Ермака», «Древности», т. XIV.

¹⁹ Аналогичные наблюдения делают и новейшие исследователи. См., например, Б. Э. Петри, Внутривидовые отношения у северных бурят, Иркутск, 1925, стр. 48: «Дверь (юрты) всегда выходит в восточную сторону (на юго-восток); буряты говорят, что дверь должна быть обращена на восход солнца».

²⁰ Трудно догадаться, о каком растении здесь идет речь; быть может, махэр — дикое растение из рода Artemisia. Георги говорит о траве, называемой «макаршин».

²¹ Аналогичные рассказы записал от камчадалов Ст. Крашенинников, Описание земли Камчатки, Вторым тиснением, СПб., 1786, т. I, стр. 229: «Еще и сие о мышах сказано было мне от камчадалов, будто оне, отлучаясь из нор своих, собранной корм покрывают

ядовитым кореньем для откармливания других мышей, корм их похищающих. И будто мыши по вынятии из нор их зимнего запаса без остатку от сожаления и горести давятся, ущемя шею в развилку какого-нибудь кустика: чего ради камчадалы и никогда всего запаса у них не вынимают, но оставляют по несколько, а сверх того кладут им в норы сухую икру в знак поления о их целости. Но хотя все означенные обстоятельства самовидцы утверждали за истину, однако оно оставляется в сумнении до достовернейшего свидетельства: ибо на Камчатских скасках утверждаться опасно».

²² Бур. Саган-гхара, монг. цаган-сара, белый, первый в году месяц.

²³ Вероятно, именно эти свечи описал А. Ю. Назаров, видевший их в божницах манчжуров Амурской области: «Жертвенная свеча, ... есть не что иное, как тонкий прутик коричневого цвета, приготовляемый из сердцевинки какого-то растения; толщина его до 1/2 линий, длина до 8 дюймов (несколько длиннее обыкновенного карандаша): он легко ломается; при горении не воспламеняется, а только тлеет. Эти же свечи-прутики служат и для закуривания трубок. Свечи привозные, китайской фабрикации: они продаются пачками, вроде пачки карандашей, обернутыми в желтую тонкую бумагу». Известия ВСОРГО, т. XIV, № 1—2, 1883, Иркутск, стр. 11.

²⁴ Beschreibung des Russ. Reiches, Th. IV, S. 420.

²⁵ Sib. Gesch., Th. I, S. 33.

²⁶ Th. III, S. 970.

²⁷ Eichhorn, Geschichte der neueren Sprachkunde, Goettingen, 1807, S. 397.

²⁸ J. Chr. Adelung, Mithridates oder allgemeine Sprachkunde. Berlin, 1809, II, S. 503.

²⁹ А. Д. Руднев, Хори-бурятский говор, вып. 3, СПб., 1913—1914 стр. 0126—0133.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КАРТИНЫ БЫТА И ПРАВОВ СИБИРЯКОВ В КНИГАХ ШАППА Д'ОТРОША, ВАГНЕРА И КОЦЕБУ

С развитием русской культуры, с появлением собственных национальных научных сил и осуществленном при их помощи широком комплексном изучении географии, этнографии, промышленности, частной жизни и быта жителей страны в целом и отдаленных ее окраин в частности, удельный вес трудов ученых-иностранцев, естественно, в этом процессе резко сокращается. Говоря о второй половине XVIII столетия, мы встречаем лишь отдельные, довольно разрозненные как по времени, так и по характеру приведенных в них сведениях известия зарубежных путешественников и ученых о Сибири, и это, как правило, не труды исследователей, а записки дилетантов, попавших в Сибирь не в результате научного поиска, исследовательской любознательности, а совсем иных, политических и, в ряде случаев, полчицейских причин, как писатель Коцебу или пост-директор Пруссии Вагнер, сосланные в Сибирь за серьезные политические преступления. Свое вынужденное пребывание в Сибири эти вполне культурные, но и очень далекие от научной мысли ссыльные скрашивали подробными записями увиденных и услышанных сибирских «достопримечательностей». Так появились книга Иоганна Людвиг Вагнера о Сибири¹ и записки популярного и многопереводимого писателя и не менее искусного политического интригана и шпиона на русской службе Августа Коцебу².

Естественно, что и Вагнер, и Коцебу, отнюдь не добровольно посетившие Сибирь, без особого восторга по-

вествуют о существующих здесь порядках, во всех их описаниях просвечивают нотки раздражения, недоброжелательности, часто события изображаются в искаженном виде, что заставляет относиться к этим книгам с осторожностью. Но и здесь мы обнаруживаем отдельные небезытересные зарисовки частной, бытовой стороны жизни, повседневного уклада жизни обитателей дальней восточной окраины России. Научные данные, содержащиеся в записках двух этих авторов, не заслуживают особого внимания, ибо они во многом повторяют уже известные сообщения и в значительной степени носят на себе печать дилетантизма.

Интересные бытовые зарисовки содержатся и в книге французского ученого-астронома Шаппа д'Отроша³.

Совершив свое путешествие в Сибирь со строго научной специальной целью, Шапп д'Отрош с истинно галльской просветительской иронией останавливает свое внимание на многих подробностях сибирской жизни, выносит свои меткие, хотя часто и очень поверхностные и скоропалительные суждения о русских порядках, столь раздражавших, как известно, Екатерину II и ее приближенных.

Шапп д'Отрош не только описывает красоту ландшафта Тобольска, не только прекрасный вид города со множеством церковных куполов, но и замечает: «Красота эта исчезает при входе в город: дома все деревянные, построены худо... С трудом можно пройти по улицам, даже в высокой части города, за исключением летнего времени — из-за большой грязи. На нескольких улицах сделаны деревянные тротуары; такие деревянные «дорожки» практикуются во всей России, но улицы там плохо устроены, так что можно проехать только в телеге, запряженной лошадьми.

Мужчины в Сибири крупны и сильны и хорошо сложены; они любят женщин и напитков в изобилии. Рабы самодержавного строя, они жестоко эксплуатируются местной властью.

Женщины вообще прекрасны в Тобольске, кожа у них очень белая, лица нежные и приятные, глаза черные, томные и всегда опущены вниз — они никогда не осмеливаются смотреть мужчинам в лицо... Они имеют обыкновение носить цветные платки, которые искусно обматывают вокруг волос, почти всегда черных, — такая внешность делает их обворожительными. Они

немного подкрашиваются — как женщины, так и девушки.

Женщины хорошо сложены, особенно в 18—20-летнем возрасте, но ноги у них большие. Природа, кажется, предусмотрела будущую их дородность.

Купания, которые они принимают два раза в неделю, тоже способствуют деформации талии: они вызывают во всех частях тела вялость, и по этой причине они к тридцати годам уже распливаются.

Их одежда имеет много сходства с одеждой в остальной Европе. Одежда мужчин такая же в Тобольске, как и во всей России. Некоторые купцы, чиновники, люди простого звания носят старинную одежду и бороды. Я видел в Тобольске только нескольких дворян, вставших в немилость, которые сохранили народные обычаи, ранее им усвоенные. Головные уборы женщин в Тобольске не отличаются от европейских, за исключением наших последних мод, о которых они ничего не знают. Они носят обычно платья с воланами в форме домино. В праздничные дни они надевают платья, похожие на манто, какие носили в старину во Франции. Эти одежды привозят из Петербурга.

Мужчины и женщины обычно богато одеты, они получают ткани из Москвы и Китая, но в Тобольске, как и в России, люди обоюго пола мало чистоплотны, несмотря на купания, которые они принимают два раза в неделю. Женщины редко меняют белье, они не знают всех тонкостей нижнего белья европейских женщин; эта небрежность в женском туалете отражается во всем их внешнем виде.

В Тобольске и в большей части России люди высших сословий имеют в доме только одну — семейную кровать для мужа и жены, все остальные и дети спят на лавках или циновках, которые есть во всех жилищах*. Кровати не имеют полога, вместо изголовья в виде валика семейная кровать имеет восемь подушек, которые образуют пирамиду. Эта кровать обычно является главной частью обстановки дома. В Тобольске в такой квартире имеется несколько деревянных стульев, большая печь и малень-

* В 1663 году знатные люди вместо кроватей имели доски, на которые стелились меха или одеяла; дома были почти без мебели, столы — без скатертей. Г-н де Вольтер, История России, т. I, стр. 20. Примечание Шаппа д'Отроша.

кий стол. Во всем городе Тобольске только один дом, где имеется настенный ковер. Обычно лавки и несколько табуреток составляют мебель их квартир.

Мужчины очень ревнуют своих жен; в Тобольске и почти во всей России сами они проводят большую часть дня за выливкой и возвращаются домой обычно пьяные.

А женщины живут почти всегда одни, находясь дома, удрученные скукой; такая жизнь — источник развращенности их нравов» (159—161).

Но больше всего Шаппа д'Отроша смущает то обстоятельство, что нет в тобольском обществе настоящего парижского «политесса», нет милой его душе «нежной любви чувствительных душ», способной преодолеть домо-строевские порядки, царствующие в семейной жизни сибиряков. Почтенный аббат сокрушается, что «настоящая цивилизация» еще не проникла в Сибирь, и мечтает о том времени, когда красота и нежность прекрасного пола разрушат или хотя бы смягчат жестокие законы, превращающие женщину в рабыню.

Шапп д'Отрош, однако, не только останавливается на характеристике «жестокости» и «варварства» в семейной жизни, но и очень справедливо указывает на царствующий в административной сфере произвол, в частности, на почти ничем не ограниченную власть губернатора, приводящую часто к злоупотреблениям — но из-за отдаленности Сибири от двора «правда доходит до трона редко; поэтому губернаторы безгранично пользуются властью» (156). С похвалой французский путешественник отзывался об административных реформах Петра I, учредившего должность независимого от губернатора прокурора с предоставлением ему права утверждать все распоряжения губернатора и государственной канцелярии, но дает понять, что и прокурор не всегда может успешно противодействовать произволу сибирских властей. Очевидно, именно эти социально-критические замечания Шаппа д'Отроша и вызвали гнев самодержицы российской Екатерины II, не пожелавшей оставить сатирические выпады французского ученого без ответа.

Так появился в свет знаменитый «Антидот»⁴.

Чувства, питаемые сочинителем «Антидота» к Шаппу д'Отрошу и его книге, носят достаточно определенный характер и в комментариях не нуждаются. Говоря о рекомендации напечатать книгу, данной Д'Аламбером, автор с негодованием восклицает: «Этот набор нелепостей,

противоречий, клеветы, плоскостей, бессмыслиц, злобных выходок посоветовал напечатать знаменитый Даламбер!.. Или ваше внимание было привлечено одними астрономическими выкладками? Или только в выкладках требуется точность? Или целый народ, унижаемый, оскорбляемый, осыпаемый бранью на каждой странице разобранной и одобренной к напечатанию вами книги, не заслуживал с вашей стороны никакого внимания? Но этим вниманием, если не к этому народу, вы обязаны к истине! Или вас обманули? Или вы не заметили по крайней мере, что аббат скакал на почтовых, нивеллируя, исправляя карту России, раздавал оплеухи и пинки своим проводникам, определяя и изменяя местонахождение ископаемых, раскрашивая горы и т. д.? Но как исчислить все то, что милый аббат успел наделать на скаку! О! этот аббат человек единственный»⁵. Как мог Шапп д'Отрош говорить о произволе царской администрации, об угнетении сибиряков губернаторами-самодурами? Почему он называет жителей Сибири несчастными? «Обременены ли они податями? Они платят казне умеренную сумму двух рублей семидесяти копеек деньгами, или мехами, по выбору... Наги ли они? Нет в Сибири ни одного жителя, который не был бы одет очень тепло с ног до головы, и даже не найдется такого, кто захотел бы променять свое одеяние на кафтан аббата, при виде которого, по его словам, женщины падали в обморок от восторга. Страдают ли они от голода? Съестные припасы очень дешевы, рыба превосходна, мясо есть в изобилии, дичи не оберешься; охота и рыбная ловля не запрещены, не затруднены ограничениями или владельческими правами. Соль дешева, пуд стоит сорок копеек, и никто не принужден покупать ее более, чем сколько сообразно с его потребностями... Удручены ли они моровыми язвами, войною или иными бедствиями? В Сибири не знают ни чумы, ни войны; в ней доживают до глубокой старости, и болезни в ней менее часты, чем во многих других странах»⁶. С немалым охранительным пафосом автор «Антидота» выступает в защиту русской администрации в Сибири, превозносит целомудрие тобольских женщин, в коей позволил себе усомниться аббат д'Отрош⁷.

Еще менее дружелюбно, чем замечания Шаппа д'Отроша, звучат высказывания о Сибири прусского пост-директора Иоганна Людвига Вагнера. И для этого имелись

основания. Отнюдь не научная любознательность, не стремление к познанию неведомых стран привели Вагнера на отдаленные окраины Российской империи.

25 февраля 1759 года Вагнер был арестован в г. Пиллау в Восточной Пруссии русскими военными властями по обвинению в шпионаже в пользу Пруссии. На допросах вина его была полностью доказана — у одного из соучастников была обнаружена записная книжка, в которой Вагнер карандашом написал задание разведать русские гарнизоны в некоторых пунктах, установить род находящихся там русских войск и их численность. Все попытки Вагнера отрицать свою вину были безуспешны, и он был по законам военного времени приговорен к смертной казни, которая, однако, вскоре была заменена ссылкой в Сибирь. Вместе с ранеными русскими солдатами Вагнер был отправлен в Ригу, содержался некоторое время в крепости Дюнамюнде и в кибитке был доставлен в Москву, а оттуда в Космодемьянск, Соликамск, Тюмень, Верхотурск, Тобольск, Тару, Барабинск, Енисейск, куда он прибыл в последний день мясоеда и из окна дома, где содержался под стражей, мог наблюдать масляные увеселения жителей, о чем он рассказывает в своем дневнике: «День после нашего прибытия был светлый и хороший. Для времяпрепровождения я из окна рассматривал проходящих людей. По полудни я случайно посмотрел в сторону двора и увидел спектакль, который меня чрезвычайно развеселил. Во дворе моего хозяина, как и в соседних дворах, женщины качались на досках. Примерно на высоте в два фута от земли была сделана подпорка, на которую была положена доска длиной в 18—20 футов. На каждый конец становилась женщина. Они начали тихо качаться, потом движения становились все сильнее, так что в конце концов одна подбрасывала другую вверх на 5 футов, но каждая безошибочно, с выпрямленным туловищем и сомкнутыми ногами возвращалась на свой конец доски и подталкивала другую так же высоко и еще выше себя. Эта игра в начале показалась мне очень опасной. Я спросил солдата, который меня караулил, что это должно означать. Он сказал мне, что это масленичная игра и принята во всей стране; в это время, когда девушкам разрешают показываться в публичных местах, только и можно рассматривать русских красоток. Пока длилась игра, я не смог отвести глаза и должен сознаться, что тогда я более чем

когда-либо жаждал свободы. Видеть глазами красивейшие создания и не иметь возможность разговаривать с ними, тем более познакомиться с ними поближе, — все это заставило меня очень болезненно почувствовать свое пленение» (76).

Дальнейший путь Вагнер должен был проделать на собаках. Перед домом остановились странные сани (их было всего шесть), в которые были запряжены собаки. Вагнер при виде их выразил удивление, и сопровождающий его прапорщик Иван Александрович объяснил ему, пожимая плечами, что предстоит путешествие в 1000 верст по Енисею по снегу и льду, где нет ни одной живой души и невозможно пробираться лошадьми. «На первых санях, — продолжает свой рассказ Вагнер, — на которых был запас для команды, сидел солдат и возчик, на вторых — унтер-офицер с солдатом и возчиком, на третьих — солдат и возчик, которые везли запас для собак, мой запас был на четвертых санях, где был один возчик, на пятых, где находились мои остальные вещи, сидел я с возчиком, а на шестых следовал офицер, который также имел с собой свою провизию, вместе с возчиком. Все возчики были казаками, которые зимой тем же способом были командированы в Мангазею. Наш груз был так распределен, что на каждую собаку приходилось по 10 пудов, а так как пуд составляет 40 фунтов, вес каждых саней должен был составлять немного более 1200 фунтов.

Прежде чем продолжать свой рассказ, я должен более подробно описать сани и как на них ездят. Полозья из березы изготовляют не так, как у нас. Их отдирают от берез летом, рубят по длине и на такой высоте, как это необходимо, отдирают кусок толщиной примерно в полдюйма от ствола, обрезают и прислоняют концом к стене здания таким образом, что он получает необходимую кривизну. Из таких кусков и делают полозья саней. Когда они простояли все лето, их обрабатывают и делают толщиной в полдюйма, шириной в 10 дюймов, длиной в 16 футов, откуда примерно два с половиной фута уходит на кривизну. Остов состоит из легких планок, связанных крепкими веревками... Садятся в сани спинами к боковым стенкам, так что сидящие друг против друга должны переплести свои ноги. Позади лежат взятые с собой вещи. Ни с каким-либо другим транспортным средством по замерзшему Енисею не проедешь. Сани

очень легки, а широкие и тонкие полозья проходят по самому глубокому снегу. Еще здесь имеется поперечина с отверстием, чтобы в случае необходимости поставить шест с парусом. Собаки, используемые для такой езды, не больше наших обычных крестьянских собак, но выше в ногах. Им надевают чулки из меха ног северных оленей, прикрепляя их спереди и сзади широкими мягкими ремнями через туловище. Веревки, при помощи которых они тянут сани, покрыты лосиной кожей, мехом снаружи, но со стороны, которой прилегают они к телу собаки, они выдублены, чтобы избегать трения. Эта обшитая веревка лежит в виде колбасы вдоль спины, а постромки идут между задними ногами к саням. Таким образом собака тянет не грудью, а спиной, где они, как представляется мне, имеют особую силу.

Передняя собака всегда обучена и ведет себя в зависимости от ударов плети возчика. Если он справа ударит по онегу, вожак идет вправо, ударит он с левой руки, то и собака туда направляется; если заблудились, возчик предоставляет собак самим себе. В последнем случае собака верно идет к тому месту, где она чувствует дым, и ошибется только тогда, если ветер отогнал дым в другую сторону. Задние собаки сами следуют за вожакom. Идут они без принуждения, почти всегда рысью, но если снег оттаял и снова замерз, никоим образом не заставишь идти их иначе, как шагом» (80—81).

После остановки в 20 верстах от Енисейска в поселении принявших греческую веру якутов — единственном до Мангазеи населенном пункте — продолжили путь. «Следующей ночью мы подъехали к берегу реки вплотную к лесу, вырыли большую яму в снегу, развели в ней хороший огонь из кедровых дров, согрелись, сварили ужин и накормили собак. Потом мы завернулись в наши меха и в обществе собак легли к огню. Один из солдат и один из возчиков должны были бодрствовать и поддерживать огонь» (81).

Поднялась сильная метель, и караван заблудился. Двое суток пролежали под снегом, и Вагнер считал себя уже погибшим. Но буря наконец улегся, хотя путники так и не увидели дневного света. Собрались в путь, и, не зная дороги, поехали напрямик вдоль русла какой-то реки. Падал такой густой снег, что не было видно берега реки: «В конце концов и наши казаки уже не знали, что предпринять, заметив, что мы движемся не вперед, а

назад. 14 суток были мы уже в пути и съели уже большую часть наших припасов, и по нашим полным расчетам могли определить, что, если вернемся, станем жертвой голода. Держали совет и решили единодушно продолжать свой путь и предоставить собак самим себе. Так мы и сделали и едва проехали два часа, как собаки остановились. Густой снег, окружающий нас непрозрачным облаком, помешал нам определить, где мы находимся. В конце концов наши собаки дружно залаяли, и возчик на передних санях громко закричал. Сразу же мы услышали недалеко от нас, что какие-то собаки отвечают нашим, а потом услышали и человеческие голоса, и к превеликому нашему удивлению увидели стоящих недалеко от нас людей. Мы спрыгнули с саней и протянули друг другу руки» (82). Путешественники оказались в той же якутской деревне, в которой переночевали в самом начале пути. Прапорщик отказался повторить путешествие, и все вернулись в Енисейск, где Вагнер был помещен на прежней квартире.

Обозревая достопримечательности Енисейска, Вагнер, следуя примеру своего коллеги Шаппа д'Отроша, особое внимание обратил на русские бани, которым посвятил много страниц своего повествования:

«Русские обоюго пола имеют обыкновение по средам и субботам посещать теплые купания. Купальные комнаты мужчин отделены от женских, и считают величайшим преступлением, если там, исключая супругов, один пол покажется в близости другого. Под предлогом, что я привык к этому, я испросил разрешения помыться таким образом. Каждый раз меня сопровождали два солдата, которые купались вместе со мной, а потом вели меня в мою комнату, где меня, как и раньше, строго охраняли. Но я и то был доволен, что получал при этом случае возможность подышать свежим воздухом.

Так как не думаю, что этот вид купания уже общеизвестен, я опишу его здесь подробнее. Почти каждый горожанин имеет в своем доме баню. Она состоит из маленькой прихожей и комнаты, в которых находится сложенная из дикого камня печь. Эти камни так пригнаны друг к другу без извести, что кверху сходятся в круглый свод. Брандмауер по всем правилам сложена из дикого камня. Недалеко от печи пол примерно на два фута приподнят и имеет наклон; примерно так, как в наших караульных помещениях, сделаны нары. У другой стороны

стоит скамейка шириной в два фута. У входа в комнату стоят два сосуда с холодной водой, в которую бросают раскаленные камни, чтобы нагреть воду в них до такой степени, как это желательно моемуся. Топят так сильно, что при входе, несмотря на то, что в стене вырезано четырехугольное отверстие, с заслонкой, через которое выходит дым и жар, от жары можно упасть в обморок. Но, несмотря на это, русские нагревают комнату еще больше и поступают при этом следующим образом. Они опускают связанный из березовых прутьев веник, на котором имеются еще все листья, в холодную воду и брызгают на раскаленную докрасна печь, чем вызывают пар, горячий, как кипящая вода. Потом голые они ложатся на возвышение у печи и секут себя веником, куда только могут попасть, так сильно, что все тело краснеет, как сваренный рак. Вслед за этим русский бежит к бочке с холодной водой и льет себе висящим на ней черпаком на голову. Потом он ложится на скамейку, обмывает все тело белым мылом — черное мыло там совсем неизвестно — и отмывает его снова теплой водой. Зимой он выходит, несколько раз поваливается в снегу и, не вытираясь, одевается. Когда он возвращается в свою квартиру, он поворачивается к образам или изображениям святых, которые по всей России стоят в верхнем углу у окна против дверей, тремя пальцами трижды бьет крест перед грудью и говорит слова: Slavo. Tibe Gospodi.

Для меня было невозможно мыться совсем по-русски. Во-первых, я заставлял открывать отверстие наверху в стене и не допускал, чтобы брызгали водой на печь. Я только вытягивался на скамейке и давал себя мыть с мылом, и потом ложился, пока солдаты заканчивали свое купание, прямо на пол, чтобы испытывать меньше жары. После этого я давал себя обтирать полотенцем, по выходу из комнаты набрасывал на себя шубу и уже дома одевался до конца.

Я никогда не мог поверить, что эти бани у русских имеют своей целью только чистоту, хотя справедливо и то, что другой пол, особенно в Сибири, отличается большой чистоплотностью. Они, собственно говоря, кажется, устроены для похоти. Как бы полиция ни смотрела за тем, чтобы препятствовать встрече обоих полов в банях, я все же обнаружил, что мужчины переодеваются в женское платье, проникая в женские бани, а женщины в мужской одежде — в мужские. Русские имеют сильный

темперамент, склонны к похоти, и очень изобретательны в нахождении средств для ее удовлетворения, так что, судя по моему опыту и собранным по этому пункту известиям, никакая другая нация не может с ними в этом соперничать. Даже мужья и жены поддерживают брачные отношения едва ли в других местах, кроме бани, поскольку это купание, как они говорят, способствует плодородию...» (86—88).

7 июня 1760 года по воде отправились дальше в сопровождении лейтенанта Симона Симоновича, сына енисейского воеводы. Вагнер подробно описывает подробности плавания по Енисею (91—93), много пишет о рыбах этой реки (осетре, стерляди и др. — 93—94) и способах ее добычи, рассказывает курьезный случай: «За три дня до нашего прибытия в Мангазею видел я странный спектакль. Здесь имеется огромное множество хищных птиц, которые повсеместно парят над водой и, кажется, питаются больше рыбой, чем дичью. Причина этого заключается, по-видимому, в том, что леса там заросли, так что трудно им туда пробиться, и поэтому они избирают свободную реку. Осетры здесь часто выходят на поверхность реки. Вдруг мы услышали громкий крик хищной птицы и увидели плавающего по воде беркута. Сразу же три человека отправились туда, чтобы узнать причину его крика и нахождения на воде и чтобы схватить его. Орел держался двумя своими крыльями на воде, и когда наши люди хотели его за крыло втащить в лодку, они обнаружили под ним одного из самых больших осетров, в которого он так вцепился своими когтями, что не мог освободиться. Рыба была слишком тяжела, чтобы он мог ее унести, а она была недостаточно сильна, чтобы затаскать своего противника под воду. Орла задержали, осетра острой ударили в живот и привязали потом к лодке. Так подгрести эти три человека со своей добычей к кораблю, куда их подняли, орла и рыбу убили, и последняя была съедена всеми нами. Говорят, что часто видели, как орлы хватают самые большие рыбы, но не вытаскивают их из воды, тащат до берега возможно выше, где ее и пожирают» (94—95).

В июле прибыли в Мангазею, где Вагнер должен был жить. Так как не было свободных домов, некоторое время он оставался на корабле, пока священник не покинул свой дом. За восемь недель на горе у реки Турухана был выстроен небольшой дом, примерно в ста ша-

гах от дома воеводы. Так как там кроме леса не было никаких строительных материалов, для этой цели привезли с собой кирпич, глину и известь. В доме было две комнаты с кирпичными печами, обмазанными глиной, и топились они, против обыкновения, снаружи, чтобы не досаждал дым. Караул, состоящий из унтер-офицера и трех гренадеров, поселился в комнате, расположенной ближе к реке, а Вагнер — в другую, с видом на город. Постоянно рядом с Вагнером находился человек со штыком наголо. Воевода откомандировал еще двух казаков, чтобы дать возможность солдатам, которые сменялись каждые два часа, побольше отдыхать. У Вагнера отобрали вилки и ножи, все булавки. Унтер-офицер зашил его сорочку у ворота и под угрозой наказания плетью должен был следить за тем, чтобы ничего острого не оказалось бы в руках у Вагнера. У купцов, приехавших из Енисейска, Вагнер на 50 рублей приобрел необходимый провиант, пшеничную и ржаную муку, крупу, масло, говядину и свинину, а также кухонные принадлежности. Пуд пшеничной муки стоил 4 гроша, пуд ржаной — $2\frac{1}{2}$, свиной окорок в 12 фунтов — 6 грошей, фунт говядины — 3 пфеннинга и все остальное в той же пропорции⁸. С деньгами было туго: Вагнер получал уже не 20 копеек суточных, как во время пути, а только 10 копеек, так что он должен был всячески ограничивать свои расходы. В целях экономии он начал сам варить себе обед и печь хлеб. Эта непривычная работа порой оказывалась весьма затруднительной, особенно, когда приходилось чистить горшки с пригоревшей к ним пищей. Но так как у Вагнера не было ножниц, и ногти со временем отвердели и отросли, они оказали ему неоценимые услуги при выполнении этой процедуры. Гренадер Иван доставлял Вагнеру свежую дичь и рыбу, сам Вагнер вязал сети, а Иван делал силки и ловушки. В мороз Вагнер складывал пойманную рыбу за домом, как дрова, и ел ее сырой. О своих кулинарных открытиях Вагнер пишет: «Копченную на воздухе рыбу ел я жаренной в масле, соленую варил, а сложенные у дома не иначе как сырыми, особенно если у меня не было времени для жарения и варки, или если мой желудок был в хорошем состоянии. Я тогда велел доставить мне щуку, судака или большого угря, замороженные, как полена. Солдат тогда обрезывал кожу во круг головы и легко ее стягивал. Мясо потом снимали стружками до самых костей, для чего часто брали две

рыбины. Кусок за куском я макал в соль и съедал, не пережевывая, за короткое время несколько фунтов рыбы — за это время не съешь такое количество лучшей сваренной пищи. Хороший глоток водки и немного хлеба согревали мне желудок и укрепляли и чрезвычайно меня оживляли. В остальном ел я каждый день так называемый кисель, который я на родине не знал. Эта еда делается из ржаных отрубей, а также из размолотого овса, скисшего в молоке и сваренного в нем, и когда он остывает и становится крутым, его едят с молоком. Если для его изготовления берут молотый овес, он бел как снег и имеет исключительно хороший вкус» (102).

Подробно описывает Вагнер различные необходимые в повседневном обиходе сибиряков предметы и процесс их изготовления. О лыжах (ботинки для ходьбы по снегу — *Schrittschuhe*) он, например, пишет: «Упомянутые лыжи состоят из тонких березовых дощечек, которые отдирают или отщепляют от дерева и с обеих сторон выравнивают. Они имеют в длину 5 и в ширину два с половиной фута. Подошва покрывается оленьим мехом, снятым с ног этих животных, и так он приделан, что ворс направлен назад. В самой середине имеются дыры, через которые протягивают ремни. Между этими ремнями ставят ноги и крепко к ним привязывают лыжи.

Для опоры служит крепкая палка, просверленная со всех сторон в нижнем конце. Через дыры идут ремни, при помощи которых крепко привязываются просверленные во многих местах, маленькие ободки, так что они похожи на колесо, которое при помощи спиц, которыми в данном случае являются натянутые ремни, связано со ступицей. С лыжами ходят не только по глубокому снегу, не погружаясь в него, но и без всякой опасности поднимаются на самые крутые возвышенности, так как короткий и жесткий ворс под подошвами препятствует скатыванию. Так как пижный конец палки мало погружается в снег, имеют одновременно крепкую опору, при помощи которой всегда можно сохранить равновесие.

Я говорил о некоторых изготовленных из березы вещах, и потому здесь указываю, что жители северных провинций почти всю свою утварь делают из этого дерева. Даже состоящие из одного куска колеса их кибиток сделаны из березы. Также их домашняя утварь, все их шкафы сделаны из нее и отчасти украшены изящной резьбой. И кора этого дерева используется. Она применяется

для бочек вместо бочечной клепки, каковые сосуды именуются туесками (Tuís). Куски древесной коры сшиваются разрезанными (расщепленными) ивовыми прутьями, как ие применяют плетельщики стульев для плетения; дно и крышка из березовых досок. Эти сосуды совершенно водонепроницаемы. Когда снабженная сверху ручкой крышка вдавливается, то за нее можно носить полный сосуд.

Русские делают также различные музыкальные инструменты из березы, как скрипки, цимбалы, и без какого-либо учения, кроме того, которого достигли глазами. Некоторые так хорошо успевают в резьбе и скульптурных работах, что действительно удивляешься, когда случайно узнаешь, что свою ловкость в этом, наряду со случаем, они приобрели лишь собственными упражнениями. Русский остроумен и изобретателен и дает, насколько я об этом могу судить, только совершенствованию своим собственным талантам, чтобы стать величайшим искусником. Я до сих пор владею двумя ручками для ножей и вилок из мамонтовой кости и вырезанными весьма искусно неотесанным русским, на них изображены монахи и монашенка» (105—106).

Для времяпрепровождения Вагнер начал сочинять музыку; ноты он писал углем на печке. Потом начал для преодоления скуки ссориться со своим караульным унтер-офицером, обвинив его в похищении предназначенных для пленника свечей. Возникла небольшая драка, в результате которой ставни в комнате были наглухо заколочены и Вагнер был вынужден находиться всегда в свете зажженных свечей.

Много пишет Вагнер о пушном промысле в Сибири. Определенный интерес представляют те страницы дневника, где говорится о нравах представителей местной администрации. Вагнер видел казаков, которые «привезли с собой ясак пушниной от диких орд, и видел в канцелярии воеводы, что петербургские и московские купцы, которые из Енисейска приехали в Мангазею на ярмарку и должны были оценивать эту пушнину поштучно, определяли стоимость шкурки черной лисицы по количеству рублей, которые в ней вмещались. Я был удивлен, когда считали брошенные туда монеты — их было 240. Такие шкурки, собственно говоря, не должны продаваться, а должны быть все посланы к императорскому двору, но все же я заметил, что не всегда это правило так уж точ-

но соблюдается, и господа воеводы при этом имеют свою прибыль. Кто может все это проверить?..» (115).

В другом месте Вагнер, говоря о пушном промысле на песцов, рассказывает: «Воеводы в таких пунктах сбора пушнины больше всего выигрывают, когда казаков осенью по Енисею отправляют в тамошние места, где собираются зимой орды варваров, чтобы оплатить подушную подать царской казне, они обычно к этому времени уже пропили весь свой заработок и не в состоянии закупить необходимые для своей торговли товары. Тогда идут они к воеводе, чтобы одолжить деньги, и тот так добросердечен, что дает займы каждому казаку столько, сколько он требует. Умные казаки, которые, однако, редки, и у воеводы не в уважении, берут мало. Ибо за каждый рубль они должны дать некое количество шкурок, которые намного ценнее, из-за чего воеводы обогащаются в короткий срок. Поэтому они должны дорого платить за свое место, и их оставляют не более трех лет, по истечении которых они и сами охотно уходят. Воевода Симон Симонович заверил меня, что его пост обошелся ему в сенате в Москве в 30 000 рублей; большая сумма, которую, однако, вскоре можно вернуть. Я сам был свидетелем того, что он за каждый израсходованный рубль получал столько пушнины, что он через торговлю с купцами из Санкт-Петербурга и Москвы мог сделать от 20 до 30 рублей. А казакам пушнина тоже обходится недорого. На взятые займы деньги покупают они для меня следующие вещи: 1) различных сортов окрашенные бубы; 2) вышивальный шелк различных цветов; 3) золотые нити, 4) серебряные нити, 5) большие ножи, 6) топоры, 7) китайские курительные трубки, 8) китайский и турецкий курительный табак, 9) русский табак в листьях, 10) бубенцы и колокольчики, 11) котлы, 12) олово, из которого отливают галуны и банты, а также такие украшения, какие драгуны носят на аксельбантах. За эти и другие подобные им товары выменивают они удивительно большое количество лучшей пушнины. Самыми богатыми ордами являются тунгусы и юраки; и как раз они-то и не имеют других потребностей, какие я только что перечислил. Соли, муки и пива они не знают, водка для них приятный напиток, но казаки не любят брать ее с собой много, так как боятся, что в своем неистовстве, которое она причиняет этим народам, всех их убьют. Никогда больше шести человек казаков не отправляется

зараз к одной орде, семьи которых доходят до 200 душ, а иногда и больше. Место доставки товаров находится обычно у Енисея, где стоит только один дом для казаков, которое называется зимовьем. Здесь ожидают прибытия орды, которая действительно всегда появляется в назначенный для сдачи подушной подати день. Но прежде чем они разбивают свой лагерь, они выделяют одного из своей среды, чтобы приветствовать казаков и узнать, была ли ко времени их выезда в том месте, откуда они приехали, оспа. Если отвечают «нет», казаки должны привести взятого за прошедший год заложника, с ним договаривается посланец и спрашивает его, хорошо ли с ним обращались, всегда ли он был здоров, и могут ли они торговать с казаками без опасности заболеть оспой.

Когда все это подтверждено, орда подходит ближе и разбивает свой лагерь. Забивают оленей, шаман приносит жертву, оставшееся от жертвы мясо жарят для общины. После этого устанавливают болван, сделанный из чурки длиной в 5 футов, и в честь своего бога обвешивают подарками из лучшей пушнины. После этого они садятся за обед, и когда он окончен, они приводят нового заложника к казакам, за которого они возвращают себе прежнего, и процессией ведут в лагерь. Здесь его представляют всей орде и его приветствуют громкими криками. После этого он должен броситься ниц, трижды наклонить голову к земле перед шаманом и поцеловать землю. После этих церемоний приносят они свой ясак— это и есть подушная подать, и каждый отец семейства точно указывает число своих детей, ибо за каждого ребенка старше года нужно платить уже 5 беличьих шкурок. Старший казак оценивает каждую шкурку, и если после этой оценки, во время которой происходят всякие надувательства, налог не достиг требуемой стоимости, тунгусы должны доплатить необходимое. После оплаты этой дани устраивают отдых, и потом уже начинается торговля, которая чрезвычайно выгодна для казаков. Целых ящиков бус, обмениваемых на пушнину, не хватает, чтобы удовлетворить жажду тунгусских женщин к украшениям, и часто казак при этой мене может считать белую лисицу или песца едва ли дороже трех копеек. Наибольшую выгоду делают они с китайскими трубками и табаком. Невозможно было бы без такой прибыли отдать воеводе такие проценты для покрытия его расходов.

Как только реки освобождались ото льда, отправля-

ются казаки со своей добычей домой. Но перед своим отъездом они выбирают сначала лучшие куски для подарка воеводе, который тайком продает их купцам. Правда, все, что своей стоимостью превосходит определенную таксу, купцы не имеют права купить, поскольку оно предназначено для императрицы, но все же они выторговывают у воеводы более драгоценные шкурки, чем достается царице, и от них эту пушнину получают знатные люди страны. Но чтобы в стране не появились бы другие шкурки большей ценности, чем царица дарит или отдает продавать, их часто тайком посылают с караваном в Китай, где за них получают вдвойне. Не следует удивляться роскоши среди знати; деньги им легко достаются и много у них подручных. Купцов вознаграждают тем, что пропускаяют без пошлин; преимущество, которое с избытком возмещает им отдачу пушнины за дешевую цену. После отдачи подарков казаки погашают долг воеводе и, наконец, сдают взятую для императрицы дань» (116—121).

20 июня 1763 года Вагнеру зачитали указ, по которому ему была дарована свобода. Свой отъезд Вагнер отметил торжественными балами и обедами, получал множество приглашений, ухаживал, как не без гордости сообщает, за местными красавицами «высшего света», вызывая этим ревность, с одной стороны, и обильные слезы — с другой.

Прощаясь с городом Мангазейей, Вагнер еще раз оглядывает места, которые на долгие годы стали его жилищем, и записывает в дневнике: «Она (Мангазея) расположена в пустынном месте, на горе, близко к морю. С одной стороны протекает Турухан, к северо-западу — Черный Тунгус, к юго-западу — Енисей, и со всех сторон города виден огромный густой лес, по которому протекают эти реки. Сам городок состоит из 60 очагов, все дома — деревянные. Все жители обязаны выполнять казацкую службу, и за это каждый получает свою порцию крупы и муки и жалованье по три рубля. Никаких податей они не платят. Пашень у них нет, а только луга, и каждый косит свою траву, где пожелает. Кругом лежат покрытые лесом горы, между которыми имеется множество болот, и многие реки через них вливаются в Енисей. По суше здесь не проберешься. Не найдешь здесь ни одного куска земли, пригодного для выращивания злаков, к тому же для этого лето слишком короткое, а зима

слишком свирепая. Там имеется множество старых людей, старцев в 90 лет, которые никогда еще не видели в поле стебля. Везде растет трава выше человеческого роста, чему я очень удивляюсь, так как зима кончается только в начале июня, а к исходу августа по старому стилю она снова начинается. Жители держат коров, лошадей и свиней. Осенью, до того, как выпадает настоящий снег, привозят они на лошадях дрова из леса, с той стороны, которая примыкает к городу, — она расположена к востоку и северо-востоку. Овес и провиант, в котором они сами нуждаются весь год, доставляются им по Енисею; и все они выменивают на пушнину. Леса состоят преимущественно из кедров огромной величины, которые, вероятно, стоят еще с времен всемирного потопа. Каждое лето ударяют молнии в эти деревья, и пожар горит годами, но убыли древесины не заметно.

Вдоль реки Енисей до так называемой тундры стоят ранее упомянутые зимние дома, а частично и охотничьи дома (Fanghäuser), где обитают различные русские семьи, существующие исключительно дичью и рыбой. Лучшие соболя, черные лисицы, белые волки и белые медведи обитают в этой местности там, где леса переходят в тундру или голую пустыню. Тундра — это удивительно большая равнина, расположенная по направлению к Ледовитому океану, не имеющая ни малейшего кустика и, как полагают, соединена с Америкой. Правда, последнее обстоятельство никем еще не проверено.

Юраки и русские ловят там больше всего дичи, а последние из пристрастия к прибыли забираются дальше всех. Зимой, когда собственно говоря и ведется вся охота, они находят дорогу по канатам, которые поддерживаются вбитыми на каждые 50 шагов в землю шестами и тянутся на полмили. Невероятное количество снега, под которым захоронены даже деревья, делает эту предосторожность необходимой. Никто не осмеливается выйти на лов раньше, чем прояснится. Но иначе, чем на впряженных в сани собаках, не проберешься, а при установке ловушек пользуются выше описанными лыжами, чтобы держаться на глубоком снегу. Часто бывает, что охотники, несмотря на все предпринятые предосторожности, до своего возвращения вместе со своими санями оказываются под снегом, когда забираются в тундру, и, чтобы ловить белых медведей, доходят до самого Ледовитого океана. Они всегда берут с собой на несколько

дней провизии для себя и для собак, а также несколько досок и лопат, а также план, чтобы, когда такая погода их настигает и надолго задержит, разбить где-нибудь лагерь и ждать, когда непогода кончится. Иногда над ними лежит снег высотой в дом, и они своими лопатами стараются сохранить сверху отверстие. Как только бурная погода затихает, их собаки дают им об этом знать, вставая и стряхивая снег. И тогда они со всем своим экипажем выбираются. Ловушки они находят при помощи длинных шестов, поставленных рядом, и без этого все бы потерялось» (128—129).

Вагнер подробно описывает со слов встреченных им жителей охоту на белых медведей, на нерпу (под которой он подразумевает моржа, приписывая ему, однако, и некоторые свойства китов — «его глотка связана с трубой, которая открывается сверху позади головы, и через которую он выбрасывает фонтаном воду, всасываемую ртом, из-за чего его можно видеть издали»), рассказывает, как охотники добывают диких гусей. (130—135), как хранят добытую дичь: «Гусей сохраняют для употребления без соли, так как у этих людей в ней большой недостаток. Когда приезжают казаки для сбора дани, у них покупают взамен пушнины, наряду с мукой и крупой, и немного соли, но ее ненадолго хватает, так что они вынуждены есть некоторые блюда несолеными. Они в земле выкапывают большие ямы, окладывают их деревом. Сюда складывают очищенных гусей, закрывают ямы деревом, сверху набрасывают землю и хорошо ее утрамбовывают. Когда наступают сильные морозы, вынимают верхний слой гусей, вешают их в дым, — другая половина гусей остается в земле до весны, и едят их свежими. Казаки уверяли меня, что они еще до своего отъезда весной ели такую дичь и нашли ее свежей, как будто ее только что забили» (135).

Выехав из Мангазеи, Вагнер захотел увидеть жилище остяка. Сопровождающий его казак показал ему холмик и сказал, что это и есть такое жилище. «Здесь я больше ничего не увидел кроме дыры в земле, но мой проводник уверял меня, что не ошибся, и что эти люди не живут иначе, как под землей. Стоит лишь опуститься, и я найду людей. Мое любопытство было очень велико, но как его удовлетворить? Я не знал, как попасть в дыру, из которой шел мне в лицо дым. Срубили большой сук, начисто обстругали и поставили в подземное жилище; по

этому шесту я соскользнул вниз. Если я испугался существа, которое я здесь увидел, то оно испугалось не менее при виде меня. Это была отвратительная старая женщина. Она лежала на доске, положенной на чурбаны. Она сделала застенчивое движение, увидев меня, вероятно, она за всю свою жизнь еще не видела человека в европейском платье. Я спросил ее по-русски, где хозяин, и задал различные другие вопросы, но вместо того, чтобы ответить, она хрюкала, как свинья. Пещера под землей была в длину около 10 футов, 6 футов в ширину и 5 футов в глубину. Я оглянулся, нет ли там пушнины в виде соболя, горностаев или белки, которую я бы охотно купил. Но не нашел ничего такого, как и не увидел посуды для варки или какой-либо домашней утвари. Здесь была невыносимая вонь; я крикнул своим людям, чтобы они меня вытащили, так как по шесту, по которому спустился, я вверх подняться не мог» (138).

Позже Вагнер все же выменял у остяков за два фунта табаку и немного водки 30 белок и 6 горностаев. Попутно он замечает, что среди остяков деньги совершенно неизвестны и все свои потребности они удовлетворяют через мену. Все они приняли греческую религию, но, несмотря на все уговоры, не строят себе дома и не научились заниматься сельским хозяйством. Иное дело якуты — они строят вдоль дороги в Якутск «большие деревни, сеют и собирают урожай и держат много скота. Но в своих домах коров не держат, а только дойных кобыл. Скот у них, как и у татар, зимой и летом пасется, забивают его по мере потребности и в общем в своих деревнях живут более чисто, чем русские. У них имеется также и домашняя птица. Когда прибывает путешественник, они для него приводят с пастбищ коров, чтобы предложить коровье молоко. Это единственная нация, которая проявляет склонность к русским и подчиняется им. Что касается других, в особенности тунгусов, чукчей и камчадалов, то на них трудно надеяться. С ними они вынуждены обращаться со всеми предосторожностями, чтобы не возбудить к сопротивлению. Это удивительно и мне непонятно, как русские могли все эти орды привести к послушанию и заставить их платить дань, так как из-за ужасных пустынь, непроходимых лесов, недоступных гор, утесов и скал, где они обитают, невозможно подчинить их силе или держать в узде. Они вообще не имеют потребностей, которые должны удовлетворять за счет рус-

ских. В хлебе, соли и одежде они не нуждаются; живут они только охотой и рыбной ловлей и готовят одежду из звериных шкур. Россия, следовательно, должна была обладать особыми искусными приемами, чтобы эти народы сделать данниками. Они совсем послушно приносят свои подати в назначенные им места.

Те (народы), с которыми я успел ознакомиться, по мнению воеводы, составляют несколько миллионов и, наверное, приносят ежегодно миллионы мехов, превращаемые казной в деньги» (139—140).

Кроме уже известных в литературе сведений о чукчах, якутах, юраках, остяках и тунгусах, Вагнер приводит ряд наблюдений, сделанных им лично во время проезда по Сибири. Он рассказывает, например, как посетил поселение тунгусов: «Мы были в восьми сутках пути от места жительства остяков, когда казак сообщил мне, что вблизи находится тунгусы, они должны быть недалеко от берега, и если я хочу туда попасть, то я смогу совершить хорошую меновую сделку, так как эта орда богата пушиной. Я приказал бросить якорь, и мы, двенадцать человек в лодке, пристали к берегу. Моему солдату Степану я приказал взять с собой погребец и несколько фунтов листового табаку, и так мы через небольшой овраг вошли в лес. По моему совету мы проявили осторожность, и каждый в том порядке, как следовали друг за другом, обламывал кусты или деревья, оставляя знаки, чтобы найти дорогу назад. Мой казак, который не раз собирал подушную подать, понимал язык этих людей. Он поэтому как проводник шел впереди. Мы прошли около часа, ничего не обнаружив, но вдруг казак воскликнул, что он видит стадо оленей.

Тунгусы постоянно ведут с собой ручных оленей, из которых в случае необходимости всегда могут забить несколько штук, но зимой они пользуются ими для езды. Если орда богата, она их имеет при себе две, три, четыре сотни, даже до тысячи, и множество пастухов предохраняют их от нападения волков или медведей. Но эти животные постоянно держатся вблизи юрт и не отдаляются от них дальше расстояния, на котором слышат запах дыма.

Я уже видел мужчин тунгусов, теперь я был рад, что мог ознакомиться с женщинами этой нации и с их жилищами. Мы ускорили наши шаги и примерно через чет-

верть "аса заметили дым и вскоре приблизились к их жилищам. Из боязни, что эти люди могут принять нас за врагов, которые хотят на них напасть, казак должен был войти к ним первым. Ибо нам, не имеющим оружия при себе, от их стрел было бы большое зло. О бегстве и нечего было бы думать, так как они так хорошо бегают, что даже догоняют медведя, мясо которого является их любимой пищей. Казак выдал меня у них за очень знатного прусского пленника, который проездом желает с ними познакомиться. Он вскоре вернулся и обещал нам надежный прием. Когда мы были еще от юрт на расстоянии примерно в 15 шагов, вышла на колених уже вся семья. Старший из них в таком положении припал ко мне, и когда я к нему подошел, он трижды поклонился земле, а остальные, стоя на колених перед юртой, повторили это. Мой казак должен был заставить их встать и задавать им вопросы, на которые они через него давали точные ответы.

Я еще раньше много слышал об их шаманах и очень желал видеть такого пророка и святого и быть свидетелем его шаманства. Но старший ответил, что их пророк не сможет разговаривать с богом до тех пор, пока вся община единогласно и настойчиво его не попросит. А так как они только что получили известие, что их преследует другая, намного превосходящая их численностью орда тунгусов, то они его уже позвали, чтобы спросить, покинуть ли, как они хотели, это место, или ждать другой орды и биться с нею. Поэтому я, если задержусь немного, смогу взглянуть на шаманство. Я действительно видел, что кто-то, окруженный многолюдной толпой из лиц обоего пола, был там. Все повесили головы, и шаман танцевал в этом кругу, пока не дошел до большого разведенного под открытым небом костра. Я внимательно наблюдал все его движения, о чем мне еще раньше рассказывали люди.

То ли он меня не заметил, то ли не хотел замечать, я не знаю, ибо он, ничем не отвлекаемый, смотрел то на небо, то пристально на землю. Потом он встал между двумя рядом стоящими деревьями, взял шкуру, похожую на приготовленную для барабана кожу, растянул между ними (деревьями) и двумя палками из оленьих рогов так сильно бил по ней, что этот звук можно было услышать издали.

Это он проделывал с половину четверти часа. Я тог-

да увидел, что еще несколько человек стариков из этой орды выбежали из-за кустов, и отсюда заключил, что этим барабанным боем необходимо было созвать всю общину. После этого сомкнутым кругом его повели к огню, и недалеко от него он сел на землю. Здесь молодые девушки на отломанной ветви рогов оленя принесли раскаленные угли; эти он взял и проглотил, или делал такой вид. Вскоре он упал замертво. В это мгновение забил стоящих наготове двух оленей, кровь собрали в сосуд из березовой коры, шкуру содрали очень спешно и искусно, желудок с его содержимым повесили на дерево, и самое жирное и лучшее мясо бросили в огонь и сожгли как жертву. Они бросили туда еще множество других кусков мяса, и пока оно там жарилось, незанятая часть лиц обоего пола, подавая друг другу руки, начали танцевать по кругу, то в одну, то в другую сторону, причем они прыгали и пели не без приятности. Я заметил, что время от времени они подходили к шаману и боязливо смотрели ему в лицо; я через казака спросил о причине этого, и действительно ли шаман мертв, и получил ответ: все их счастье зависит от того, не пойдет ли у шамана из носа кровь, поэтому они, пока он не пришел в себя, все свое внимание обращали на это обстоятельство. Он не мертв, а только в трансе и теперь разговаривает с богом, который через него сообщит всей орде предстоящее ей счастье или несчастье. Наконец позвали к пиру, танец прекратился, и все расположились недалеко от костра. Они брали куски обгорелого мяса, предназначенные для еды, из огня при помощи палочек, клали на оленьи рога, резали ножом и съедали. При этом они все время направляли свои взоры на шамана, и ели до тех пор, пока он не поднялся. Как только они это заметили, они вскочили и снова образовали вокруг него круг, чтобы из его уст услышать божественное мнение. Что он им ответил, я не смог узнать, так как это держат в тайне от чужестранцев; но, наверное, это было нечто утешительное, так как они сразу же начали снова танцевать и взяли шамана в свой круг. Мой казак заверил меня, что если шаман дает плохое предсказание, то вся орда начинает жалостный вой, посыпает себя пеплом и приносит в жертву множество оленей, чтобы примирить бога, и после жертвоприношения шаман снова должен еще раз проделать свои фокусы. Из их теперешнего поведения поэтому можно заключить, что они получили благопри-

ятную весть.

Прежде чем уйти, я одарил старшего водкой, а когда я хотел попрощаться, молодые и старые, малые и большие, ушедшие в юрту, снова вышли из нее, и каждый принес мне на коленях подарок. Он состоял из соболей, горностаев и беличьего меха; наименьший подарок маленького ребенка состоял из пяти беличьих шкур. Мы вернулись по своему обозначенному пути и благополучно прибыли на корабль.

Более подробное описание этой нации по их телосложению, их одежде и их обычаям, надеюсь, не будет неприятно моим читателям. Они все стройного роста и очень пропорционального сложения. Я среди них не видел ни одного полного человека. Они имеют красивые длинные волосы, которые лица обоего пола, не сплетая, связывают близко к голове. Богачи, то есть те, которые владеют многими животными, поверх ленты для волос, сделанной из оленьих жил, навязывают нитку раскрашенных бус. Над ушами волосы висят во всю длину, они их не завязывают, как венгры, в узлы, а заплетают их бусами, так что они похожи на серьги. В праздничные дни они носят на голове шапку, открытую сверху на темени и обшитую рядами бус. Вид их настолько напоминает немцев, что их, исключая вышитые лица и одеяния, можно было бы принять за настоящих немцев.

Все тунгусы, как мужского, так и женского пола, имеют вышитые лица; знатные имеют больше фигур на них, чем все остальные. Вышивание делается на детях, когда им исполнилось полгода. Ребенку трут лицо, сначала нежно, затем все сильнее, до тех пор, пока оно везде не распухнет. Тогда они берут нитку, тонкую, как шелк, из оленьих жил, макают в замешанную с оленьим жиром угольную пыль, и при помощи швейной иглы протягивают под кожей ребенка, пока все фигуры, которые он должен иметь, не нанесены на лицо. Нитку часто вытягивают и снова увлажняют. Она оставляет между кожей и мясом по всем своим поворотам, которые ей хотели придать, просвечивающие синие линии, которые никогда уже не исчезают. Дети при этой операции не показывают признаков боли, вероятно, потому, что лицо растиранием сделали нечувствительным. Некоторые тунгусы имеют на своем лице изображение оленьих копыт, другие — полумесяца, еще другие — солнца или луны и стрел. Количество знаков, которые каждый по своему

рангу может иметь на лице, твердо установлено. Самые знатные и богатые имеют знаки и на лбу, и это считается самым красивым. Действительно жаль, что этим некоторые лица, судя по нашему вкусу, совершенно испорчены. Я нашел среди тунгусов женщин, которые действительно имели тонкие черты и прекрасный цвет лица, но были совершенно обезображены вышиванием.

Мужской пол одевается так же, как и женский. Они носят камзол из меха оленьих ног, сшитый жилами того же животного — это работа женщин. Этот камзол имеет пегий цвет, край обшит белыми и черными четырехугольниками-лоскутками, оторочен он белым мехом, но не застегивается, а свободно свисает с груди. На шее висит клапан из того же меха до уровня штанов, но так свободно, что ветер с ним играет; он закрывает грудь и живот и имеет в ширину примерно полтора фута. Богатые и знатные украшают этот клапан отлитыми из олова галунами, которые покупают у казаков. Штаны также сделаны из этого меха и составляют одно целое с сапогами. Зимой носят они сверху доходящие до земли шубы из оленьих шкур. Мех их совершенно сходен с мехом наших оленей, только он гуще и толще. Одевание женщин отличается от мужского костюма тем, что они носят короткий фартук, шириной в полтора локтя из меха оленьих ног. Он весь обшит бусами, снизу на краю висят всякие безделушки, латунные или оловянные свистки, шнурки, бусы всех цветов, бубенцы, применяемые у нас для охотничьих саней, спереди и сзади в середине висит металлический колокольчик, так что женщину по позвякиванию можно узнать уже издали. Они сзади в штанах имеют разрез, мужчины — спереди. Ревность тунгусов доходит до того, что они впадают в ярость, лишь только кто-либо дружелюбно взглянул на их женщин; кто осмелится это сделать, тот пропал. Но здесь женский пол столь же хитер, как в наших цивилизованных государствах. Они умеют использовать время, когда их мужчины одурманены табаком. Они очень влюбчивого темперамента и проявляют особую склонность к чужестранцам» (141—151).

Столь же подробно рассказывает Вагнер об образе жизни тунгусов (152), охоте на медведя (153), оружии тунгусов (153—154), их обычае жизни и нравах, их брачных обрядах (156), обстоятельно повествует о жизни и обычаях татар (157—160), о самоедах (161—162) и якутах (163).

В середине августа Вагнер прибыл в Енисейск, где находился некоторое время в ожидании отправки. Здесь он через купца Токарева завел множество знакомств среди «высшего» общества города и, очевидно, небезуспешно предался радостям любви. Во всяком случае не без чванства он сообщает, что в него страстно влюбилась молодая купчиха, жившая по соседству, подсылала к нему старых баб, давала взятки сопровождающему Вагнера солдату, но, увы, успеха не добилась. Вагнер в это время подарил свое сердце дочери бедной вдовы обанкротившегося купца и купил ее за шесть рублей у матери. Он хотел ее взять с собой на родину, но об этом узнала соседка-купчиха и пыталась из ревности отравить Вагнера пельменями. Но Вагнер вовремя узнал об этом коварном плане, он сократил свое пребывание в Енисейске и немедленно собрался в путь. Команда солдат обещала надежно скрыть его спутницу (естественно, не записанную в паспорт). Но в одной деревне все обнаружилось, и девушку забрали. Вагнер пытался дать офицеру караула 20 рублей, предлагал свою шубу и пару пистолетов, но напрасно, нежные узы любви были грубо и беспощадно разорваны, и спутница Вагнера отправлена назад в родной город, где она, как позже узнал Вагнер, насильно была выдана замуж за поселенца и несколько дней спустя умерла от горя (183).

Вагнера заинтересовали порядки на сибирских дорогах, о которых пишет: «На всей этой дороге каждые 100 или 150 верст встретишь дом, стоящий посреди леса у дороги. Хозяева этих домов имеют скот и все виды продовольствия и должны бесплатно кормить проезжающие команды. Их посылают туда из деревень, расположенных в стороне на 400—500 верст, за что они не обязаны платить ничего императрице и могут иметь столько земли, сколько только в состоянии обрабатывать. Было бы значительно приятнее жить у большой дороги, так как здесь нет недостатка ни в хорошей почве для пашен и лугов, ни в озерах. Но, несмотря на это, живут эти крестьяне охотнее в стороне в глухих лесах, чтобы, как они говорят, не подвергаться так часто дурному обращению со стороны команд. И это правда, я сам был свидетелем того, что солдаты в пути почти не считают крестьянина человеческим существом и все, что им нужно, требуют почти всегда с побоями, из-за чего и крестьяне этих мест являются самыми забитыми созданиями на божьей зем-

ле. Но в то же самое время я нашел, что там, где они воображают себя господами, сами творят бесчинства и часто не дают куска хлеба, если их как следует не избьют. Каждый крестьянин должен нести эту повинность 8 недель, по истечении которых его сменяют другим. Старосты в этих деревнях, называемые десятниками или сотниками, в зависимости от того, населена ли деревня десятью или стами крестьянами, должны, под угрозой наказания кнутом или потери всех прав, обеспечить эту смену, ради чего они тоже освобождаются от уплаты налогов со своих пашен и других угодий.

В этом пустынном месте нам однажды угрожало нападение двадцати четырех обеславших с рудников злоумышленников. Они кричали нам, чтобы мы все, что при себе имеем, отдали им, иначе нас всех убьют. Нас было всего восемь человек, а именно три возчика при трех повозках, и я с одним унтер-офицером и тремя гренадерами. Мы имели при себе пять ружей и пару пистолетов, а также достаточный запас патронов и особенно много зашитой в холст картечи, каковую русские употребляют для стрельбы из своих ружей. Мы не колебались стрелять, и пули застучали об деревья, и, как только мы выстрелили из двух ружей, разбойники уже пустились в бегство, но угрожали нам возвратиться в усиленном составе. Теперь мы быстро поехали и поздно ночью достигли один из упомянутых домов, где переночевали, а на другой день взяли свежих лошадей. Здесь нас стало 12 человек, и мы выставили, так как страшились нападения, пост с заряженными ружьями. Но, очевидно, этот разбойничий сброд от голода и усталости не мог так быстро передвигаться, ночью нас не беспокоили и с наступлением дня мы поехали дальше.

По рассказу хозяина, эти люди, беслокаящие тракт, являются приговоренными к смерти и сосланными в андырские рудники преступниками. Оттуда им иногда удается бежать, после чего они себе в городах кое-что нагрябят и незаметно поселяются в этих диких местах. Когда со временем такое поселение обнаружат, никто не знает обитателей и их принимают за честных поселенцев. Они стараются похитить по соседству женщин и те, если уж к ним попали, вынуждены оставаться, так как им нелегко удастся найти обратный путь домой. Хозяева домов у дорог могут не бояться разбойничьих нападений, но вынуждены им отдавать еду и питье, и все, чего они

еще потребуют, безоговорочно и бесплатно. Необходимый им для поселения скот воруют они в соседних лесах, что очень легко, так как обычно весь скот летом и зимой пасется в лесу, а дома держат только столько коров, сколько требуется для снабжения семьи молоком. Место поселения, которое они избирают, большей частью недоступно, окружено оврагами, озерами и горами, и разыскивать их слишком трудно и опасно. К ним можно попасть лишь по одной потайной дороге, и ею пользуются обычно лишь такие же беглецы из рудников, которые случайно открывают такие места и сообщают о них. В начале, когда они могут себя содержать только разбоем, они опасны для путешественников, но как только они по-настоящему устроились, они становятся спокойными. Там имеется бесчисленное количество деревень такого рода, о чем казна не имеет ни малейшего представления. Так гласил рассказ моего хозяина.

И действительно, таким образом живет большое число людей в Сибири, о которых правительство не знает. Страна слишком велика, и из-за огромного количества утесов, гор, оврагов, озер, рек и густых лесов невозможно обследовать ее со всех сторон и концов. Страну, в которой имеются такие удивительно большие пустыни, целиком исследовать невозможно, — для этого потребовался бы караван с чрезвычайно большим запасом продовольствия, и все же на обратном пути все бы умерли с голода, не говоря уже о многочисленных ордах диких людей, которые могли бы быть опасными для такого каравана. Я действительно думаю, что Россия еще не знает даже половины этих совершенно необразованных жителей Сибири. Многие места совершенно недоступны и лишены всего, что требуется для поддержания жизни, так что нельзя даже рискнуть их исследовать.

Впрочем, вся эта страна, о которой я до сих пор говорил, очень удобна для обработки. Она имеет превосходную почву, хорошие пашни и луга, в особенности местность у маленького городка Тары, и реки и озера имеются в изобилии» (174—178).

В ноябре Вагнер приехал в Тобольск. В это время туда прибыл новый губернатор Чичерин (Tsche Tscherin), гвардии майор из Петербурга. Он пригласил Вагнера к себе. «Это было мне тем приятнее, что я и так решил задержаться здесь несколько недель. Город большой, но не красивый. Все здания из дерева, за исключением боль-

шинства церквей в городе под горой и резиденции архиепископа, солидно возведенной из камня; последний живет на горе, напротив так называемой крепости. Гора, на которой стоит дом наместника, высока и крута; он окружен четырехугольной стеной, целиком возведенной из земли. Внутри он в некоторой степени выглядит как крепость. На земляном вале стоят несколько пушек, а в деревянные стены врезаны бойницы. Караульные помещения и ворота, ведущие к этой так называемой крепости, сделаны из дерева. Как и Москва, этот город возведен на болотистой почве. Дома частично стоят на бревенчатых решетках, частично на сваях. Все улицы замощены бревнами. В городе много болотистых диких мест. От реки Сибирки, протекающей через город и многими рукавами расходящейся по всей стране, Сибирь получила свое наименование, но это не что иное, как большой ручей» (179—180).

Вагнер в Tobольске предавался увеселениям, но вскоре начал испытывать недостаток денег. «Мои солдаты, которые до этого жили при мне припеваюче, вскоре заметили мое стесненное положение и думали, как бы мне помочь. Никогда бы мне самому не пришло в голову составить такой план, какой выдумали эти молодцы; они пришли, чтобы мне его открыть. «Иван Карлович,—сказали они мне,—мы очень хорошо чувствуем, что твои деньги идут к концу. А между тем нет недостатка в способах для улучшения наличия, если ты только согласишься с нашим планом, и нам бы это помогло». Я дал им объяснить свое намерение. Они хотели во всех городах, которые мы должны были проехать, выдавать меня за знатнейшего прусского пленника, который десять лет был лишен свободы в Сибири. Их пацья, говорили они, при таких случаях чрезвычайно любопытна, и я могу быть уверен, что как только это известие распространится, ни один человек хотя бы малейшего положения не откажется от удовольствия меня увидеть. Пусть я поступлю в соответствии с этим, они же со своей стороны уж так все устроят, чтобы любопытство людей было бы доведено до высшего предела, и никого ко мне не пустят, который не имеет в руке хороший подарок для меня. Я подумал над этим проектом, нашел его выполнимым и согласился. Мы, сказал я им, сделаем в первом городе на нашем пути пробу. Это была Тюмень. Я въехал в закрытой повозке и занял квартиру. Только я устроился,

мой солдаты отправились ко всем купцам города и сделали вид, как будто собираются сделать для меня большие покупки. Они потребовали показать им самые богатые товары, и все они оказались для меня недостаточно хороши. Естественно, что это вызвало внимание и вопросы, кто же этот господин, которого они сопровождают? Вот это и было то, на что хотели словить купца. Чем любопытнее он им казался, тем таинственнее вели они себя и доводили его в конце концов до того, что он начинал их просить, чтобы они сказали, кто я такой. Как только они сообщали ему свою выдумку под величайшей тайной, то возникал вопрос, нельзя ли меня увидеть. Солдаты сначала давали себя уговаривать, после чего им предлагали чаевые. Возражение, что один не может заняться этим делом, ибо попадет в беду, если другие мне его выдадут, вскоре доводило бедняка к тому, что он и остальным солдатам предлагал чаевые. Тогда ему намекали, что он никак без подарка не может прийти. Этим может быть создается возможность попасть ко мне, а они приложат все усилия, чтобы это сделать возможным, так как я обычно ни с кем не разговариваю. На большое счастье самолично со мной беседовать такой человек не надеялся. Не успевал я оглядываться, как уж кто-нибудь у меня объявлялся, и когда меня извещали, что все получили то, что следовало, и незнакомец и для меня принес подарок, его вводили ко мне. Это был всегда Степан, который в качестве моего верного камердинера выполнял церемонию представления и уведомления. Так как везде в России при входе в комнату сначала приветствуют изображение святого тремя отбитыми перед грудью крестами, прежде чем выразить свою вежливость находящейся в комнате личности, то я поворачивался, как только слышал, что объявленный человек вошел, спиной к двери, и смотрел через окно, не поворачиваясь в его сторону, пока он не подойдет к столу и я не услышу звон или шелест. Тогда я поворачивался, принимал глубочайший поклон незнакомца, после украдкой брошенного на стол взгляда подходил к нему и начинал с ним разговор, длинный или короткий в зависимости от того, нашел ли я подарок достойным или нет. Тогда я приказывал своему камердинеру Степану принести ему стопочку водки, принимаемую всегда очень почтительно. Если мой собеседник мне надоел, я опять отходил к окну, и Степан при помощи знака давал понять, что посещение окончено. Те,

которые меня видели, хвастались этим по всему городу и, раньше, чем я это ожидал, появлялся уже другой, который тоже хотел получить счастье приветствовать меня. Не принимали подарка меньше 10 рублей деньгами или пушшиной в эту же стоимость. Кто приносил меньше, того мои солдаты сразу же отправляли. Если они иногда были недовольны чаевыми, то на это не обращали внимания, так как я возмещал им недостающее, если только предназначенный мне подарок был достаточен. Когда мы попадали в место, где была нехватка денег или пушнины, то заставляли доставить другие товары, как чай, сахар и тому подобное, и кофе, хотя последний реже всего попадался. Китайские шелковые платки я тоже брал. Таким образом я путешествовал до Москвы и имел при себе, когда прибыл в этот город, сто рублей денег, несмотря на то, что в пути из Тобольска через Казань в Москву мы жили так роскошно, как только можно жить в такой стране. Я приобрел 200 рублей деньгами и столько же пушшиной» (187—190).

25 февраля 1764 года Вагнер вернулся на родину — в тот же день и тот же месяц, когда он в 1759 году начал свое паломничество на восток. 25 апреля он получил аудиенцию у прусского короля в Потсдаме, вручил последнему мемориал и счет на 600 рейхсталеров — в возмещение причиненного ущерба. Через несколько дней Вагнер получил собственноручное письмо короля с выражением сожаления, что в настоящее время его королевское высочество не в состоянии помочь деньгами — «семилетняя война обошлась слишком дорого». Однако король соизволил распорядиться, чтобы Вагнеру при случае дали бы должность в почтамте. Однако, как с грустью замечает Вагнер, ничего подходящего не нашлось, и он поселился в Пиллау, «в ожидании лучшего», а потом переехал в Грауденц, где и прожил остаток дней своих, пытаясь «быть полезным отечеству».

Записки Вагнера, правда, не содержат сведения первостепенной важности и новизны по истории, географии и этнографии Сибири, но, как показывают приведенные из них отрывки, во многих отношениях расширяют наши представления о бытовом укладе жизни сибиряков конца XVIII и начала XIX века, дополняют их характерными штрихами и деталями.

В этом же отношении определенный интерес представляют и сообщения о Сибири, имеющиеся в воспомин-

наниях популярного когда-то немецкого драматурга и политического авантюриста Августа Коцебу, посетившего, как и Вагнер, Сибирь отнюдь не по доброй воле.

Август-Фридрих-Фердинанд фон Коцебу родился в Веймаре в 1761 году. По окончании курса в Йенском университете он в 1781 году был вызван прусским посланником при Петербургском дворе Гольцем в Россию и определен домашним секретарем к главному начальнику артиллерийского и инженерного корпуса инженер-генералу Ф. А. Бауэру. В 1783 году Коцебу был назначен ассессором апелляционного суда в Ревеле, а затем президентом тамошнего магистрата. По выходе в 1795 году в отставку он поселился в своем имении Фриденталь в 48 верстах от Нарвы, откуда в 1797 году переехал на житье в Вену, и там был назначен режиссером придворного театра с титулом «придворного драматического писателя». Коцебу написал 216 пьес и в свое время пользовался незаурядным успехом среди зрителей — для этого он был достаточно занимателен, легок и фриволен⁹.

В 1800 году Коцебу предпринял поездку в Россию для свидания с родственниками. Император Павел I, «нерасположенный к Коцебу за либеральные мнения, высказанные им тогда в своих сочинениях, и подозревая в нем политического агитатора»¹⁰, приказал арестовать его на границе и отправить в ссылку в Сибирь¹¹. Коцебу был сослан сначала в Тобольск, а оттуда, по распоряжению Тобольского гражданского губернатора Д. Р. Кошелева, на житье в г. Курган. В том же 1800 году Коцебу был помилован и возвращен из ссылки.

По свидетельству самого Коцебу, молодой русский писатель Краснопольский перевел его небольшую пьесу «Старый кучер Петра III» и посвятил свою работу императору Павлу I, на которого она произвела необычайное впечатление. И действительно, эта комедийка могла понравиться императору — она изображает в лицах трогательно-слащавую историю о том, как старый больной и немощный бывший лейбкучер Петра III Ганс Дитрих, живя на Васильевском острове в большой нужде у знакомого столяра Леберехта, по совету сбитенщика Иванушки обращается к Павлу I за помощью, был им богато одарен и осчастливлен (Дитрих получил от императора 20 000 рублей, половину которых отдал дочери Леберехта Анхен, которая смогла, наконец, выйти замуж за своего любимого Петра) и под занавес произносит проникно-

венным голосом: «Благо народу, слишком бедному словами, чтобы благодарить своего доброго царя».

Как бы там ни было, но Коцебу императорским повелением был возвращен в Москву и назначен директором придворного немецкого театра. При Александре I он вышел в отставку и уехал в Германию. Впоследствии Коцебу за свои услуги русской дипломатии получил чин статского советника и звание русского генерального консула в Кенигсберге. В 1817 году по поручению Александра I он стал присылать в Петербург отчеты об умственной и политической жизни Германии, чем вызвал возмущение широких общественных кругов Германии, и студент Мангеймского университета Карл Занд 23 марта 1819 года заколол его кинжалом¹².

Естественно, Коцебу во время своего вынужденного путешествия в Сибирь взирает весьма мрачно на открывающиеся его взору безрадостные картины. Выехав 17 мая из Казани, Коцебу записывает в дневнике: «Здесь мы в первый раз догнали большие партии ссыльных, которые по двое были скованы и лешком шли в Иркутск или на заводы Нерчинские. Между ними были и молодые девки, и их провожала толпа вооруженных пеших и конных крестьян. Такие осыльные бывают в дороге часто полгода и более; караульные их сменяются во всякой деревне. Они просили у нас милостыню... Встреча этих людей, дремучие леса, ужасная дорога, рассказы о многих смертоубийствах, бываемых в страшных этих пустынях: все это естественно бы должно умножить мрачное мое уныние» (201).

Но вскоре Коцебу увидел, что его представления об ужасах Сибири сильно преувеличены: «От Перми до Тобольска остается с небольшим девять сот верст; но дороги гораздо лучше и место веселее, нежели между Казанью и Пермью. Совсем уже нет темных хвойных лесов, а по большей части молодой березник, и промежду большие полосы прекраснейшей, обработанной почвы с тучным посевом. Достаточные деревни, то русские, то татарские, лежат в недалеком одна от другой расстоянии; и, не зная того, особенно по воскресным праздничным дням, когда везде толпятся люди, нельзя бы было подумать, что находишься в Сибири. Также и дома сибирских крестьян гораздо чище и удобнее домов прочих россиян. Почти у всех, кроме простой избы, есть еще изрядная горница, и в ней слюдяные окна, ковром накрытый стол,

чистые лавки, прекрасно убранные образа и всякая посуда, чего мы давно в крестьянском быте не находили, например, стаканы, чашки, и пр. Да, кажется, что сибиряки и гостеприимнее русских. Впрочем их легко различить можно по особому их выговору» (211—213).

К большому своему удивлению Коцебу в Тобольске услышал от одного из ссыльных, что многие его пьесы играют на тобольском театре, «конечно, очень плохо, но с великою похвалою» (20).

Об успехах своих комедий Коцебу услышал и впоследствии, в последний момент перед отправкой в Курган: «Русская, изрядно одетая женщина остановила меня и высказала премножество похвал комедиям моим. Мне показалось это очень не во время, и я хотел пройти, отблагодарив коротко. Но она объявила мне тогда, что принадлежит к отменной Тобольской труппе, и сказала, что ей досталась роль верховной жрицы в «Деве солнца». И она не знает, как ей для этой роли одеться должно, и для того просила меня описать ей костюм. Во всяком другом положении я бы насмеялся ей в глаза, но теперь, в досаде нахмурясь, сказал ей: что она видит, что я будучи в Сибири не могу быть в духе заниматься перуанскими одеждами, и потому просил ее, чтобы она по своему вкусу сама выбирала костюм, и с тем ее оставил» (60).

Любопытные подробности о театральной жизни столицы сибирской приводит Коцебу в своем описании Тобольска: «Около вечера я обыкновенно бродил по городу и на базаре. Город довольно велик, улицы широки и прямы, дома по большей части деревянные, но довольно и каменных, хорошо и в новом вкусе выстроенных. Церквей очень много, и все каменные, а улицы вымощены бревнами, что гораздо чище каменной мостовой и для пешеходов удобнее. Весь город пересекается судоходными каналами, через которые находятся исправные мосты. Базар велик, и на нем, кроме обыкновенных съестных припасов, есть много европейских и китайских товаров. Последние, конечно, довольно дороги, но съестные вообще очень дешевы. На базаре во всякое время бывает большое стечение людей разных народов, особливо русских и татар, а также калмыков и киргизов. Рыбный ряд особливо доставлял мне совсем новое удовольствие: несметное множество рыб всякого рода, известных мне до того только по описанию, лежали здесь ежедневно колодые и живые на земле, в корытах и лодках для продажи.

Вкуснейшие стерляди за бесценок, белуги, сомы и проч. икра всякого рода и из разных рыб. Если бы в этом рыбном ряду не было обыкновенно несносной духоты, то я бы часто гораздо долее там проводил свое время.

Из любопытства бывал я и в театре, который довольно велик и в нем один ряд лож. Каждая ложа принадлежала одному постоянному хозяину, который имеет право украшать ее по своему произволу, от чего получался самый пестрый вид. Шелковые, по большей части богатые материи всяких разных цветов висели у каждой ложи и покрывали совсем их. Внутри навешены стенные подсвечники с зеркалами. Все вместе имело вид самый азиатский, но при первом взгляде было казисто. Оркестр был несказанно плох. Актеры все были из ссыльных. В числе их была и супруга моего Росси¹³, родом из Ревеля, которая за распутство сослана была в Сибирь, нашла моего Росси достойным себе мужем и теперь на тобольском театре играла роли благородных матерей. Декорация, гардероб, игра и голоса вообще не стоят никакой критики. Однажды играли оперу: «Добрые солдаты». Название другой пьесы я позабыл. Оба раза я не мог пробыть дольше четверти часа. За вход же платят в первые места только 50 копеек.

«Ненависть к людям и раскаяние», «Сына любви» и некоторые другие из моих пьес играли с великим одобрением. Теперь учили «Деву солнца»; но так как на декорации и гардероб потребны были великие издержки, превосходящие силы содержателя, то для сего делали сбор между почетных обывателей.

В Тобольске был также клуб (или, кажется, называли его Казино), содержимый итальянцем с вырванными ноздрями. Он за убийство благополучно вытерпел наказание кнутом и теперь таким образом кормился. Впрочем, я у него никогда не бывал» (45—48).

Коцебу в своих записках много пишет о плодородии сибирской почвы: «Природа, лишив суровый сей климат плодов древесных, тем избыточнее наделила его полевыми. Сибирская греча, и у нас славная, ежегодно сама собою опять высевается и не требует труда, как только, чтобы снимали ее. Всякий хлеб отменно родится, и трава растет очень тучно. Почва везде рыхлая, самая черная садовая земля, которую не нужно удабривать. Как крестьяне из лености не свозят заблаговременно накопившийся в их стойлах навоз, то бывают они часто в подлин-

но смешном затруднении. Надворный советник Петерсон¹⁴, по должности своей объезжающий ежедневно все деревни, за достоверное мне рассказал, что он приехал однажды в деревню, где крестьяне суетились, ломая дворы свои для перехода на другое место, потому что им гораздо легче казалось свезти свои дворы, нежели окружающие их навозные горы» (51). В другом месте своей книги Коцебу замечает: «Никогда не видывал я тучнейших лугов, как в здешней стороне. Косить их может, кто хочет, и большая часть остается некошенная потому, что не достаёт рук снимать сено, и скотины, которая могла бы его съесть» (130).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Johann Ludwig Wagners, gegenwärtig Königl. Preuss. Post-director zu Graudenz, Schicksale während seiner unter den Russen erlittenen Staatsgefängenschaft in den Jahren 1759 bis 1763, von ihm selbst beschrieben, und mit unterhaltenden Nachrichten und Beobachtungen über Sibirien und das Königreich Kasan durchweht. Im Anhang einige Auszüge aus den besten Reisebeschreibungen über diese Länder, nebst eignen Bemerkungen, vom Herausgebern Mit 5 Kupfern. Berlin, 1789.

² Das merkwürdigste Jahr meines Lebens, 2 Bände, Berlin, 1801. Русские издания: Достопамятный год моей жизни Августа Коцебу или заточение его в Сибирь и возвращение оттуда, описанное им самим, 2 ч., перевод с немецкого В. Кряжева, Москва, 1806; новое издание в приложении в «Древней и Новой России», 1879. Приведенные в настоящей работе выдержки даны по изданию 1806 года.

³ Шапп д'Отрош (Jeane Chappe d'Auteroche — 1722—1769) в 1761 году принял поручение Парижской академии наук отправиться для наблюдения в Тобольске прохождения Венеры через диск солнца. Путешествие по России и Сибири он описал в своем: Voyage en Sibirie, fait par Ordre du Roi en 1761; contenant les Moeurs, les Usages des Russes, et l'Etat actuel de cette Puissance; la Description géographique et Nivellement de la route de Paris à Tobolsk; l'Histoire naturelle de la même route; des Observations astronomiques, et des Expériences sur l'Électricité naturelle: enrichi de cartes géographiques, de plans, de profils, du terrain; des gravures qui représentent les usages des Russes, leurs mœurs, leurs habillemens, les divinités des Calmouks, et plusieurs morceaux d'histoire naturelle. Par M.

l'Abbé Chappe d'Auteroche, de l'Académie royale des Sciences. Tom premier. Paris, 1768.

⁴ Antidot, ou examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: „Voyage en Sibirie...“, (Note sur le titre. Voilà bien des choses pour un homme, qui a couru la poste depuis Paris jus qu'à

Tobolsk). Mais passons outre. A Amsterdam, MDCCLXXI. Русский перевод опубликован в книге «Осмнадцатый век». Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. Книга 4-я, 1869, стр. 225—463, под заглавием: «Антидот» (противоядие). Poleмиче-ское сочинение государыни императрицы Екатерины второй. Перевод с французского подлинника. Переводчик П. Б. (Петр Барте-нев), ссылаясь на рукопись, написанную рукой статс-секретаря Г. В. Козидкого, считает авторство последнего сомнительным. Предло-жения других исследователей о том, что «Антидот» написан И. И. Шуваловым, нуждается в уточнении. Можно согласиться с мнени-ем П. Бартева, что «Антидот» написан если не собственноручно Екатериной II, то по прямому ее указанию, с ее слов или под ее дик-товку. См. «Осмнадцатый век», стр. 463, а также В. Г. Мирзоев, Историография Сибири (XVIII век), Кемерово, 1963, стр. 178.

⁵ «Осмнадцатый век», стр. 231.

⁶ Там же, стр. 275.

⁷ Там же, стр. 351 и 356.

⁸ Денежные расчеты Вагнера основаны на следующих предполо-жениях: 1 алтын равен 3 копейкам или 10 пфеннигам, 2 алтына — 1 грошу и 7 пфеннигам, 1 грош — 12 пфеннигам.

⁹ Русские реминисценции встречаются во многих из этих пьес, часто упоминаются русские имена и события, а некоторые («Graf Benjowsky oder die Verschwörung auf Kamtschatka»—1794; „Der alte Leibkutscher Peter des Dritten. Eine wahre Anekdote“—1799; „Der Russe in Deutschland“—1808 и др.) посвящены целиком рус-ской тематике.

¹⁰ Предисловие переводчика книги А. Коцебу «Достопамятный год моей жизни», СПб., 1879.

¹¹ О причине своего ареста сам Коцебу пишет в своих воспом-инаниях: «Беспременно думая так и сяк о причине моей ссылки, вспомнил я, что за десять лет до того сочинил я комедию графа Беньювского. Когда она вышла в печати, то покойная императрица Екатерина прислала секретное повеление к губернатору Невельско-му, чтобы он, не обнаруживая сего препоручения ему, разведал от меня, с каким намерением написал я эту комедию. Он это выпол-нил. Я отвечал натурально: что история графа Беньювского показа-лась мне хорошим содержанием для комедии и до меня уже для театра обработана была Г. Вульпиусом. При том и осталось, и ве-ликая монархия, как предвидеть было можно, о том не помышля-ла». «Достопамятный год жизни Августа Коцебу», стр. 143. Позже Коцебу в Кенигсберге встретился с графом Кутайсовым и спросил его о причине высылки в Сибирь. «Он с неложною откровенностью отвечал, что совсем никакой настоящей причины не было, кроме то-го, что я как писатель был подозрителен государю». Там же, стр. 263.

¹² См. С. Н. Мамеев, Документы, относящиеся к ссылке Августа Коцебу в Сибирь в 1800 году, Тобольск, 1894. Оттиск из 2-го выпу-ска «Ежегодника Тобольского губернского музея» за 1894 год.

¹³ Ссылный, с которым Коцебу познакомился в Тобольске.

¹⁴ Надворный советник, тобольский генерал-штаблекарь, родом из Ревеля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мир ревниво оберегает свои тайны от человека и отдает ему лишь то, чего он добивается неустанным и целенаправленным поиском. Голландца Николая Витсена привела в Россию жажда узнавания неизвестных стран Севера и Востока, и Сибирь раскрылась ему во всем своем многообразии и пестроте фактов и явлений, любовно собранных старательным и вечно удивленным перед новым любителем, не знающим еще, что ждет его впереди.

Для дипломатов Белла, Ланге и Унферцагга Сибирь была лишь большой дорогой в далекий Пекин с долгими остановками и медлительным продвижением по огромным пространствам. Взор их не простирается вглубь: лежащее рядом, на пути становится предметом их интереса.

Тягостное и вынужденное безделье долгого изгнания в сибирской ссылке делает исследователями Сибири шведских военнопленных офицеров Страленберга, Мюллера, Вреха и многих их соотечественников. Они наблюдают и сравнивают, пытаются уловить сходство и несхожесть увиденного с тем далеким миром, с которым их разлучила катастрофа войны и поражения. Проникают они в тайны далекого края неохотно, как бы ощупью, неуверенно, боязливо, со страхом и нелюбовью.

Большие академические сибирские экспедиции приводят в Сибирь ученых Мессершмидта, Палласа, Гмелина, Георги, Зиверса. Россия с ее беспредельными просторами становится их второй родиной, родиной мысли и научной одержимости.

Игриво, иронически, с вечной насмешливой улыбкой на губах созерцает Сибирь завсегдаю парижских салонов элегантный аббат Шапп д'Отрош, выискивая во всем смешное, необычное.

Для прусского постдиректора Вагнера и Августа Коцебу Сибирь — это огромная воображаемая несправедливость, они вечно недовольны и вечно брюзгливы.

Но как бы ни различны были эти люди, как бы различны ни были их характеры, их склонности и направление ума — Сибирь каждому дала нечто новое, раскрывала каждый раз какие-то свои другие стороны. И в

строках их дневников, записей, писем прибавлялись какие-то новые черточки познания Сибири.

Конечно, известия зарубежных ученых и путешественников XVIII века о Сибири ни по полноте, ни по объективности не могут идти в сравнение с работами русских исследователей. В этом отношении их ценность для географа, историка или этнографа порой весьма относительна. Но, как это и ни звучит парадоксально, их познавательное значение часто заключается как раз не в их объективности, а именно в их субъективности. Многое, что пытливому взору русского человека представлялось как нечто привычное, обыденное и поэтому мало примечательное, для иностранца в силу контраста с известными ему зарубежными картинами жизни и представлениями казалось исключительным и уже по этому одному достойным внимательного рассмотрения. Поэтому многие детали, ускользающие от внимания русских исследователей Сибири, сохранились именно благодаря трудам зарубежных путешественников в памяти потомства.

Но не только в этом дело. Если даже значение иностранных известий о Сибири для развития русской исторической и географической науки ограничено, то для развития мирового научного познания мира оно несомненно.

Сведения о природе Сибири, о жизни ее аборигенов благодаря посетившим и описавшим восточные окраины Российской империи зарубежным ученым и путешественникам проникают в научный обиход, дают обильную пищу для исторических сопоставлений и сравнений, способствуют наряду с аналогичными сведениями о населяющих Африку, Азию, Австралию народах, стоявших по сравнению с народами так называемых цивилизованных стран на более низкой ступени общественного развития, созданию истинно научных представлений об общем генезисе человечества, о смене исторических формаций и их исторической неизбежности. Конечно, не случаен тот интерес, который проявили к Сибири многие деятели французского просвещения — Руссо, Вольтер и Дидро.

Не случаен, конечно, и тот факт, что сибирские материалы вскоре затем широким потоком проникают и в западноевропейскую художественную литературу XVIII

века. Сибирская тема присутствует во многих произведениях Дефо, Свифта, Геллерта, Галлера, Гердера и других корифеев мировой литературы. И это не только симптомы количественного расширения диапазона мировой поэзии, но и ее качественного преобразования. Несомненно, что включение этих новых материалов в обиход западноевропейской литературы немало способствовало формированию европейского критического реализма XIX века с его гармоничным сочетанием научного и поэтического мышления. Проблема эта далеко еще не изучена. Задача настоящей работы — наметить один из многочисленных путей изучения этого вопроса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Известия Николая Витсена о Сибири	10
ГЛАВА ВТОРАЯ. Известия иностранцев-дипломатов на русской службе (Перри, Белл, Унферцагт)	36
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Известия шведских военнопленных о Сибири (Врех, Ренат, Мюллер). Книга Вебера «Преобразованная Россия»	68
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Записки Лоренца Ланге о Сибири. «Наинouvelшее государство Сибирь». Книга Ф. И. Страленберга «Северная и восточная части Европы и Азии»	105
ГЛАВА ПЯТАЯ. Известия участников сибирских академических экспедиций в середине XVIII века (Мессершмидт, Паллас, Георги, Гмелин, Лаксман, Зиверс).	140
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Записки Ренье о бурятах	185
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Картины быта и нравов сибиряков в книгах Шаппа д'Отроша, Вагнера и Коцебу	206
Заключение	243

В Восточно-Сибирском книжном издательстве в IV квартале 1968 г. выходит сборник «СИБИРЬ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСТЕЙ».

С каждым годом все заманчивей звучит слово «Сибирь» для людей самых разных взглядов и общественного положения, для крупных ученых и писателей зарубежных стран. И на берегах Байкала, в Братске, в Шелехове все чаще можно услышать слова уважения и удивления, произнесенные на всех языках мира.

Уже вышли десятки книг о Сибири в Англии и Франции, Югославии, Польше, Чехословакии, Болгарии. Уже в десятках стран опубликованы стихи и очерки о нашем замечательном крае. Лучшее и самое интересное из этого будет помещено в сборнике «Сибирь глазами зарубежных гостей». Читатель встретит здесь всемирно известные имена — Пьера Гамарры, Алана Силлитоу, Бранко Чопича, Алана Маршалла, Юзефа Ленарта, Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда и многих других.

Эрвин Петрович ЗИННЕР

*Сибирь в известиях западноевропейских
путешественников и ученых XVIII века.*

Художник **Г. И. Котухов.**
Редактор **А. С. Лысенко.**
Худож. редактор **А. И. Аносов.**
Техн. редактор **Г. Ф. Карамзина**
Корректор **Н. И. Рихванова.**

Сдано в набор 12 января 1968 г. Подпи-
сано в печать 16 мая 1968 г. Печ. л. 13,02.
Уч.-изд. л. 13,44. Бумага № 3. Формат
издания 84×108 $\frac{1}{2}$. Заказ № 399. Ти-
раж 10000. НЕ 00126. Цена 58 коп.

